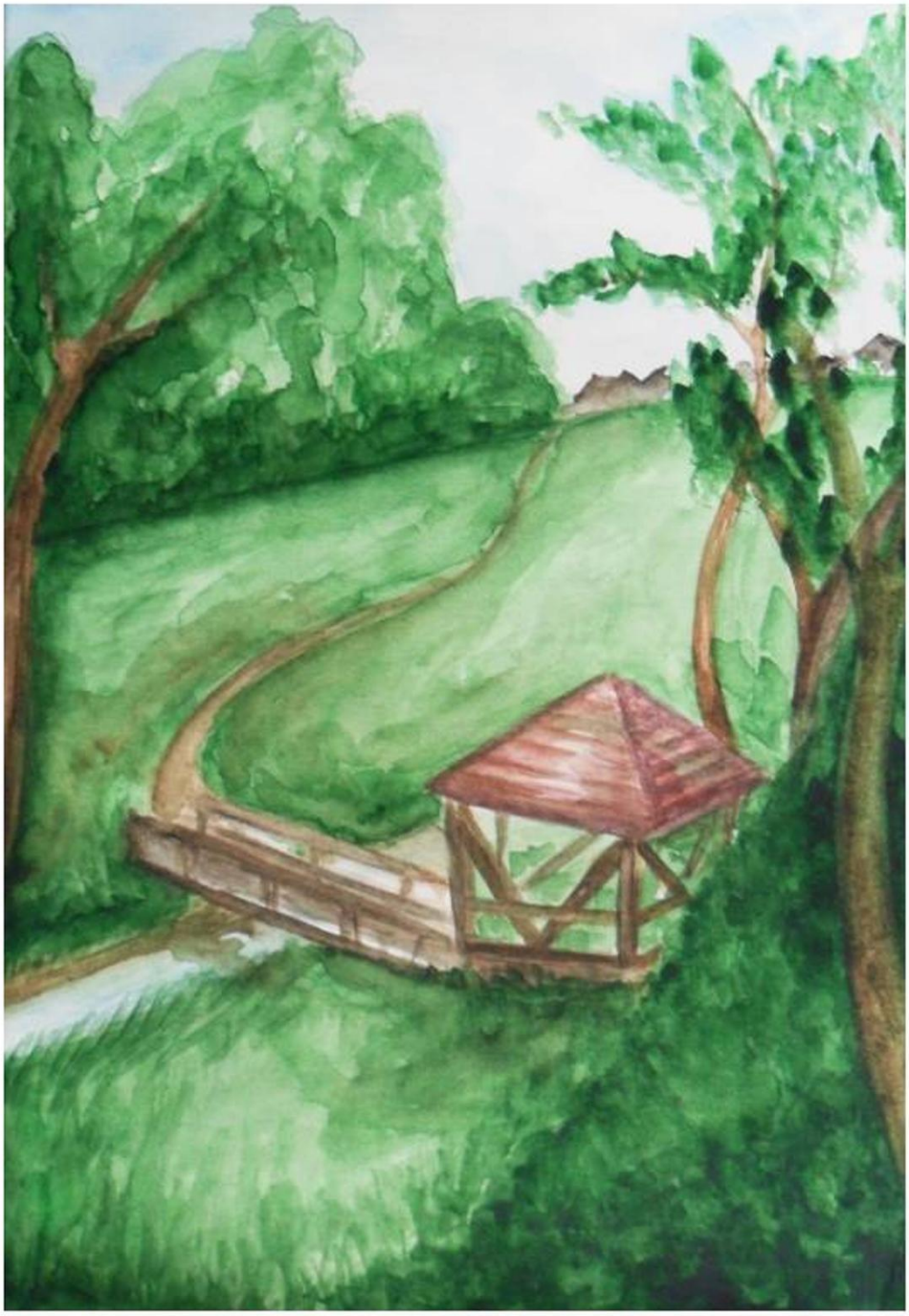
Арсен Лавров

Пока в деревне бьет родник...

18+

Арсен Лавров

Пока в деревне бьет родник...

«Автор»
2026

Лавров А. В.

Пока в деревне бьет родник... / А. В. Лавров — «Автор», 2026

Степан Лопухин - городской житель. Отслужив в Советской Армии в рядах морской пехоты, знакомится с выпускницей сельскохозяйственного института Надеждой. Они играют свадьбу и переезжают в деревню. Надежда, получив специальность зооинженера получает направление в один из колхозов, где ее ставят на должность зоотехника, так как в штате хозяйства нет должности зооинженера. Степан устраивается трактористом. С этого момента деревня испытывает городского парня на прочность. У него начинается настоящая деревенская жизнь со своими невероятными юмористическими приключениями и необычными казусными историями, которые может придумать только сама жизнь. Все события происходят в первой половине 1970-х годов. Истории, описанные в книге не вымысел автора, а реальные жизненные ситуации, которые происходили в действительности. Каждый персонаж повести является реальным прототипом реального человека. Легкий и добрый сюжет книги, наполненный юмором, окунет своего читателя в наше прекрасное прошлое.

© Лавров А. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 27
Глава 3 46
Глава 4 66
Глава 5 85
Глава 6 104
Конец ознакомительного фрагмента. 125

Арсен Лавров
Пока в деревне бьет родник...

Глава 1

ОТ АВТОРА

«Деревня живёт, пока в ней бьёт родник…» - так говорили наши предки. Такое утверждение существовало ещё у древних славянских племён, которые считали воду источником жизни. А движущуюся воду – живой водой. Если умирал родник – умирала и деревня, позже получившая название «русской глубинки».

Русская глубинка испокон веков была загадкой для всех, кроме тех, кто жил непосредственно в ней самой, потому что вся её таинственность и загадочность создавалась самими жителями хуторов, деревень и сёл, разбросанных по всей территории необъятной и безграничной России. Самобытность, неповторимость и внутренняя сущность этой самой глубинки заключается в том, что в ней на протяжении многих столетий жили, живут и будут жить люди со своими канонами, неписаными законами и правилами, строго соблюдающие все традиции предков, а главное – знающие истинную суть понятия «свобода». В отличие от всех тех, кто проживает в обычных городах и крупных мегаполисах страны, селяне обладают такими очень редкими человеческими качествами, которые практически отсутствуют в современном цивилизованном обществе, как – искренность и доброта, благородство и преданность, самопожертвование и щедрость, открытость и бескорыстие. Это люди, умеющие гулять с безграничным размахом, увлекая в процесс веселья не только своих соседей, но и всю деревню; способные работать так, что с точки зрения физиологии человека, трудно даже представить, насколько выносливым и крепок может быть человеческий организм; воспитывающие своих детей так, что ни для одного деревенского юноши никогда не встанет вопрос – идти ли служить в армию, а у деревенских девушек главным жизненным кредо является преданность близкому, пусть даже не всегда любимому, человеку…

Если в давние времена суть русской глубинки была непонятна и покрыта какой-то невидимой вуалью тайн и секретов для иностранцев, то в современной жизни теми же самыми тайнами и секретами скрыта она даже от глаз нашего современного городского жителя.

Сегодня, в XXI веке, общество стало технически высоко прогрессивным и мобильным, поднявшимся на ряд ступеней выше в своём развитии, в отличие от того, на каком уровне оно находилось ещё каких-то 25-30 лет назад. В свою очередь, деревня в своей традиционности и самобытности не подверглась никаким изменениям, даже несмотря на кардинальные политические и экономические изменения в государстве, более того, наоборот – в некоторых сельских населённых пунктах развитие остановилось вовсе, а зачастую, жизнь и быт деревенского жителя вернулись на многие десятилетия назад.

Сегодня тысячи деревень умерли. На сотнях тысяч гектаров земли, на которых они когда-то стояли, растут густые заросли борщевика, лебеды, бурьяна, а также кусты ивняка и ольшаника. Десятки тысяч деревень, имевшие ещё каких-то пару десятков лет назад в своих пределах сотни дворов и подворий, превратились в хуторки. В этих заброшенных хуторках проживают по три-пять семей, а, порой, коротают свой долгий век по три-пять старух или стариков, доживающих на ту, необходимую для существования, помощь, которую иногда отправляют дети, внуки и правнуки, уютно обосновавшиеся в городах по всей матушке-России. Но, как бы не сложилось, а русская глубинка не исчезнет с географических карт нашей страны никогда. И этому есть несколько причин, одной из которых является летний сезон отпусков.

Ежегодно, начиная с апреля-месяца и заканчивая октябрём, из всех городов – малых и больших и их окрестностей, тянутся колонны современных автомобилей разных классов и комплектаций – дорогих и дешёвых, новых и старых, блестящих и отдающих отблеском ржавчины – цвета золота высшей пробы. Все эти автомобили в общей массе своей, плавно перерастают в целые многокилометровые колонны железных и бездушных монстров. В кабинах этих машин сидят люди, которые хотя и являются по сути своей провинциалами, но твёрдо считают себя городскими. Из грязных и шумных городов они не едут, они бегут в сторону сельской местности, особенно в период отпусков, праздничные и выходные дни. С высоты птичьего полёта эти угрожающие колонны становятся похожими на длинных и прожорливых змей, расползающихся в разные стороны от центров своих городов. И ведь это не версия, это – факт, который кто-то не видит по простоте своей душевной, а кто-то не хочет признавать его умышленно.

А ведь в этих, на внешний вид злобных и очень агрессивных автомобилях, едут разные люди, преследуя разные цели от своих поездок за город. Их водителями являются: рыбаки и охотники, дачники и туристы, растениеводы и пенсионеры, любители фауны и флоры, случайные автолюбители и обычные гости. Кто-то едет на выходные, чтобы навестить своих родителей, бабушек и дедушек. Кто-то едет домой после долгой и тяжёлой вахты, с нетерпением ожидая встречи с семьёй. Есть и такие, кто покидает город только лишь из-за того, что хочет побыть наедине с самим собой, окунувшись с головой в лоно первозданной природы, вдохнуть в себя глоток чистейшего воздуха соснового бора и искупаться в диком лесном озере, смыв с себя весь тот негатив каменных джунглей, который накопился за неделю… месяц… год…

Нет в России человека, которого не тянула бы деревня своей невидимой, но какой-то необъяснимой силой. Сегодня ушли в историческое прошлое избы-пятистенки из строевой сосны, с резными наличниками и ставнями на окнах, а на смену им пришли коттеджи и особняки из красного кирпича с пластиковыми оконными блоками и мощными железными входными дверьми, спрятанные за глухими металлическими заборами, по периметру которых устанавливаются видеокамеры, а на въездах – шлагбаумы. Изменился облик русской глубинки. Где-то этот облик остался первозданным, каким он был ещё в годы детства наших бабушек и дедушек, а в некоторых местах он уже приобрёл цивилизованный и современный вид. Но это только внешняя обёртка. А ведь изнутри всё остаётся тем же самым, как это было пятьдесят, сто, двести лет назад…

Как говорят сами деревенские старожилы: «Поменять можно одёжку, а душа остаётся та же…». А старики всегда правы, на том простом основании, что старость – это мудрость, которую нельзя купить или извлечь из, пусть даже самых умных, книг, потому как она приходит только лишь с годами и жизненным опытом.

Данная повесть посвящена всем тем, кто посвятил всю свою жизнь деревне, не предав её, и не изменив её обычаев, традиций, а также самой сущности понятия «русская деревня». Она посвящена тем, кто в трудные годы «Перестройки» и «постперестроечного периода» не покинул деревню, бросив всё, и не уехал в город в надежде найти новою и лёгкую жизнь. Эта повесть о тех, кто в трудные для всей страны годы не сломался, а продолжил дальше жить и трудиться на селе, невзирая на весь тот трагизм, который пришлось пережить всей русской глубинке, оказавшейся изолированной от внешнего мира отсутствием дорог, сельмагов и автобусных маршрутов.

В произведении рассказывается о реальных людях и реальных событиях, которые имели место быть в действительности. У каждого героя повести есть свой прототип, который жил или живёт и здравствует до сих пор. В произведении соблюдена хроника событий и правдоподобность тех или иных событий.

Российскому селу посвящается…

«Я пройду мимо этого дома

И украдкой взгляну на окошки,
А под вечер вернусь сюда снова,
Чтобы песни петь под гармошку.
Буду петь про озер глубины,
О цветах луговых в росах.
Про глаза твои голубые
И про русые длинные косы.
Про разбитое сердце любовью,
А еще – про надежду и веру,
И ты выйдешь ко мне из дому.
Потихоньку, не скрипнув дверью.
И тогда я в счастье поверю,
Чувствам в груди будет тесно.
Мы, обнявшись, уйдем за деревню
И там вместе продолжим песню.
Не забудется летняя ночка
И над речкой рожденье зари,
Будет нежной и непорочной
Эта песня нашей любви...»

(Виктор ЛАВРОВ)

«АРИСТОКРАТ»

Молодая семья Лопухиных приехала работать в колхоз «Путь имени Ленина» в 1972 году.

Переезд был не случайным.

Как многие миллионы молодожёнов и холостяков того прекрасного и беззаветного советского периода, Надежда с мужем Степаном прибыла для дальнейшей работы в хозяйство по направлению, после окончания сельскохозяйственного института.

В то время любой специалист, окончивший среднее или высшее учебное заведение, должен был отработать по распределению три года там, куда его направят. В основном, это была сельская местность. А там дальше, как уж сложится – кто-то волею судьбы оставался на постоянное место жительства, выйдя замуж или женившись на ком-то из местных, а кто-то уезжал обратно, считая каждый прожитый день, отмечая его в календаре, тем самым, морально приближая заветный конец вынужденной и обязательной отработки.

В молодой семье Лопухиных такое распределение получила Надежда, как молодой специалист в области сельского хозяйства. Ей, после окончания ВУЗа, был вручён «красный» диплом, с указанной в нём специальностью - «зоотехник». С учётом своего личного желания, которое предоставлялось только лишь выпускникам-отличникам, девушка была направлена в один из передовых колхозов области.

Надя была невысокой худенькой брюнеткой, с небесно-голубыми глазами и стрижкой, под популярную в тот период, французскую певицу Мирей Матье. Она хоть и была сама родом из деревни, но за модой следила строго. Её приверженность моде заключалась в систематической скупке всех свежих журналов, в той или иной степени посвящённых моде. Она постоянно покупала в киосках «Союзпечати» самые свежие журналы о моде. Но, к сожалению, девушка никогда не одевалась, придерживаясь этой самой моды. У неё на это не хватало денег, так как вся повышенная стипендия отличницы шла на книжки, журналы, конфеты и мороженое.

Благодаря своему рвению к учёбе, Надежда уверенно и легко сдавала все экзамены и зачёты, итогом чего и стал диплом с отличными оценками, который под музыку и громкие аплодисменты однокурсников и преподавателей института, был вручён ей на выпуске лично ректором учебного заведения – Бородой Николаем Александровичем.

Будучи ещё первокурсницей, находясь на первой своей производственной практике в одном из колхозов, молоденькая студентка уже тогда проявила себя, как очень грамотный специалист, а также не только, как перспективный и талантливый зоотехник, а ещё и человек, очень хорошо разбирающийся в вопросах ветеринарии, что в дальнейшей её учёбе сыграло немаловажную роль. Наде удалось без хирургического вмешательства ветврача принять роды у коровы, плод которой находился в неправильном предродовом положении. Каково было удивление её научного руководителя, ветврача и самого председателя колхоза, когда после проведения всей родовой процедуры, телёнок не только не пострадал, но и показал отличные физические данные, параметры которых вошли в нормативные послеродовые рамки. Председатель колхоза товарищ Царегородцев тогда сразу же сделал первокурснице деловое предложение:

- Надюша, ты – гений! Я предлагаю тебе перейти на заочное отделение и остаться работать в нашем колхозе. Я дам тебе хорошую зарплату, новый дом. Его я держу для главного инженера, который скоро должен приехать, ну, да ничего, он поживёт пока на квартире у тётки Алевтины. А ещё поставим тебя на очередь на «Москвиченок». Ну, как, согласна? – с нескрываемой надеждой в глазах, спросил у студентки председатель.

- Спасибо за предложение, но я ничего особого не сделала… А учиться я хочу очно, Пётр Ильич, - со смущением ответила студентка.

Четыре курса студенческой жизни прошли, как по шаблону. Только лишь кода Надя перешла на последний пятый курс института, в её жизни появились некоторые просветы – она стала ходить на танцы, иногда по вечерам она с подружками посещала кинотеатры областного центра, покупая билеты на предпоследние киносеансы.

Учебный год Надежды состоял из каждодневного обучения в институте. Но большинство вечеров и даже выходные она всё-таки проводила за книгами по животноводству. Иногда, перед сном, приняв удобное положение на своей кровати, обложившись научной литературой, студентка-отличница штудировала не научную литературу по своей специальности, а листала новый модный журнал. Переворачивая страницы очередного печатного издания, она периодически отвлекалась и, переводя свой взгляд куда-то вдаль, представляла себя в том или ином наряде. То в вечернем синем платье с глубоким разрезом на спине, то в новой бежевой блузке, которая в этом сезоне будет писком моды, то в юбке тёмно-синего цвета, которую девчонки в общежитии прозвали «три пальца от колена». Эта мода в те годы наводила много шума в кругу не только молоденьких советских модниц, но и женщин более зрелого возраста.

В период каникул, когда были сданы все экзамены и зачёты, пройдена производственная практика, а общежитие закрывалось на ремонтные и профилактические работы, к проведению которых было привлечено особое внимание лично товарища Бороды, Надя, как и тысячи советских студентов, разъезжавшиеся в родные места, уезжала к родителям в родную деревню.

В отличие от городских однокурсниц, дома отдыхать ей не приходилось. У родителей было своё хозяйство, которое состояло из двух бычков, трёх коров, пяти дюжин гусей, полсотни кур и двух жирных поросят, число которых было постоянным. В случае, если отец Надежды колол одного поросёнка, то на замену сразу же на колхозной свиноферме брал нового, в возрасте одного или полутора месяцев от роду.

Отец Надежды – Усов Владимир Васильевич – потомственный ветеринарный врач в четвёртом поколении, всю жизнь отработавший с одной записью в «Трудовой книжке». Вся его трудовая деятельность прошла в колхозе «Красное Знамя». Как человек, продолживший трудовую династию, отец Нади всегда был твёрдо убеждён в том, что все его дети будут тоже ветврачами, как его предки - отец, дед и прадед. Поэтому, когда дочь на школьном выпускном балу

поставила родителей перед фактом своего поступления в сельскохозяйственный институт на зоотехника, Владимир Васильевич сразу же воспринял это сообщение, как злую ироническую шутку, громко засмеявшись, сказал, что он не видит её больше ни в какой профессии, кроме ветеринарии. Усов так и не воспринял слова Нади всерьёз до того самого момента, пока та не купила билеты на поезд, чтобы ехать в учебное заведение для сдачи вступительных экзаменов.

Владимир Васильевич имел известность во всём районе, как очень грамотный, опытный и талантливый ветеринарный врач. За свои четверть века работы Усов многократно выезжал в соседние хозяйства района по личным просьбам руководителей колхозов и совхозов. Просьбы носили разный характер. В основном, его помощь требовалась в экстренных случаях. Но были случаи, когда ветеринара приглашали для тех или иных консультаций, которые он давал совсем молодым, либо менее опытным своим коллегам. Он был идейным коммунистом, входил в состав членов бюро райкома КПСС. Его фамилию хорошо знали и в стенах областного комитета партии, что в свою очередь играло для него самого немаловажную роль на уровне района. Внешне Владимир Васильевич ничем не отличался от обычных колхозников. Худощавый и невысокий мужчина средних лет, с лёгкой сединой на висках, в кепке, сапогах и повседневной рабочей одежде – так обычно выглядел Усов на работе. Костюм, галстук и лакированные туфли он надевал очень редко, только лишь на общеколхозные и партийные собрания, которые он в связи с загруженностью на работе, не мог посещать, за что имел огромное уважение в лице рядовых работников хозяйства.

Дочь Надю Усов начал брать на работу с того самого момента, когда та научилась ходить. Она всё своё свободное время пропадала с отцом, то на скотоводческих фермах, то на конезаводе, то ходила по частным дворам, помогая Владимиру Васильевичу делать прививки домашним животным, проводить кастрации, принимать роды у животных, а также делать разного рода хирургические операции. За те детские и подростковые годы, которые Надежда провела с отцом на работе, девушка научилась многому и узнала в области ветеринарии столько, сколько не знали большинство молодых выпускников ветеринарных факультетов.

Так бы, возможно, и дальше без изменений протекала традиционная студенческая жизнь Надежды, если бы не день рождения у Парамоновой Светки – одногруппницы, соседки по комнате и лучшей её подруги.

Светка по характеру была девушкой далеко не скромной, через чур прямолинейной, очень активной и болтливой. Но, не смотря на ряд её недостатков, она не была обделена вниманием молодых людей. За те четыре года своего обучения в институте Светлана с десяток раз получала предложения выйти замуж то от одного, то от другого студента. Но так никого и не осчастливила своим согласием. Она в совершенстве владела искусством флирта, но в то же время знала грань, которую не позволяла себе переступить. И дойдя до этой самой грани, она резко прекращала какие-либо отношения с парнем. Но это никак не портило её репутацию порядочной девушки, чему всегда очень удивлялись все её подруги.

Светлана очень следила за своей внешностью. Природа и так наградила её обаятельной внешностью – небесно-голубые глаза и очаровательная улыбка девушки сводили с ума всех мальчишек ещё в период её обучения в школе, а весёлый и общительный нрав стал отличным добавлением к её внешности в вопросах флирта…

- Девчонки, мамка отправила мне перевод специально на день рождения, так что гуляем! – размахивая извещением о почтовом денежном переводе, вбежав в комнату с радостной вестью, громко завопила Светка.

- Вы идите, конечно, а я не пойду, - тихим голосом ответила на приглашение подруги Надя, не подозревая о том, что именно это праздничное событие станет судьбоносным в будущей её жизни.

- Как это не пойдёшь? Я уже в «Спутнике» была и заказала нам четыре места. Никакие отговорки не принимаются! И точка! – со строгостью в голосе ответила Светка на отказ Надежды составить компанию.

- Свет, ну мне идти не в чем, - ещё тише промолвила Надя. – Вот, глянь, что пишут, - и протянула последний выпуск модного журнала подруге.

Светка взяла в руки издание, немного полистав его, не скрывая эмоций, затараторила:

- Ну, ты, подруга, даёшь! Это журнал не для студенток советских институтов, а для британской королевы! Хватит голову забивать импортным тряпьём! – и небрежно бросила журнал на свою, аккуратно заправленную, кровать.

Надежда за время своей учёбы в институте неплохо узнала свою подругу – уж если та чего решит, то от своего не отступит. Поэтому, чтобы не портить подруге праздник, Надя молча встала, оделась, поправила тушью стрелки на глазах, подвела губы ярко-красной помадой. Она достала из прикроватной тумбочки флакончик, дорогих в то время, духов «Красная Москва», подушилась и, ещё раз взглянув на себя в зеркало перед уходом, отправилась со своими подругами во главе с именинницей, в ресторан «Спутник», на то время пользовавшийся большой популярностью среди студентов и местной молодёжи.

В ресторане, действительно, Светкой был заказан столик. На момент прибытия девчонок на столике стояли тарелки, бокалы и столовые приборы. По обе стороны тарелок, обёрнутые в белоснежные салфетки, с соблюдением правил этикета, лежали ножи, вилки и ложки.

Именинница и гости заняли свои места. К ним подошёл высокий и худенький, лет двадцати, похожий больше на подростка, чем на мужчину, официант. С улыбкой, приятным голосом, нараспев, он спросил:

- Что будем заказывать, девушки? – обводя по часовой стрелке всех подруг внимательным взглядом, по которому можно было понять, что он обращается как ко всем сразу, так и к каждой по отдельности.

- Молодой человек, - сразу же взяла инициативу в свои руки Светка. – У меня сегодня день рождения. Что в таких случаях заказывают студенты в вашем заведении? Вот то и принесите нам, пожалуйста. Из напитков принесите «Шампанское», - сделав паузу, добавила, флиртуя и, «строя глазки» официанту, произвела полный свой заказ Светка. – Ну, и ещё бутылочку «сухого», будьте добры.

Заказ не заставил себя долго ждать. Спустя несколько минут на бежевой, в розовый цветочек скатерти, которой был накрыт столик, стояло две бутылки «Шампанского» и «сухого» вина. Ещё через минуту официант принёс две бутылки минеральной воды «Боржоми», четыре розетки с салатами, свиные отбивные, кусочки фаршированной рыбы, блюдце со шпротами, три веточки винограда, с десяток хорошо вызревших вишен и два, нарезанных колечками, апельсина.

И вот, наконец, долгожданный банкет начался…

Ресторан «Спутник» хотя и был небольшим в своих размерах, но благодаря некоторым тонкостям своего дизайна изнутри он казался посетителю очень просторным. Если столики и стулья представляли из себя штатную «столовскую» мебель, то тяжёлые бархатные занавесы на окнах, аккуратно сложенные в нижней части и перетянутые кружевными ленточками и, имевшие модный в советский период тёмно-бордовый цвет, придавали заведению некую солидность.

В этот вечер, в отличие от других дней, посетителей в ресторане было не совсем много. Несколько столиков оставались свободными. На двух из них стояли таблички с надписью «заказан».

Виновница торжества и подружки занимали столик у окна, в самой дальней части зала. Светка ещё в самом начале вечера, перед тем как сделать заказ, внимательно осмотрелась вокруг себя, с одной единственной целью – найти среди клиентов заведения подходящие кан-

дидатуры из молодых людей, с которыми можно было бы потанцевать в течение вечера и, конечно же, с которыми можно было бы немного пофлиртовать в свой день. Среди тех, кто присутствовал на данный момент, она выделила для себя три столика. За первым сидели три парня. На вид ребятам было года по двадцать три, максимум, по двадцать пять. За вторым, перспективным для Светки, столиком комфортно разместилась весёлая и шумная компания мужчин более зрелого возраста. По её предположению, эти мужчины являлись либо армянами, либо грузинами. За третьим столиком сидели два представительных мужчины, которые вели какой-то серьёзный разговор. Светка сразу решила, что это два начальника. Остальные мужчины, которые находились в зале были либо с женщинами, либо не вызвали Светкиного интереса.

- Света, мы зачем сюда пришли? – спросила Надя, ощущая некоторое неудобство потому, что её подруга своим откровенным поведением начала привлекать внимание посетителей ресторана. – Мне казалось, что мы собирались отметить твой день рождения, а не искать кавалеров. Или я ошибаюсь?

- Да, разумеется, Надюш, что мы пришли отметить праздник, но… - сделала пауза Светка. – Но ведь одно другому не мешает. Правда, девочки? – обратилась именинница к остальным подругам, надеясь найти в их лице поддержку своим действиям.

- Я думаю, что Надюха права, - ответила одна из четырёх подруг - Денисова Ленка.

- Девчонки, кто будет говорить первый тост? – решила перевести тему разговора в праздничное русло четвёртая из подруг – Кожанова Галина.

Прошло два часа.

Надя на протяжение всего того времени, пока они с девчонками находились в ресторане, чувствовала себя как-то не совсем удобно. У неё складывалось такое внутреннее ощущение, что ей в спину кто-то смотрит. Хотя она и была родом из деревни, но имела очень хорошее воспитание, которое не позволяло ей обернуться и посмотреть, кто же так неприятно воздействует на неё, сверля её своим взглядом со спины. И всё-таки это начинало Надю порядком раздражать. Желание обернуться и посмотреть на того, кто доставляет ей неудобства, очень уж распирало студентку. Но, видимо, тот, кто доставлял девушке такой дискомфорт, умел читать мысли – он встал из-за столика, подошёл к ней сзади и, взяв её молча вместе со стулом, перенёс за свой столик, где сидели ещё два молодых человека.

Испуганный взгляд Надя переводила от «похитителя» к его друзьям и обратно. Ком встал в горле, не давая возможности Надежде даже издать звук. Неподдельный страх закрался в маленькое тело девушки, вызвав нервную дрожь. Похитивший её молодой человек смотрел на девушку добрыми карими глазами, взглядом говоря ей: «Ничего дурного с тобой не произойдёт…». После некоторой минутной паузы юноша произнёс:

- Привет! Да ты нас не бойся. Мы – люди миролюбивые, - своей обаятельной улыбкой располагая девушку к разговору, и пытаясь снять с неё ощущение испуга, уточнил парень.

- Никто тебя не боится… А это вообще, что означает? Взял и перетащил за свой столик. А ничего, что я со своей компанией пришла? – уже ощущая себя в кругу незнакомцев более уверенно, произнесла девушка.

- Я искренне хочу извиниться за это, - произнёс молодой человек, с чувством сожаления о случившемся. – Разрешите представиться, потомственный граф и аристократ Степан Сергеевич Лопухин, - вытянувшись во весь рост и склоняя голову, как это было принято в дворянской среде в момент знакомств, с чувством гордости и достоинства скороговоркой представился «похититель».

- Хи-хи-хи… Кто? – прыснула смешком Надежда, воспринимая информацию нового знакомого, как шутку. – Граф?.. М-да-а, а я думала, что аристократы, графья, дворяне и все остальные уехали в Париж после революции… А выходит, что не все… - и захохотала так, что все посетители ресторана обернулись, уставив на неё свои взоры.

Не дав возможности «графу» произнести ответного слова, к столику с молодыми людьми, как коршун, подлетела Светка и с оттенком агрессии выпалила, как пулемёт:

- Вы чего, вообще обнаглели? Вы кто такие? – и, адресуя своё обращение конкретно «аристократу», строго, стукнув своим кулачком по краю стола, скомандовала: – А, ну-ка, поставь её туда, откуда взял!

Парни молча встали и втроём, подняв стул, с сидевшей на нём Надей, больше походившей на королеву, восседавшей на троне, чем на будущего зоотехника, отнесли и поставили его на прежнее место.

Но то, что Надя услышала от Степана, её очень заинтересовало – «А может и правда не врёт?.. Аристократ… Граф Лопухин… Да нет, врёт скорее всего…» - подумала девушка. Её поклонник был одет со вкусом. Что-что, а в моде Надежда разбираться умела, да к тому же и манерами он отличался от своих друзей. Больше всего девушке понравились его выразительные карие глаза и тёмные брови, которые имели изумительную форму, как ей показалось. А улыбка вообще очаровала девушку.

Степан, действительно, был очень обаятельным молодым человеком, высокий и стройный стан выделял его среди остальных друзей. Дорогой костюм и подобранный под него галстук, тоже вносили значимые коррективы в оценку парня в глазах Надежды.

Степан Лопухин оказался земляком Надежды – они были родом из одной области. Более того, он родился в соседнем от неё месте рождения районе, где после окончания восьми классов основной школы уехал в райцентр и поступил в сельскохозяйственный техникум, после окончания которого получил среднее профессиональное образование и две квалификации – «агронома» и «тракториста-машиниста широкого профиля». После успешного окончания учебного заведения, Степан был призван в ряды Советской Армии и проходил действительную воинскую службу в отдельной бригаде морской пехоты Краснознамённого Северного флота. За время службы он показал себя неплохим матросом и, хотя в личном деле матроса Лопухина не было записано никаких взысканий, за два года службы без нарядов вне очереди не обошлось. Один из последних таких нарядов он получил за неделю до своей демобилизации…

Бригада морской пехоты готовилась к учениям. На военном аэродроме проводились работы по заправке самолётов военно-транспортной и морской авиаций.

- Дневальный! Лопухина ко мне! – подал команду дневальному по роте гвардии капитан Стешко.

- Товарищ гвардии капитан, гвардии матрос Лопухин по Вашему приказанию прибыл! – отрапортовал Степан, встав перед «ротным» по стойке «Смирно!».

- Слушайте приказ, товарищ гвардии матрос. Сейчас Вы идёте в автопарк и отправляетесь на «тридцать седьмом» топливозаправщике на аэродром. Там поможете водителю Добрынину заправить самолёт. – поставил задачу Лопухину командир.

- Я же «дембель», товарищ командир! Какая помощь? Мне «дембельский чемодан» ещё надо успеть собрать… – стал возмущаться гвардеец.

- Ты у меня поговори тут, боец! – сорвался командир. – Я тебе твой «дембель» через месяц устрою. Хочешь?

- Никак нет… - опустив голову, с недовольством ответил Степан.

- Тогда выполнять!

- Есть! – взял под козырёк матрос и, повернувшись кругом, вышел из кабинета командира роты.

Через час автозаправщик уже колесил по взлётной полосе. По окончании всех работ по заправке самолёта водитель предупредил Лопухина, что отойдёт на пятнадцать минут и попросил его посидеть в машине и никуда не уходить. Степан молча кивнул и, сев на место водителя, решил немного вздремнуть. Сон, который приснился Степану, больше походил на явь. Как будто он идёт от своей роты к КПП в «дембельке», а за спиной слышится мат и крики

«зампотеха» - гвардии майора Синицына. Среди матерных слов слышатся крики о том, чтобы Степан остановился. Но Лопухин, ухмыляясь, отвечает сам себе, что не остановится и умышленно увеличивает темп ходьбы. До КПП бригады остаётся несколько метров и, тут… Сильный подзатыльник вернул Степана в сознание. Тот, не понимая, в чём же дело, закрутил головой. На подножке автозаправщика стоял «зампотех» и осыпал Лопухина отборными нецензурными выражениями. Через несколько секунд, основательно придя в себя, Степан сообразил, что автомобиль катится прямо на тот самый самолёт, который они с Добрыниным только что заправили. Он резко дёрнул на себя рычаг ручного тормоза, благодаря которому, ему удалось предотвратить столкновения, что привело бы к ЧП и громкому разбирательству, которое ничего хорошего не сулило ни самому водителю, ни его помощнику – гвардии матросу Лопухину. После того, как инцидент был исчерпан, выяснилось, что, уходя, водитель поставил топливозаправщик «на скорость», а спящий матрос Лопухин случайно задел ногой скоростной рычаг и переключил его в положение «нейтраль». А тут ещё и случайное совпадение – на данном месте аэродром имел небольшой уклон, поэтому машина сама непроизвольно пришла в движение и покатилась на, стоящий рядом, огромный самолёт.

За это грубое нарушение, в котором, в принципе, Степан и не виноват, ему было объявлено три наряда вне очереди, в следствии чего Лопухин был отправлен на все трое суток в распоряжение начальника матросской столовой гвардии старшего прапорщика Ивашова, где за весь период отбывания наказания, ему пришлось перемыть огромную кучу посуды. Из всех армейских, этот случай больше всех остальных отложился в памяти Степана, так как являлся, по его словам, «последним армейским залётом».

После прохождения действительной срочной службы в рядах Советской Армии Степан приехал в свою родную деревню. Погостив у родителей неделю, решил поехать в гости к своим двум лучшим армейским друзьям, которые тоже, как и Надежда, являлись земляками Лопухина, только родом они были из областного центра.

Так, по воле судьбы, он и его армейские друзья оказались в ресторане «Спутник», куда пришли отмечать Светкин день рождения четыре лучших подруги.

Всё остальное время своего нахождения в ресторане, Надя точно так же, как и Степан, были отвлечены от застольных разговоров своих собеседников, думая друг о друге и, изредка бросая взгляды, в сторону друг друга.

Но так дальше не могло продолжаться. Степан решил, что нужно брать инициативу в свои руки, чтобы ещё больше понравиться своей новой избраннице. Он, ничего лучшего не придумав, взял со стола перечницу, открыл её и высыпал весь находящийся там перец в бокал для вина. В тот момент, когда Надежда бросила свой очередной взгляд в сторону понравившегося ей молодого человека, он залпом опрокинул весь бокал с перцем себе в рот и, улыбаясь, медленно стал жевать содержимое. Те, кто за соседними столиками увидели это, стразу начали толкать своих собеседников, нескромно показывая указательными пальцами в сторону Лопухина, и что-то говорили друг другу. Надя тоже замерла, не моргая, устремив взгляд на «аристократа». Степан без каких-либо гримас и видимых эмоций, тоже не сводя своих глаз с понравившейся девушки, спокойно разжевал перец и не менее спокойно, с широкой улыбкой на лице и с хитрым прищуром в глазах, проглотил его. Шокированы были не только молодые и наивные подружки-студентки, но и зрелые мужчины кавказской внешности, сидевшие за столиком чуть поодаль от места, где удобно расположились друзья-сослуживцы. Кавказцы подозвали официанта, заказали целый графин водки на столик «графа» Лопухина, намекая на повторение действия. Но Степан не стал далее испытывать свой организм на прочность и культурно отказался повторить трюк, показывая об этом южанам жестикуляцией. Те, с сожалением, пожали плечами и кивнули в ответ, что всё поняли и, что в любом случае, Степан и так себя показал героем, всё-таки подтвердили свой заказ, который через две минуты был исполнен официантом, который поставил графин с водкой в центр стола морпехов-запасников.

Лопухин, остерегаясь неадекватной реакции Светки, решил больше не подходить к столику девчонок, а проследить, куда пойдут они после ресторана, чтобы узнать, где живёт его избранница.

Праздничный вечер в ресторане подходил к концу. Подружки, всё выпив, и плотно покушав, встали и направились к гардеробу, куда были сданы их плащи. Буквально через несколько минут в след за ними вышли из ресторана Степан и его друзья. Держась от девчонок на некоторой дистанции, они проследовали за ними до ближайшей автобусной остановки. Стараясь быть незамеченными, парни сели в автобус вслед за подружками, который прибыл к остановке почти сразу же. Ребятам очень повезло – на остановке было много народу, да и в прибывшем автобусе тоже не было свободных сидячих мест, многие пассажиры стояли. Пассажирское транспортное средство прибыло на конечную остановку, которая носила официальное название «Сельскохозяйственный институт». Друзья продолжили своё «преследование» за подружками. Пройдя один квартал пешком, они оказались у здания общежития института.

- Ага, значит, девчонки – студентки «аграрника», - сделал вывод один из друзей Степана – Пашка «Нос».

Эту кличку Новиков Павел получил ещё в детстве, когда, будучи отъявленным дворовым хулиганом, в схватках против пацанов с соседнего двора, всегда кричал, что нужно бить в нос, потому что «…это самое слабое место…»

- Да, дружище, ты, по всей видимости, прав, - согласился с другом Лопухин.

- Ну, и что теперь будем делать? – поинтересовался второй армейский друг Степана – Сашка Фомин.

- А ничего, - ответил Лопухин. – Мы зайдём в общагу и спросим у вахтёрши, как зовут девчонок, которые только что зашли.

- Ты чего, «Лопух», в своём уме? Кто в городе незнакомцам даст ориентиры? Это ты не в своей деревне, где все знают друг друга...

- А может, скажем, что они в ресторане прихватили наши документы, ну, или деньги, например? - стал предлагать нелепые варианты Пашка, не думая о последствиях, а говорил то, что пришло первым в хмельную голову.

- Дурак ты, «Нос», - сразу же отверг Пашкин вариант Степан. – Пошли пока домой, а завтра покумекаем, что, да как…

Следующая встреча Степана с Надеждой произошла только лишь через две недели. Лопухин был человеком весёлого нрава и любил хорошо погулять. Многие его знакомые отзывались о нём, как о балагуре и называли его «ядром компании». Он с лёгкостью собирал вокруг себя людей, умел заинтересовать и чем-то притягивал к себе. Возможно, его широкий кругозор и начитанность играли в этом не последнюю роль. Ещё в школьные годы, учась в средних классах, весь книжный фонд местной деревенской библиотеки «от корки до корки» был полностью прочитан Степаном. А некоторые книги он перечитал даже по несколько раз. За такие достижения в области чтения и любви к литературе его фотокарточка занимала почётное место на библиотечном стенде под названием «Наши активные читатели», возглавляя галерею, состоящую из других фотографий односельчан. Когда Степан учился во втором классе, то уже тогда его настольными книгами стали: «Война и мир» Льва Толстого и «Поднятая целина» Михаила Шолохова. Он был мальчиком очень сообразительным, любознательным и умным, о чём неоднократно коллеги-учителя говорили его матери Нине Ивановне – учительнице русского языка и литературы.

Но в восьмом классе его как будто подменили. Он стал чаще прогуливать уроки, несколько раз приходил домой с танцев, которые каждый вечер проходили в деревенском клубе, с запахом алкоголя, по поводу чего мать сильно ругала его, а два раза била его вафельным полотенцем, которое постоянно висело на кухонной вешалке, возле обеденного стола. Но весь воспитательный процесс оказался безрезультатным. Окончив восьмой класс, Степан уехал

учиться в город, где впоследствии получил безграничную свободу. А ровно через неделю после окончания техникума молодой «граф» был призван на службу в армию.

Хорошо отдохнув и погуляв от души, две недели кряду, Степан решил всё-таки найти Надю, но, кроме того, как она выглядела внешне, он о ней больше ничего сказать не мог. Виной всему стала Светка-егоза, которая помешала их диалогу в ресторане, поэтому он так и не узнал имя, понравившейся ему девушки.

Сдаваться Лопухин не собирался. В один из вечеров, он купил, на оставшиеся от гулянок деньги, букет гвоздик, количество которых насчитывало традиционные три штуки. Эти универсальные цветы в тот период носили некий символический смысл. Их можно было возлагать к подножию памятников, прийти с ними на юбилей, а также можно было собрать в букет и подарить любимому человеку. С букетом купленных гвоздик Степан вошёл в общежитие института. На вахте сидела старушка лет восьмидесяти, каких обычно называли «бабушка - Божий одуванчик». Он подошёл к ней и, включив всё своё обаяние, ласково улыбнувшись, спросил:

- Здравствуйте, мамаша. Я тут девушку ищу. Не поможете в поисках?

- Здорово, здорово, сынок, - недовольно, сквозь зубы процедила старушка. – Какую тебе ещё девушку? Фамилия?.. Комната?..

- Я не знаю её фамилии и даже имени. Но я могу её описать.

Но бдительная вахтёрша не первый год работала на этом ответственном посту, поэтому из опыта своей работы прекрасно знала, что никаких сентиментальностей и сочувствия к незнакомым не может быть.

- А ну, давай на разворот! – строго скомандовала старуха. – Я с тобой разговоры разговаривать не собираюсь! Ишь ты, какой, девушку ему подавай, а ни имени, ни фамилии не знает! Я сейчас милицию позову!

- Не надо милицию. Я понял, мамаша, - спокойным тоном ответил на вспыльчивость старой вахтёрши Степан и собрался на выход.

В это время в фойе у массивной двухстворчатой входной двери стояли четыре парня и о чём-то бурно разговаривали. По их шумному поведению внутри здания Лопухин понял, что ребята свои – либо местные, либо студенты, проживающие в этом общежитии. Он подошёл к ним и спросил:

- Привет, парни. Вы здесь живёте?

- Да, а что? – отозвался самый разговорчивый из парней.

- Да мне нужно девчонку одну найти, а вахтёрша меня не пропускает. «Что мне делать?» — спросил совета Степан.

- А что за девчонка? Как её зовут? – продолжил свой допрос разговорчивый.

- Я не знаю. Она чёрненькая, маленькая такая… Да, вспомнил! У одной из её подруг недели две назад день рождения был. Подруга белобрысая такая… Тараторка, короче…

- Надька, что ли? – перебивая Лопухина, высказал свою догадку собеседник. – Так она на пятом этаже живёт, в 541-й комнате. Но Максимовна тебя не пустит, друг. Так что, только по водосточной трубе можешь попасть туда.

- А кто такая Максимовна? – не понял про кого говорит разговорчивый, уточнил Степан.

- Максимовна? – переспросил второй из компании. – А это вон тот охранник, с которым ты разговаривал.

- Ясно. «А вы на каком этаже живёте?» — спросил Лопухин, обращаясь ко всей компании сразу.

- Мы все живём на третьем, но в разных комнатах. Я – в 312-й, - продолжил дискуссию самый разговорчивый. – Лёха – в 314-й, а Миха с Саней – в 317-й.

- Парни, давайте я по трубе попробую пролезть в чью-то из ваших комнат, а потом уж я сам как-нибудь? – предложил Степан.

- Да без проблем. Только вот труба проходит у нас между 315-й и 316-й комнатами. Надо с парнями из тех комнат переговорить, чтобы окно открыли, - вступил в разговор третий из друзей, которого представили, как Саню.

- Договорились! – обрадовался такому ходу событий Лопухин. – Ну, что, я тогда стартую?

- Слушай, друг, а ты не боишься? Третий этаж всё-таки… — спросил четвёртый по имени Лёха. – У нас обычно максимум до третьего долезают, а что бы выше… - сделал паузу, вспоминая случаи, когда кто-то смог покорить пятый этаж их общежития, почесал затылок студент. - Таких фактов не припомню даже…

- Да нет, парни. Я в ДШБ морской пехоты служил. Там высоты и покруче брать приходилось, - с нетерпением пробраться внутрь общежития, ответил собеседникам Степан.

- Ну, давай. А мы сейчас скажем в комнатах, что бы тебя впустили, - убедил Степана в неотвратимости намеченных действий самый разговорчивый.

Новоиспечённый альпинист выскочил на улицу, как ошпаренный. Нашёл нужную водосточную трубу. Проверил её на прочность, дёрнув несколько раз на себя. Труба не внушала доверия, так как хомуты, прикрученные болтами к стене, болтались в разные стороны. Да и сами болты тоже не совсем надёжно держали слабые и, порядком расшатанные, эти самые хомуты. Степан понял сразу, что водосточные трубы общежития много раз выручали таких же, потерявших от любви голову, как он, потому что блестели точно так же, как блестит начищенная бляха солдатского ремня перед парадом. Но обратного хода у Степана уже нет. Надо лезть…

Лопухин по складу своего характера был человеком очень решительным и не боялся рисковать. Эти черты у него проявлялись ещё в детстве. Он всегда первым проверял на речке лёд, перед тем как начать играть с друзьями в хоккей. Так же, первым лез в воду летом, измеряя глубину. И таких случаев в жизни «аристократа» было, может быть, не с сотню, но несколько десятков, это уж точно.

Плюнув на ладони, как это всегда делалось на Руси перед началом важного и ответственного дела или в начале любой тяжёлой работы, крепко зажав в зубах букет гвоздик, Степан начал своё восхождение по водосточной трубе пятиэтажного общежития. Он лез по ней, как профессиональный покоритель горных вершин, смотря только вверх, крепко цепляясь за скользкую трубу. Своим «восхождением» молодой человек собрал толпу зевак, из числа прохожих и студентов, проживающих в общежитии.

До третьего этажа он добрался удачно. В начале заглянул в окно справа – в комнате горел свет, но никого в помещении не было. Тогда он посмотрел в левое окно. В комнате сидели три юноши и играли в домино. Лопухин постучал в оконное стекло. Парни вскочили из-за стола и подбежали к окну.

- Пацаны, открывайте раму! – не совсем внятно промычал Степан из-за цветов, зажатых им в зубах, не имея возможности взять растения в руки.

В толпе, собравшейся внизу и нараставшей, как снежный ком, одни громко возмущались, предлагая вызвать милицию, а другие сочувствовали Степану и давали подробные консультации - как и что делать дальше. Ну, а третьи, просто молчали, округлив глаза – не каждый день им приходилось видеть, как кавалеры лезут вверх по стене, потому как обычно можно было наблюдать противоположное – спускание парней из девичьих окон вниз по простыням.

- Чего-о-о? – в открытую форточку начал возмущаться один из жильцов комнаты, в окно которой постучался Лопухин.

- Чего-чего? Открывай, говорю! – продолжал мычать покоритель стены.

Ребята в комнате о чём-то пошептались между собой.

- Не-е-е, брат, мы тебя не знаем. Мы тебя в гости не звали. Лезь дальше, куда лезешь, - и закрыли форточку окна.

- Я-то залезу, только к вам я загляну обязательно! – с нескрываемой злобой пробормотал себе под нос Лопухин.

Ему больше ничего не оставалось делать, как продолжать восхождение и двигаться по трубе выше. Руки начинали неметь от напряжения. Но Степан, получив в морской пехоте хорошую физическую подготовку, всё-таки добрался до заветного пятого этажа и повторил ту же самую процедуру, как делал на третьем этаже – только в этот раз постучал в правое окно, так было удобнее.

К окну подбежала Светка.

- Ого! Вот тут я попал в «десятку!», - искренне обрадовался результату на финише Лопухин, - Только не пойму, почему же комнаты находятся друг над другом, а номера их разные? – недоумевал «скалолаз», хотя тут же признался себе, что это теперь неважно.

- Надь, беги быстрее сюда! Глянь, кто в окно стучит! Это же твой ошалелый поклонник! – радостно захлопала в ладоши и запрыгала на месте Парамонова, как будто это к ней пробивался кавалер.

- Девочки, он же сорвётся! – залепетала Надя. – Открывайте скорее окно! Его надо затащить в комнату!

Все находящиеся в помещении девчонки подскочили к подоконнику и стали открывать шпингалеты, чтобы вызволить Степана с улицы и помочь перебраться в комнату через подоконник.

Когда парень очутился живым и невредимым в комнате девочек, он без слов вручил цветы Надежде и, встав на одно колено перед оцепеневшей девушкой, поцеловал её руку. После чего встал и обратился ко всем девчонкам:

- Извините, пожалуйста, я выйду на минутку, - и улыбнувшись, вышел из комнаты.

- Ой, Надька, вот это настоящая любовь!.. Парень с цветами… В окно пятого этажа… Девчонки, как же это романтично!.. Ой, счастливая ты, Надька! – с искренней радостью за подругу, без оттенков зависти тараторила Светка.

После того, как Степан, извиняясь, покинул комнату девчонок, он направился на третий этаж в ту самую комнату, окна которой так и остались закрыты для него, когда он поднимался по трубе. Лопухин постучал в дверь комнаты, на которой позолотой красовались цифры – 315. Дверь открыл крепкий высокий парень. По внешнему виду и манерам поведения можно было понять, что юноша был старшим по комнате.

- Э-э-э, ты комнаты не перепутал, мальчик? – нагло и развязно обратился к Степану крепыш.

Не получив словесного ответа, он получил ответ физический, в виде двух крепких и профессиональных ударов в область печени и носа. Упав с грохотом на пол, здоровяк начал материться на чём свет стоит, направляя всю нецензурную брань в адрес незваного гостя. Степан перешагнул через крупное тело, извивавшееся от боли на полу. Подошёл к столу, за которым, дрожа от страха, сидели друзья хозяина комнаты, нервно сжимая в руках костяшки домино. Следующих два точных удара, произведённых Лопухиным, отправили остальных «доминошников» под стол. Не проронив ни слова, Степан вышел из комнаты парней так же невозмутимо, как и вошёл в неё.

- Кто этот Карлсон? – в недоумении спросил у друзей здоровяк, который решил встать с пола только после ухода гостя, чтобы не провоцировать того на повторную порцию тумаков.

- Думаю, скоро узнаем… - последовал ответ из-под стола.

В это время в комнате девчонок оперативно накрывался стол для вечернего чаепития в честь гостя. Светка достала из своего шкафчика новую белоснежную скатерть, Надя поставила на стол пиалу со своим любимым клубничным варением, а Ленка и Галька расставляли на столе приборы чайного сервиза и заваривали грузинский чай, который многие называли «студенческим».

Степан пришёл через пятнадцать минут. На столе уже дымил чайник.

- Однако… - удивился Лопухин.

- А то! – сверкая своей белозубой улыбкой, ответила Светка.

Все, присутствующие в комнате гости, рассаживались вокруг стола. Процессом предстоящего чаепития командовала Парамонова, умышленно посадив гостя рядом с Надей.

- Меня всё распирает любопытство, поэтому хочу спросить, - продолжила Надежда. – А вот Вы, Степан, действительно, граф? Аристократ? И дворянин, вообще? Или это так, «приманка» для завязывания знакомств?

- Ну, во-первых, я ещё не знаю ваших имён, девчонки. Поэтому, в начале предлагаю продолжить наше прерванное знакомство, - внёс своё предложение в вечерний сценарий Лопухин. – Ну, а уж потом поговорим обо всём остальном…

- Ой! Хи-хи-хи! – осеклась и засмеялась Надя. – И правда, мы знаем, как его зовут, а он о нас ничего не знает…

- Итак, - вновь проявила инициативу Светка, — это Надя – показала раскрытой ладонью в сторону Надежды подруга.

В этот момент Степан встал, взял своей правой рукой левую руку Нади и поцеловал её во второй раз за вечер.

- Я – Светлана! – делая ударение на своё имя, представилась егоза.

В отношении сегодняшнего тамады Степан был максимально сдержан. Он протянул Светке руку. Она в свою очередь подала свою, с твёрдым убеждением того, что он поцелует её так же, как это произошло с рукой Нади. Но вся процедура их знакомства заключалась всего лишь во взаимном рукопожатии, чем Степан очень смутил девушку. Та, не показывая своего недоумения, продолжила представлять гостю подружек:

- Эту девушку зовут Галина – показала рукой, на рядом сидящую подругу, Светка. – А это - наша Ленуся.

Вся торжественная часть знакомства прошла без эмоций, сдержанно и заключалась лишь в сухих рукопожатиях.

- Ну, теперь познакомились, - продолжила Надя. – Так как на счёт того – с кем мы, действительно, сейчас сидим за одним столом? С потомственным дворянином или с самозванцем?

- С дворянином, - убедительным тоном заверил Степан. – Мой дед был есаулом царской армии и воевал на Кавказе, как достойный продолжатель традиций русского воинства, представителями которого были десятки известных людей.

- Кто, например? – решила уточнить Светка.

- Например, Михаил Юрьевич Лермонтов, - сразу же ответил Лопухин, заранее ожидая этого вопроса.

- Так он же поэт, а не военный, - то ли проверяя знания истории у Степана, то ли не зная биографии русского поэта, уточнила Светка.

- Да, он поэт, но воевавший на Кавказе. Тогда было модно, престижно, если можно так сказать, там воевать. Особенно, это было огромной честью среди русского дворянства, - пояснил Степан.

- Да? А я и не знала, - проявляя неподдельный интерес к теме, заявила Парамонова. – Я даже представить не могу, как можно воевать на Кавказе? Там живёт очень гостеприимный народ. Мы с родителями каждый год ездили отдыхать на Кавказ. Я была в Батуми, Кабулети, Поти, Очамчире, Минеральных Водах, Пятигорске, Грозном, Нальчике… И представить, что там воевали, конечно, трудно…

- Ладно, успокойся, Свет, - перебила подругу Лена. – Скажите, Степан, а чем Вы вообще занимаетесь? Ну, или работаете где?

- На данный момент я пока не учусь и не работаю… - начал было пояснять Лопухин.

- Так-так-так, как это «пока»? – загорелась Светка. – Простите, Степан, но это называется тунеядством.

- Светлана, выслушайте сначала, - принял оборонительную позицию «аристократ». – Я ещё «дембель» не отгулял. У нас принято после армии хорошо отдохнуть, а уж потом и на работу устраиваться. Так что, всё нормально. И я не тунеядец.

- Ага, значит, Вы служили в армии… - протянула Парамонова. – Тогда это другое дело…

Время летело очень быстро. Ночь за разговорами прошла, как один миг. За окном начинало светать. За всё то время, пока шло общение новых знакомых, Степан не сводил глаз с Нади, даже тогда, когда отвечал на вопросы любопытной Светки. Надежда не могла устоять под взглядом этого красивого парня, поэтому в процессе разговора, то отводила свой взгляд в сторону подруг, то опускала глаза вниз, глядя на дно своей чашки, с остатками чая в ней. За всё то время, которое Степан пробыл в комнате девчонок, он выпил более десятка чашек чая. Он пил его не потому, что хотел, а потому, чтобы, как говорят в народе – «занять свои руки». Молодой человек хотя и был по своей натуре раскованным парнем, но в моменты волнения, ему необходимо было найти какое-нибудь занятие для рук, иначе он терялся, и волноваться начинал ещё больше. Когда на часах стрелки показали четверть восьмого, он обратил внимание, что Лена и Галя стали демонстративно зевать, давая кавалеру тонкий намёк на то, что пора бы и честь знать. Лопухин был очень сообразительным молодым человеком и сразу же понял, что от него хотят подружки.

- Ну, девочки, кажется, мне пора, - сказал он.

- Да, конечно, - сразу же взбодрилась Елена. – Мы Вас не выгоняем, Степан, но если уж Вы решили идти, то это дело Ваше. Мы были искренне рады знакомству с Вами…

- Да-да, - перебив подругу, вторила её словам Галина. – Мы очень рады, что Вы разделили с нами эту интересную, но всё-таки, очень короткую ночь…

Степан, попрощавшись у дверей комнаты со всеми девчонками, шёпотом обратился к Надежде:

- Надя, а мы с Вами сможем ещё встретиться?

- Да, конечно, Степан. Только я сейчас усиленно готовлюсь к «защите» и мне нужно много заниматься. Я тяну на «красный» диплом, поэтому мы сможем, разумеется, видеться, но пока что не очень часто, только на выходных. Вы не будете против?

- Нет, конечно! – радостно ответил Степан. – Тогда я пока съезжу домой к родителям. Там улажу все дела, возьму документы и приеду обратно, чтобы устроиться на работу. И тогда мы сможем видеться в любой момент, когда тебе будет удобно… Возможно, не только по выходным… Правда?

- Конечно, - улыбнулась в ответ Надя. – Я вижу, мы перешли на «ты»?

- А чего тянуть? Или ты против?

- Нет, я не против, - почти шёпотом, глядя в глаза своему кавалеру, ответила девушка.

Лопухин, окрылённый перспективой на ближайшее будущее, выскочил из комнаты возлюбленной и, уже не боясь строгой вахтёрши Максимовны, пробегая мимо дежурной кабинки, бросил в её адрес:

- Салют, Максимовна!

- Где салют? – услышал он вопрос старой вахтёрши, выходя на улицу через огромные входные двери общежития.

По приезду в свою родную деревню, Степан с ходу, как говорили в старину – «с порога», не успев ещё скинуть ботинки и снять демисезонный плащ, объявил родителям:

- Мам! Пап! Я женюсь!

На кухне послышался звон падающей посуды.

- Сынок! – раздался голос матери. – Ты пьян?

Вытирая мокрые руки об фартук, из кухни выбежала Нина Ивановна.

- Чего шумим, мать? – из залы послышался басовитый голос Сергея Митрофановича – отца Степана, который сразу же вышел из комнаты, надетых на кончик носа очках и со свежим выпуском районной газеты в руках.

- Глянь, отец, чего выдумал?! Ещё на работу не устроился, а уже жениться собрался. Я тебе женюсь! Кого в мой дом привести решил – не Катьку ли «Крольчиху»? – не унималась Нина Ивановна.

- Мам, ты успокойся, я всё сейчас вам с батей обстоятельно расскажу, - прекрасно зная, какой вспыльчивый характер у матери, спокойным тоном сказал Лопухин-младший.

- Действительно, мать, чего навалилась на парня? Пусть сядет и всё расскажет. А уж паниковать и мокроту разводить будем потом, если что не так, - решил поддержать любимого сына Сергей Митрофанович. – Давай, сынок, заходи в залу, а ты, мать, принеси-ка нам чего-нибудь с терраски… Там как раз с позавчерашней бани осталось чуток.

Когда Нина Ивановна накрыла дубовый круглый стол, стоявший посреди просторной комнаты, вся семья из трёх человек расселась вокруг него.

- Ну вот, теперь давай, валяй, сын! – после того, как выпив со Степаном по «первой», занюхивая солёным огурцом, скомандовал отец.

Степан не любил лукавить и обходить подводные камни. Он всегда отличался своей прямолинейностью и вообще не обладал таким человеческим качеством, как хитрость, поэтому, как на духу, рассказал все подробности знакомства с Надеждой, а также о том, что не представляет будущей своей жизни без неё. Хотя он не сделал ещё девушке предложения, даже толком пока не познакомился, но для себя всё-таки принял твёрдое решение, что женится только на ней. Во время своего рассказа, который Лопухин-младший излагал с упоением и горящими от счастья глазами, родители молча переглядывались между собой. Мать искала в отце поддержки для себя. Отец же, в свою очередь, думал, как занять правильную позицию в пользу сына, в то же самое время размышлял о том, как смягчить удар этим «выбором» своего, уже совсем взрослого, сына, относительно самой матери.

Когда рассказ был окончен, Степан посмотрел на родителей и произнёс:

- Ну?

Слово для вынесения родительского вердикта взял Сергей Митрофанович, решив идти ва-банк:

- Мать, вспомни Кольку «Балабона». Он тоже хотел жениться сразу же после армии. И что? Матка отправила его учиться в техникум на агронома. Через полгода его отчислили оттуда. Приехал домой. Стал пить. А его невеста Маринка поглядела на это чудо и вышла за городского. Теперь «Балабон» ходит и бутылки по деревне собирает, а Маринка в Ленинграде живёт и в столовке работает поваром. Семья и дети у неё. Ты что, хочешь нашему Стёпке такую же судьбу, какая у «Балабона»?

- Ой, не знаю, отец… - засомневалась в своей изначально твёрдой позиции – запретить сыну жениться, Нина Ивановна.

- Вот! То-то и оно, мать! – поставил точку в бессмысленной дискуссии отец.

На этом, жизненно важный для Степана вопрос, был исчерпан.

По этому поводу Степаном было принято важное решение - жарко натопить баню и позвать друзей, чтобы распрощаться с холостяцкой жизнью, устроив увеселительное мероприятие, которое позже в кругу молодёжи получит название «мальчишник».

Баня у Сергея Митрофановича была знатной и славилась на всю деревню. Он срубил её сам четыре года назад, взамен полуразвалившейся баньки, в которую мог уместиться только один человек, настолько она была мала. К тому же, новую баню Лопухин-старший рубил с учётом ошибок и недоделок прошлой бани. Она по размерам – ширине, длине и высоте, была значительно больше. Так же, он усиленно проконопатил её, внутри обернул толстой парниковой плёнкой, чтобы жар держался как можно дольше. Благодаря этому, даже в сильные морозы

новая баня держала жар сутки, что само по себе говорило об её хорошей внутренней теплоизоляции.

Сбор на мероприятие был назначен на пять часов вечера.

Друзья Степана в количестве четырёх человек оказались очень ответственными и уже без четверти пять они стояли с полотенцами и сменным нижним бельём около бани, курили и над чем-то очень громко смеялись. Это были его одноклассники, с которыми он дружил с того самого момента, как научился ходить. С ними он пошёл в детский сад, потом в первый класс. А с двумя из них Степан, после окончания восьми классов, поступил и учился в одной группе в техникуме…

…Сквозь крепкий сон до слуха Степана стали доноситься громкие крики родительского петуха Гришки, который сидел на одной из штакетин забора, как раз рядом с окном бани. Сознание «аристократа» начинало прозревать. Головная боль и озноб быстро привели его в чувство. Он открыл глаза, в первые секунды не понимая, где находится. От сухости во рту губы слиплись так, что ему пришлось приложить некоторые усилия, чтобы разжать их.

- У-у-ух, - только и смог произнести Степан.

В бане было ещё достаточно тепло, но похмельный синдром сделал своё дело – его трясло от интоксикации. «Граф» лежал голым на пологе, не помня даже того – помылся он или нет. То, что парились с друзьями, это он помнил, а вот помылся потом или нет – это стало для него, действительно, серьёзным вопросом. Парилка была отделена от помывочного отделения специальной переборкой и не имела окна, поэтому в ней было темно. Но у Степана сложилось какое-то внутреннее ощущение, что он в сумеречной парилке находился не один. Так как полог был широкий, а он лежал у бревенчатой стены, то ему ничего не оставалось делать, как пошарить рукой рядом с собой. Степан плавно стал ощупывать полог. И тут… Он нащупывает тёплое и нежное тело. Моментальный страх и ужас охватили его.

«Кто это?» - мелькнуло в голове «аристократа». Забыв о головной боли, сухости во рту, ознобе и телесных ломках, он вскочил, перелез через тёплое и нагое, крепко спящее тело, выбежал в предбанник и включил там свет. Зайдя в парилку вновь, он мог предположить всё что угодно, но только не это! На второй половине полога сладко спала Катька-«Крольчиха» - полная женщина, которой было чуть более пятидесяти лет от роду. Она была психически не совсем здоровым человеком и состояла на учёте в областном психоневрологическом диспансере. Периодически, раз в два года, её отвозили в диспансер для прохождения профилактического курса лечения. Но так как она была признана врачебной комиссией социально не опасной для общества, то после завершения плановых курсов лечения она возвращалась домой в деревню, где спокойно жила дальше. Её болезнь была приобретённой, на почве безответной любви. В двадцать лет её бросил любимый человек и женился на другой девушке. Катька очень переживала по этому поводу полтора года, после чего за ней стали замечать разного рода чудачества. Сначала она ходила по улице и разговаривала сама с собой. Но односельчане не обращали на это внимания. Позже, как-то зимой, она пошла раздетая, в одном в нижнем белье, в магазин за хлебом. Только тогда люди забеспокоились и обратились к председателю сельсовета Петру Антоновичу Корбухину, с просьбой отвезти её в больницу. И когда Пётр Антонович с участковым милиционером и фельдшером деревенского медпункта пришли за ней домой, то увидели странную картину - Катька в этот момент разжигала костёр прямо в комнате. Она, всем прибывшим за ней, объяснила, что надо сготовить уху в котелке, потому что её попросил об этом Сашка – тот парень, которого она любила всю свою жизнь. Позднее врачи диспансера скажут председателю сельсовета, что он лично и его коллеги – участковый милиционер и медик, спасли её не только от пожара в момент приступа, но, возможно, даже от смерти.

Своё прозвище – «Крольчиха», женщина получила после того, как родила первого своего ребёнка, будучи, ужи психически нездоровой. Работники, зная о недуге молодой мамочки, передали новорождённого в «Дом малютки», с последующим переводом его в детский дом.

Всего Катька родила шестерых детей. Судьба у остальных её ребятишек была такой же, как и у первого – сначала «Дом малютки», а позже детский дом. Отцы детей были неизвестны. Но, как говорили в деревне, ею «пользовались» шабашники, которые приезжали периодически на строительные работы из разных мест Советского Союза. Всего в деревне за всё время побывали бригады из Закарпатья, Чувашии, Чечено-Ингушетии и Молдавии. Старики в деревне называли Катьку «блаженной», жалея и сочувствуя ей. Более молодые односельчане подсмеивались над ней, но в тоже время плохого ничего ей не делали и не обижали.

Так получилось и со Степаном, который на следующий день выяснил у друзей, как всё произошло. Те рассказали, что, напоив виновника торжества, они решили сделать Лопухину подарок, как это было принято на соответствующих мероприятиях – пригласить девушку. Но так, как подходящую кандидатуру в деревне найти было невозможно, то было принято единственное единогласное решение – пригласить Катьку-«Крольчиху». Как решили, так и сделали.

- Ты чего тут делаешь? – истерично закричал на женщину Степан.

- К тебе пришла, Стёпушка. Мне парни сказали, что ты хочешь на мне жениться. Я согласна. Тем более, что ты так похож на моего Сашку…

- Вот, забирай свои шмотки и вали отсюда! – не слушая женщину и, бросив Катьке все её скомканные в одну кучу вещи, стал выталкивать из бани свой «подарок» Лопухин.

После того, как Степан избавился от «блаженной», выгнав её на улицу, он решил на всякий случай помыться, тем более что и вода в котле была ещё не остывшей, да и баня почти не выстыла…

Погостив неделю у родителей, Степан поехал к Надежде, изрядно соскучившись по ней, мечтая взглянуть на неё хоть одним глазком. Приехав в город, он первым делом направился устраиваться на работу, потому что Надя была ещё на учёбе в институте, да и времени было предостаточно и его не хотелось терять впустую. В отделе кадров подшипникого завода Лопухина распределили в механический цех на должность ученика токаря. Каждый вечер после работы, он спешил на автобус и летел, как на крыльях к своей возлюбленной. Все выходные он проводил тоже вместе с ней. Они гуляли по городу, ели мороженое, ходили в кино, два раза даже были на спектаклях в театре юного зрителя. Ему было не важно, куда идти и зачем, главное, чтобы они были вместе. Такое же желание испытывала и Надя. Ей было очень интересно со Степаном. Она очень внимательно и с упоением слушала его истории, анекдоты и всё то, что он рассказывал. Надю очень удивлял его широкий кругозор. Степан мог говорить на любые темы. Он неплохо разбирался в таких направлениях, как: культура, искусство и даже наука. Надя, общаясь со своим парнем, узнала много нового для себя. Они общались на разные темы. Много говорили о: музыке, кино, литературе, живописи, истории, животноводстве. Ей казалось, что, у Степана есть ответ на любой вопрос, чем она очень гордилась, особенно, перед подружками, у которых пока не было даже своих парней. Порой, Надя испытывала чувство ревности, особенно, когда рядом с ними находилась Светка, которая по складу своего весёлого характера, непроизвольно начинала флиртовать со Степаном, строя глазки и задавая не совсем приличные вопросы, что, по мнению самой Парамоновой, это «ничего не значило». Но Надежда не собиралась спускать это Светке с рук, делая ей замечания по этому поводу вечерами, когда они находились в своей комнате вдвоём.

- Да ладно тебе, Надь, - успокаивала в такие моменты подругу егоза. – Зато проверим, как он любит тебя. Лучше пусть его проверит твоя лучшая подруга, чем какая-то посторонняя баба. Или я не права?

- Не знаю, Свет… - терялась в такие моменты Надежда, не зная точно, права Светка или нет. – Но я знаю точно, что это неправильно. Это мой парень. Вот как бы ты себя чувствовала, если бы я крутилась вокруг твоего парня?

- Ой, какая ты ещё глупая, Надька! – всегда ставила точку в таком разговоре Парамонова.

Время для Нади и Степана летело незаметно.

Наступил день вручения дипломов в институте. На выпускной вечер традиционно приглашались только родители, близкие и друзья. По такому поводу Степан купил дорогой польский костюм, румынский галстук и чехословацкие туфли. Когда он пришёл на выпускной бал в институт, неся в руках огромный букет роз, то сразу ощутил на себе оценивающие взгляды всех присутствующих. Но больше всего гордость за красавца-кавалера испытывала сама Надежда.

- Ого! Ничего себе! Да я смотрю, он у тебя, действительно, потомственный граф… – не скрывая своего восхищения, округлив глаза, сказала Светка, увидев нарядного Степана.

- Да, вот такие мы! – ответила подруге Надя.

Весь вечер влюблённые провели вместе, не расставаясь ни на секунду, держа друг друга за руки. Торжественная часть подходила к концу. Надина группа, заранее заказав ресторан, уже собиралась в фойе.

- Надь, ну, что ты, с нами? – спросила Галина.

- Да нет, Галь, у нас своя программа.

- Ой, неужели? – улыбаясь, ироническим тоном уточнила подружка.

- Галь, ты что? – возмутилась Надя. – Мы пойдем гулять и очень хотим встретить рассвет на берегу реки…

- Ох, романтики, романтики… - ответила Галя. – Дело ваше. Но выпуск должен запомниться на всю жизнь. Не каждый день дипломы получаешь. А то будешь потом внукам рассказывать, как кормила комаров на реке…

- Рассвет с любимым встречать тоже не каждый день сможешь, Галь. Погода может испортиться, - с улыбкой отшутилась Надежда.

Влюблённая пара гуляла по городу всю ночь. Они много разговаривали о том, как будут жить в будущем. Мечтали о большой и дружной семье. Спорили о том, сколько у них будет детей, а также, какие имена будут носить эти дети…

Через месяц Надежда и Степан расписались в отделе городского ЗАГС, отметив это событие скромно, в кругу своих друзей, в месте их первого знакомства – ресторане «Спутник». Со стороны Степана на торжестве присутствовали два его сослуживца – Пашка-«Нос» и Сашка Фомин. А с Надиной стороны – Светка, Галина и Елена. Молодожёны решили заранее, чтобы сильно не тратиться на свадьбу, дешевле будет отметить это событие сначала в городе, и только потом уже ехать к родителям. Надя и Степан пришли к единому мнению, что в начале они заедут к Лопухиным, а потом – к Усовым. До родителей Степана молодым пришлось добираться на «перекладных». Из города они выехали на междугородном автобусе, который сломался, проехав двадцать километров. Водитель, выяснив причину поломки своего старенького ЛАЗа, объявил всем пассажирам, чтобы они добирались обратно в город на попутных машинах. Степан и Надежда решили не возвращаться, а ловить транспорт на трассе, движущийся в направлении родителей.

К встрече сына и молодой невестки родители Степана подготовились основательно – жарко натопленная баня и богато накрытый стол, говорили о гостеприимстве Нины Ивановны и Сергея Митрофановича.

- Познакомьтесь, это – Надя, - представил свою избранницу родителям Степан, лишь только они переступили порог дома.

- Ладно, ладно, вы хоть разденьтесь, да в комнату пройдите для начала, - с улыбкой на правах хозяйки сказала Нина Ивановна, встречая гостей в прихожей. – За столом и будем знакомиться.

- Какой стол? – возмутился Сергей Митрофанович, стараясь показать своё верховенство в семье. – Сначала в баню надо с дороги, а уж потом и всё остальное. Так ведь, сынок?

- Ну, не знаю, наверное, - замялся Степан, взглянув на Надю, ища в ней поддержку.

- Никаких «не знаю»! – командным голосом, рассеяв все сомнения сына, сказал Лопухин-старший. – Мать, давай бельё. Мы со Стёпкой в баню, а вы пока познакомьтесь, по-женски.

Мужчины, взяв с собой пол-литровую бутылку «Русской водки», прихватив нижнее бельё и два полотенца, отправились париться, оставив женщин наедине.

После бани все уселись за стол отмечать встречу и знакомство.

Через два дня двери дома Лопухиных были открыты для всех односельчан. «Сарафанное радио» на селе работает лучше, быстрее и точнее всех средств массовой информации вместе взятых. На следующий день после приезда молодых, вся деревня знала, что Стёпка женится и на торжественное мероприятие приглашают всех жителей деревни.

Свадьба прошла хорошо и весело, без конфликтов и драк, как это обычно бывает. Но один неприятный инцидент всё-таки произошёл. А виновником этого инцидента стал один из друзей-одноклассников Степана – Мишка Харламов. Свадьба была в самом разгаре. Мужики, изрядно подпившие, наперебой хвалили Степана, Сергея Митрофановича и Нину Ивановну, рассказывая о них Надежде, которая не понимала, кого же всё-таки слушать? Кто-то что-то говорил ей справа. Кто-то кричал ей слева. А кто-то, брызгая слюной и размахивая вилкой, с насаженной на неё котлетой, кричал ещё громче, прямо в лицо невесте, рассказывая обо всех достоинствах семьи Лопухиных. И вот, когда праздник подходил к своему логическому завершению, а основная часть гостей разошлась по домам, к Надежде подошёл, сильно качающийся из стороны в сторону, Мишка. Он сел рядом с ней, пока Степан провожал кого-то из гостей, находясь на терраске дома.

- Надя, а ты его любишь? – спросил невесту Мишка, заплетавшимся, от огромной массы выпитого алкоголя, языком.

- А Вам какое дело? – ответила Надежда, не скрывая неприязни к пьяному парню.

- Мне никакого дела нет. Но у него есть невеста. А ты получается, увела его… - нагло глядя в глаза Надежды, продолжал Харламов, прищурив один глаз, чтобы лучше разглядеть невесту, которая почему-то начала раздваиваться.

- Как? – в полном недоумении от услышанного, шёпотом, еле выдавила из себя Надя.

- А вот так… - закончил Мишка.

Он встал из-за стола и, еле передвигая ноги, направился к выходу. Слова Харламова эхом отдавались в голове невесты. «Это такой позор… Как стыдно…» - крутилось в мыслях у Нади. Она сидела за столом, окаменев от услышанного, испытывая только горечь внутри и ощущая дрожь во всём теле. Девушка никогда в жизни не испытывала такой обиды и душевной боли, которые посетили её сейчас. «А к чему он это сказал?» - пытаясь успокоить сама себя, она искала оправдания Мишкиным словам.

- Что случилось? – неожиданно для себя Надя услышала ласковый голос Степана.

- Нет, ничего. Просто я устала что-то, - не зная, что сказать жениху, терялась с ответом невеста.

Она встала и пошла во вторую избу, где Ниной Ивановной было приготовлено брачное ложе для молодожёнов. Ночь для Нади была бессонной и почему-то очень длинной. Она не знала, что ей делать, даже когда наступит утро. «Допустим, - прокручивала варианты в своей голове девушка, - я спрошу у Степана правда ли то, что сказал Мишка? А он мне скажет, что правда. И что тогда делать? А если я не спрошу ничего и просто уеду домой к родителям? Но, может получиться так, что Мишка пошутил спьяна и я потеряю любимого человека… Ой, что же делать?». Крик петуха Гришки отвлёк Надю от этих мыслей. Она посмотрела на будильник, который громко тикал на тумбочке, стоявшей возле самой их со Степаном кровати-«полуторки». Времени было без четверти четыре. Степан крепко спал, обняв большую пуховую подушку. Надежда встала и вышла на улицу. На траве лежала холодная роса. Она прошлась босиком по траве, ощутив лёгкость в ногах и бодрость во всём теле. «Надо же, никогда не обращала внимания, что роса может бодрить, придавая лёгкость…» - умышленно отвлекала себя от плохих мыслей девушка.

Степан проснулся. Стрелки часов показывали половину восьмого. Он обратил внимание, что место, где спала Надя, было холодным. «Где же она?» - надевая брюки, недоумевал Лопухин. Он прекрасно знал, что его любимая по возможности любит поспать подольше, но что бы она встала самостоятельно на рассвете, это что-то новенькое. Когда он вышел во двор, то увидел молодую жену сидевшей на лавочке, которая стояла возле самой стены дома.

- Ты чего, Надь? – спросил Степан.

- Стёпа, - всё-таки, набравшись духу, решила она напрямую спросить своего любимого о его тайной невесте. – У тебя кто-то есть? Только не ври мне, пожалуйста. Ты же понимаешь, что рано или поздно всё равно всё встанет на свои места и всё узнается…

- Не понял вопроса, - улыбаясь и не понимая, о чём идёт речь, переспросил Степан.

- Хорошо. Спрошу прямо. У тебя есть невеста? – более серьёзно переспросила Надя.

- Конечно! Но, если быть более точным, то не невеста, а жена, - пытаясь обнять и поцеловать в щёку свою молодую жену, пояснил Лопухин.

- А как понять слова Мишки, который вчера мне сказал, что у тебя есть невеста, а я увела тебя от него? Ну, что скажешь? – смотря прямо в глаза мужа, поставила его перед фактом Надежда.

Степан, не говоря ни слова, встал с лавки и направился в сторону Мишкиного дома.

- Ты куда? Рубашку хоть надень, - крикнула в след мужу Надя.

Но молодой супруг в ответ только махнул рукой и, не оглядываясь, ускорил свой шаг. Подойдя к дому Харламовых, он постучал в окно Мишкиной комнаты. Створка рамы открылась, и оттуда высунулся, весь взлохмаченный и ещё не проспавшийся со свадьбы, Мишка.

- О! Стёпка! – обрадовался приходу друга Харламов. – Заходи, братишка. У меня как раз есть, чем поправить голову…

- Выйди на улицу, - спокойным тоном, еле сдерживая себя, сказал Степан.

- Ага! Я сейчас! – бодро ответил Мишка, надеясь на то, что Степан приглашает его похмелиться.

Но стоило только ему показаться на крыльце, как Лопухин схватил его за воротник рубашки, как шелудивого котёнка и потащил в сторону своего дома, не произнеся больше ни слова. Когда он притащил своего бывшего одноклассника к Надежде, которая всё так же сидела на лавке, то произвёл сильный удар кулаком в область Мишкиного живота, от чего тот, испытывая боль, сначала громко вскрикнул, а потом, согнувшись, упал на землю.

- А теперь, сволота, выкладывай, чего ты вчера нагородил Наде, - начал свой допрос Лопухин.

- Я не помню ничего, Стёпушка! – взмолился Мишка.

- Какой я тебе Стёпушка? Ты не моя баба, чтобы меня так называть! – со злобой, наклонившись над своей жертвой, пояснил Степан. – Я жду ответа про мою невесту, у которой меня увели…

- Я не знаю не про какую невесту, ребята, - со слезами на глазах, прося о пощаде, залепетал Харламов.

- Пошёл вон со двора! И что бы я никогда тебя больше не видел! – дав под зад ногой, теперь уже бывшему другу, крикнул ему вдогонку Степан.

- Ну, зачем так-то, дорогой? – уже с улыбкой спросила Надя, дав понять своему мужу, что лучше было бы вообще забыть о произошедшем казусе.

Погостив у Лопухиных ещё два дня, молодожёны на рейсовом автобусе поехали к родителям Нади. Семья Усовых оказалась не менее гостеприимной, чем семья Лопухиных. Отец Надежды – Владимир Васильевич, благодаря своей профессии, всегда имел в доме то, чем обычно встречают дорогих гостей. Мать – Наталья Геннадьевна, как заведующая свинофермой имела в своих кладовых то, что прилагалось к тому, что было в запасниках её мужа. Поэтому стол для встречи дочери и её второй половины был накрыт, как принято говорить в ресторанах

– «по высшему разряду». На следующий день в дом Усовых были приглашены гости, чтобы отметить прошедший акт бракосочетания Надежды и Степана. В отличие от Лопухиных, на торжество к Усовым прибыли не все жители деревни, а только лишь «нужные» люди. В число приглашённых вошли: председатели сельсовета и колхоза, парторг колхоза, начальник отдела агропромышленного комплекса района, заместитель «предрика», второй секретарь райкома партии, а также два бригадира и четыре заведующих скотоводческих ферм колхоза «Красное Знамя». Со стороны самой невесты на мероприятие пришли четыре школьных подружки и семь человек, представлявших сторону родни. Семейное торжество Усовых проходило в колхозной столовой. В течение всего вечера в адрес молодожёнов всеми присутствующими было сказано много добрых и тёплых слов. Кроме работников колхоза и сельсовета, подруг и родственников, Надежду никто не знал, и видели её впервые, не говоря уже о Степане. Поздравительные речи гостей носили пафосный характер. Они походили на речи ораторов официальных мероприятий. Степану это напоминало общеколхозное собрание с присутствием чиновников из района. Но всё прошло цивилизованно и спокойно. Среди гостей не было пьяных, а были слегка выпившие. К десяти часам вечера колхозная столовая полностью опустела.

Остатки отпуска у молодой семьи Лопуховых пролетели, как один день. Во время своего нахождения в гостях у тёщи и тестя, Степан с утра до вечера был задействован в хозяйственных работах. Так как он сам был деревенским и с детства приучен к тяжёлой деревенской работе, то тесть ему всецело доверил следить за основным хозяйством, пока сам был на работе. У Степана появились свои обязанности. Он каждое утро ездил на гужевой повозке за свежим сеном для подкормки скоту. Чистил стойла у бычков, коров и поросят. По необходимости на телеге ездил за комбикормом на ферму к Наталье Геннадьевне. Занимался подвозом воды. Надя тоже не бездельничала и не сидела дома. В её обязанности входила работа в огороде. Главным образом, она занималась прополкой, всех имеющихся в этом огороде, грядок. А картошку не только полола, но ещё и окучивала тяпкой. До самого последнего дня молодая семья, не покладая рук и не разгибая своих спин, трудилась на домашнем подворье Усовых-старших. Когда в последний день перед отъездом Нади и Степана на новое место работы и проживания, Натальей Геннадьевной был накрыт шикарный стол. Первое слово на правах хозяина дома взял Владимир Васильевич и с чувством благодарности свой первый тост он адресовал непосредственно зятю:

- Дорогие мои, я хочу поднять этот бокал за своего зятя, который с достоинством прошёл, приготовленное специально мною для него, испытание трудом. Теперь я точно уверен в том, Стёпа, что передаю свою любимицу-дочку в надёжные мужские руки. За себя и за твою, теперь уже официальную, тёщу я говорю – добро пожаловать в семью Усовых! Ура! Ура! Ура!

Глава 2

«ТРАКТОРИСТ»

Междугородный автобус прибыл на автостанцию райцентра. Надежда и Степан вышли из салона. Ночь выдалась прохладной и на редкость ветреной. Они с двумя огромными чемоданами прошли внутрь деревянного, слега покосившегося от старости, здания автовокзала, чтобы занять очередь в кассу. Весь остаток ночи, до открытия кассы, молодые люди просидели на лавочке, достав из чемоданов более тёплые вещи. Ровно в шесть часов утра, как было указано на листе бумаги, висевшем на «доске информации», открылась касса. Народу было не так много, поэтому билеты на автобус Степан с Надей купили быстро и ровно в половине седьмого они уже сидели в стареньком автобусе «ПАЗ». Плохая дорога и редкое присутствие населённых пунктов по пути, начали наводить грусть и тоску на Надю. В отличие от неё, Степан обратил внимание на то, что хотя область и одна, но здесь лес не такой, как у него в районе. Здесь было много сосновых боров и, растущего в нём, белого мха, которые раскинулись за окном автобуса на многие десятки километров.

«Значит, тут должно быть много белых грибов…» - размышлял в это время Лопухин.

После трёх с половиной часов, проведённых в дороге, молодожёны наконец-то вышли из автобуса, который остановился по просьбе Надежды почти около самого здания правления колхоза «Путь имени Ленина». Оглянувшись вокруг, она поставила свой чемодан, села на него и заплакала.

- Надюш, ты чего? – с недоумением спросил Степан.

- Ничего, Стёп… - всхлипывая и вытирая слёзы, ответила Надежда. – Ты сам посуди, ради чего я получала «красный» диплом? Чтобы попасть сюда?

- Ты же деревенская, я тоже. Что тебя пугает? Деревенская жизнь везде одинаковая. Если человек нормальный, то он и жить будет нормально, хоть на Дальнем Востоке, хоть в Прибалтике, хоть в Средней Азии, - стал успокаивать супруг молодую жену.

В ответ Надежда ничего не ответила. Она встала, достала носовой платок, вытерла слёзы, высморкалась и, взяв свой чемодан, пошла в сторону магазина, который стоял наискосок через дорогу от конторы. Степан так же, не спеша, следовал за ней. Войдя в магазин, Надежда попросила у продавца продать бутылку лимонада «Буратино», ей очень хотелось пить. В горле Надежды сильно першило от дорожной пыли, которая плотной пеленой клубилась по всему салону автобуса всё то время, которое они были в пути от райцентра до своей конечной остановки.

- Женщины, подскажите, пожалуйста, а правление колхоза находится там? – показывая рукой на двухэтажное кирпичное здание, спросила Надя у стоявших возле угла здания двух старушек, после того как вышла из магазина.

- Ага, туды идите, детки. Там и председатель, там и бухгалтерия, там всё… Туды идите, туды… - любезно ответили бабушки.

Правление колхоза представляло собой новое типовое здание в два этажа, которое было построено три года назад, по утверждённому в области, проекту. На протяжении нескольких лет здания такого проекта строили во всех колхозах и совхозах области. Оно было поделено на две части. В одной половине размещался сельский дом культуры. Во второй половине на первом этаже находилась колхозная столовая. На втором этаже размещались кабинеты: председателя колхоза, бухгалтерии, парткома, диспетчерской, зоотехников, агрономов, ветеринаров и инженера-строителя. В конце коридора была размещена просторная «Ленинская комната», где проходили совещания правления колхоза, заседания депутатов сельского совета, а также

торжественные части мероприятий, проводимых в тесном профессиональном кругу и приуроченных к тому или иному празднику.

Семейная чета вошла внутрь здания, и поднялись на второй этаж. В просторном фойе на стене напротив входа висели огромные чёрно-белые портреты всех членов Политбюро, а над ними размещался цветной портрет Генерального Секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, помещённый в позолоченную раму. Во всю длину большого и широкого коридора была расстелена бордовая дорожка. Вдоль всего прохода размещались кабинеты, с соответствующими табличками, на которых имелись надписи должностных лиц и фамилии с инициалами. Степан и Надя медленно шли по коридору правления, читая надписи, в поисках кабинета председателя колхоза. Между дверьми, на стенах, обнесённые красивыми и аккуратными кантиками, висели карты, планы, графики, утверждённые председателем колхоза документы, распоряжения, а также приказы из района и области. И почти в самом конце коридора на предпоследней двери Лопухины прочитали надпись «Приёмная». Там сидели секретарь и диспетчер. Левее от секретаря находилась ещё одна дверь, на которой висела красная табличка с позолоченной надписью: «Председатель колхоза тов. Александров К.Е.».

- Здравствуйте, - поздоровалась Надежда с секретарём и диспетчером, оставив Степана за дверьми приёмной.

- Здравствуйте, - отозвались секретарь и диспетчер в один голос.

- Я по направлению… Зоотехник Лопухина Надежда Владимировна, - представилась женщина.

- Ага, я поняла, - уже более ласковым голосом ответила секретарь.

Она встала со своего места, подошла к дверям кабинета председателя и, открыв их, показала Наде рукой:

- Проходите, Надежда Владимировна… Константин Егорович Вас уже ждёт.

- Спасибо.

Надя и вошла в раскрытую, перед ней, дверь.

За рабочим столом сидел невысокий, но полный, с круглым животиком мужчина предпенсионного возраста, с седыми, аккуратно зачёсанными назад седыми волосами и большими залысинами на лбу, которые внешне совсем не портили его. Но больше всего, что непроизвольно бросалось в глаза, это две пары очков, еле державшиеся на кончике пухлого носа председателя. Это позже Надежде расскажут о том, что «…товарищ Александров иногда носит две пары очков одновременно. Одни – для «дали», а другие – для «близости». Когда надо он смотрит через одну пару, а иногда приходится смотреть через две пары сразу…». Он, обложившись кипами бумаг, что-то подписывал, что-то откладывал в сторону, на край стола. Справа от него на столе стоял, подключённый к аккумуляторной батарее, автомобильный вентилятор. Мужчина снял очки и, прищурив левый глаз, взглянул на Надежду. «Посмотрим, что это за человек», - подумала гостья.

- Ну, здравствуйте, здравствуйте, Надежда Владимировна, - тяжело вылезая из-за стола, и направляясь к девушке для рукопожатия в знак знакомства, поприветствовал молодого специалиста руководитель хозяйства.

- Здравствуйте, Константин Егорович, - с улыбкой поздоровалась Надя.

- Ну, как добрались? Устали, наверное? Дорога от райцентра у нас очень длинная и не совсем хорошая. Ухаб на ухабе, - показывая зоотехнику на стул, стоявший рядом с его рабочим столом, продолжил диалог председатель.

После короткой, но содержательной беседы с Надей, председатель Александров пригласил в кабинет Степана.

- Ну-с, молодой человек, с Вашей супругой всё нам ясно и понятно, а вот с Вами сейчас будем решать, - садясь в своё старенькое кресло, продолжил разговор со вторым новым работ-

ником, председатель. – Что мы умеем делать? Или у Вас есть какая-то специальность? Что-то оканчивали?

- Я до армии окончил сельскохозяйственный техникум, товарищ Александров, - начал свой биографический рассказ Лопухин. - Имею автомобильные и тракторные водительские права. Но, вообще-то, я больше тракторист-машинист широкого профиля, чем водитель автомобиля.

- Так-так-так, это уже интересно. А почему Вы так решили, что Вы больше тракторист, чем шофёр? – с хитринкой в глазах начал докапываться до истины Константин Егорович.

- Всё очень просто. У меня тракторные категории есть все, а вот из автомобильных только две – легковая и грузовая.

Степан достал из нагрудного кармана рубашки два водительских удостоверения и передал их в руки председателя. Александров вновь надел на кончик носа очки и стал внимательно разглядывать водительские удостоверения нового работника. Через минуту он махнул рукой:

- Пойдёт! Ну, тракторист, так – тракторист!

И пообещал Степану через неделю выдать новый трактор «Т-40».

По личной просьбе председателя, молодую семью на новое место жительства проводила диспетчер – Алиса Александровна. На своё представление Константином Егоровичем она внесла поправку, адресованную семье Лопухиных:

- Прошу называть меня просто по имени. Как я успела заметить, мы с вами почти ровесники…

Жильё было подготовлено заранее, в двухквартирном деревянном доме и представляло собой трёхкомнатную квартиру. В ней помимо комнат была отдельная большая кухня, а в помещении веранды находился приличный туалет и кладовая комната. Надежда сразу обратила внимание на то, что в квартире был сделан капитальный ремонт. Обои были подобраны со вкусом и аккуратно поклеены. Полы покрашены ровно и без разводов. Даже две печки заново переложены и покрашены «водо-эмульсионной» в два, а возможно даже, в три слоя. В квартире находилась, вся необходимая для проживания новосёлов, мебель. В зале стоял большой круглый стол, четыре стула и две железных армейских кровати. В углу занял себе удобное место большой бельевой шкаф, а в спальне - высокий шифоньер. Из мебели так же в пользование молодым были выделены: трюмо, с тщательно натёртым зеркалом, кухонный стол, новая тумба под мусорное ведро и новая раковина под рукомойник. Во всех комнатах висели трёхламповые люстры, что тоже очень порадовало молодых. Первые впечатления от жилья превзошли все их ожидания. Надежда сразу же повеселела, стала более разговорчивой, как со Степаном, так и с сопровождавшей их диспетчером Алисой. В её голове стали созревать мысли, как лучше обустроить своё первое в жизни жилище, что куда поставить и как всё это быстро можно устроить. В эти минуты Надя совсем забыла о том, как три часа назад, она ещё сидела и плакала на чемодане, напротив сельповского магазина.

На обустройство молодым дали два дня. Этого им было предостаточно, если учитывать, что квартира уже была полностью готова к эксплуатации, а вещей у них с собой фактически не было вообще, за исключением того необходимого белья, которое уместилось в два чемодана. На второй день после обеда Надежда, проявив инициативу, добровольно попросилась выйти на работу, за что председатель её поблагодарил и поддержал, сказав, что работы в хозяйстве непочатый край и отдыхать тут нечего. А через неделю, как было обещано товарищем Александровым лично, Степану пригнали новый трактор. Эта машина была хотя и немного тесновата для рослого «аристократа», но в эксплуатации он считался одним из самых надёжных, простых и безотказных. Об этом Степан знал ещё со времён обучения в техникуме. Зимой на таком тракторе ехать на рыбалку можно было, практически, по любому снегу. Весной, в распутицу, он проедет куда угодно и где угодно. Тем, кто работал на таком классе тракторов, всегда подворачивались разного рода подработки – распашка участков, посадка, окучка и копка

картофеля. Особенно такой трактор пользовался спросом у жителей, которые имели в своём пользовании маленькие приусадебные участки, чаще всего ими были дачники. После того, как Степан официально получил новую единицу техники и устроился на работу в должности механизатора колхоза «Путь имени Ленина», он очень рьяно и с энтузиазмом взялся за работу. Ведь это была его первая трудовая ступень в статусе женатого человека, что возлагало на плечи Лопухина огромную ответственность не только за себя, но ещё и за близкого и любимого ему человека – жену Надежду. На первых порах в его обязанности входил своевременный подвоз молока на животноводческий комплекс с молочных ферм колхоза. Он вставал каждый день в три часа ночи и выезжал по всем фермам хозяйства, чтобы собрать молоко после первой утренней дойки. Для транспортировки продукции молодому механизатору была выделена телега-прицеп, на которой в колхозных мастерских сварщик и кузнец крепко закрепили специальную бочку. Проехав все фермы, заливая на каждой определённое количество продукта, Лопухин вёз содержимое на комплекс, где сливал всё до капли в отдельную ёмкость, для дальнейшей транспортировки всего имеющегося на комплексе молока, городскими молоковозами, на районный маслозавод. Второй рейс по тому же маршруту тракторист начинал делать в пять часов вечера, так же собирая молоко, но уже после вечерней дойки. Кроме своих основных обязанностей Степана на протяжении всего рабочего дня могли привлечь к выполнению и других хозяйственных работ. Первый рабочий день был долгожданным, как для него самого, так и для его жены. Надежда очень хотела, что бы её любимому побыстрее выдали трактор и по полной программе задействовали в рабочем процессе, потому что, сидя дома в ожидании получения техники, её муж стал выпивать каждый день, увеличивая алкогольные нормы. И вот, всё-таки дождались - Степан поехал в первый рейс!

Он уже собрал молоко по всем тем фермам, которые были указаны ему в путевом листе, и следовал в конечный пункт для его слива. Проезжая мимо одной из маленьких деревушек, которая насчитывала не более десятка дворов, Степан обратил внимание на электрика, сидящего на самой верхней части одного из новых столбов, стоящего возле забора у одной из старых и покосившихся изб. Он остановился и вылез из тесной кабины своего трактора.

- Привет королям энергетики! – с юмором поприветствовал он электрика.

- Привет, привет! – отозвался молодой парень, крутивший провода на электрические чашки, что-то напевая себе под нос.

- Это ты чего там делаешь, друг? Свет проводишь? – поинтересовался Степан у парня.

- Да нет, дружище, не свет, - пояснил электрик. – Это я телеграф тяну. Старую трассу убрали, а новую пускаем по другому пути. Вот, через деревушку тянем…

В это самое время из ветхой избушки вышла старуха, возраст которой, как показалась Степану, старше самой избы.

- Милок, чёвой ты там делаешь? – переспросила бабка.

- Телеграф тяну, бабуля, - смеясь, крикнул со столба весельчак.

- А чёвой это такое – теляграв? – спросила бабка в этот раз уже Степана, с которым она встала рядом, подняв глаза наверх, устремив свой полуслепой взор на паренька-электрика.

- Чего это такое, бабуся? М-м-м… - начал подбирать в голове нужные слова Степан, чтобы проще и доступнее объяснить старому человеку суть работы телеграфа, подозревая, что она никогда даже не слышала таких слов.

- Да, милок, чёвой это такое? – не унималась старуха.

- Ну, если просто сказать, то это такая связь, которая называется «почтовой». Понимаешь? – начал заходить от простого тракторист.

- Ну, и чёвой? – внимательно глядя на Степана, потребовала продолжить объяснение бабка.

- Проще говоря, бабуля, например, есть у тебя где-то сын или внук в городе, а ты хочешь ему что-то отправить, ну, скажем, деньги. Вот, по этим проводам они и уйдут. Теперь понимаешь?

- По проводам? Господи, помилуй! – начала креститься бабка, но сразу же жёстко, с обидой в голосе осеклась: - Я не дура, всё понимаю! А вот, сапоги новые яловые в Ленинград сыну могут уйти? А то от мужа остались. Он ведь у меня всю войну прошёл в офицерах. Помер недавно от полученных ранений… И сапоги носить теперь некому… Ведь ни разу не надёваны были…

- Конечно, бабуся! И сапоги, и подушки, и мешок с картошкой… Короче, всё можно отправить! - утвердительно заявил Степан.

- И мешок с картошкой? – округлила глаза старуха.

- И мешок с картошкой, - спокойно подтвердил Лопухин. – Ладно, бабуля, поеду, а то молоко прокиснет.

Степан с лёгкостью запрыгнул в трактор и помчался на комплекс. В это время, бабка, постояв ещё с минуту и, обдумывая, предложенный Степаном, вариант отправки яловых сапог в Ленинград сыну, обратилась к электрику:

- Милок, ты пока там сидишь, помоги мне подвесить сапоги на провод.

- Ха-ха-ха! Зачем, старая? – захохотал парень.

- Не твоё дело! – зло отозвалась старуха. – Скажи только одно – повесишь или нет?

Так как электрик не слышал разговора между бабкой и Лопухиным, то не мог понять, зачем нужно подвешивать сапоги на телеграфные провода. Но отказывать старому человеку не стал, ответив ей, сидя на столбе и не переставая хохотать:

- Без проблем! Тащи свои сапоги!

Бабка, до этого опиравшаяся на клюку, откинула её в сторону и почти бегом направилась в избу. Через две минуты она уже стояла у телеграфного столба, держа в руках пару новых и блестящих яловых сапог и бутылку самогона, в виде благодарности электрику за такое благое и доброе дело. Парень, как и просила старая женщина, спустился вниз, молча взял сапоги и вновь поднялся наверх по столбу. Там он прицепил их к одному из проводов.

- Ну, Господи, благослови! Получай, сынок, сапожки! – троекратно перекрестилась бабка сначала сама, а потом так же троекратно перекрестила и сапоги, висевшие, покачиваясь от лёгкого ветерка, на одном из телеграфных проводов.

В это самое время, двигаясь по направлению к комплексу, Степан увидел двух человек – мужчину и женщину, идущих по обочине дороги. Увидев, ещё издали, едущий в попутном направлении трактор, оба пешехода стали махать руками, пытаясь дать понять трактористу, чтобы он остановился. Лопухин резко нажал на педаль тормоза и открыл дверь кабины.

- Здорово, друг! – обратился маленький и худенький мужчина в телогрейке, и надетой не по сезону, шапке-ушанке. – Ты куда едешь?

- Здорово! – отозвался Степан. – На комплекс еду. Молоко везу.

- Отлично! – радостным голосом ответила высокая и очень полная женщина, одетая в красивое платье, поверх которого на плечи был накинут вязаный жилет. Женщина имела нестандартную фигуру, но, как заметил Степан, она всё-таки следила за собой. Её длинные густые волосы были аккуратно заплетены в три косы и уложены на голове в форме венка. Глаза и губы в меру подкрашены, хотя очень бросались в глаза, подчёркивая обаяние их владелицы. На щеках наведены лёгкие румяна. По умозаключению Лопухина, женщина являлась каким-то начальником, что не скажешь о её спутнике, который помимо рабочей одежды, был не брит и курил махорку, завёрнутую в «козью ножку».

- Как я вас возьму, женщина? – с недоумением спросил Степан. – Я в кабине еле один умещаюсь, а тут вы…

- Ты что, новенький что ли? – засмеялась собеседница. – А то вижу, не знаешь, как мы тут перебираемся на попутках. Не боись, парень, мы на бочку сядем.

- Как… на бочку? – удивился Степан, оглядываясь через заднее стекло кабины на телегу и представляя, как они туда станут залезать.

Мужичок со своей спутницей направились к прицепу трактора. Степан с неподдельным интересом стал наблюдать за тем, как эта пара его попутчиков будет покорять, на половину самодельную, телегу. Но людям, привыкшим к таким условиям жизни на селе, прицеп с молочной бочкой являлся не такой уж большой проблемой и сложной преградой. Подставив своё хрупкое плечо под массивный зад женщины, мужичок подтолкнул её вверх. Пассажирка, хватаясь своими крепкими руками за поручни бочки, легко очутилась на ней, оседлав её верхом, заняв удобное место возле горловины, чем очень удивила тракториста. Следом за ней на бочке занял своё место и мужичок, запорхнув с лёгкостью, как бабочка. Он сел за своей спутницей, ухватив её за огромную талию, совсем не потому, что испытывал к женщине какие-то чувства, а потому, чтобы держаться за неё и не свалиться с этой верхотуры во время движения трактора по ухабистой деревенской дороге.

- Да-а-а, - протянул про себя Степан. – Такое я вижу в первый раз…

Посмотрев на свои наручные часы, Степан понял, что по времени он задерживается, и решил прибавить ходу. Дорога до комплекса была не только разбитой, но ещё и петляла, что является обычным делом на селе. Поэтому тракторист, не оглядываясь назад, чтобы контролировать пассажиров на бочке, всё внимание сосредоточил на дорогу.

По прибытии в конечный пункт, Степан вылез из кабины трактора и хотел уже направиться к заведующей комплексом, чтобы сдать товарные накладные, но непроизвольно краем глаза он заметил, что трактор был без тележки. Шок, который он испытал от увиденного, поверг его в ужас.

- Ёлки зелёные… - единственное, что он смог произнести в этот момент.

Из здания комплекса выбежала заведующая – Галина Ивановна Шилова – коренастая, хотя и маленького роста, женщина средних лет. Она была очень жёстким руководителем, постоянно разговаривающая с подчинёнными на повышенных тонах, через каждое слово употребляющая нецензурную брань. Она никогда не была замужем, потому как имела твёрдое убеждение, что: «…при создании человека Бог придумал мужика, а потом, исправив все свои ошибки, создал идеальное существо – женщину...». Помимо своей мужененавистной теории, Галина Ивановна старалась по возможности публично ущемить права мужчин, обзывая и матеря их, на чём свет стоит. Про неё в кругу местных мужиков ходило мнение, что она в своей прошлой жизни возглавляла Священную инквизицию, потому что, если бы, как говорили все, ей бы дали волю и пулемёт, то она расстреляла бы всех мужиков до единого. Порой, бывали случаи, когда сам Константин Егорович старался обходить Галину Ивановну стороной, если в их встрече не было какой-то важной необходимости. Но, кто такая заведующая комплексом Степан пока не знал, поэтому не мог даже предположить, что чувство ужаса его посетит два раза – первый от отсутствия телеги, а второй – от встречи с товарищем Шиловой.

- Слышь, ты, сукин сын, - вместо приветствия начала первой свой монолог с Лопухиным Галина Ивановна. – Урод недоделанный, ты где катаешься? Молоковозы стоят под загрузкой и ждут тебя лишь одного, урод!

- А я… - в ужасе от такой встречи, начал оправдываться Степан, потеряв все мысли сразу.

- Головка, ты, от часов «Заря»! - ещё громче стала орать на весь двор комплекса, Галина Ивановна.

Но, заметив, что трактор стоял без телеги, она завопила отборным матом, перечисляя всех близких и дальних родственников провинившегося тракториста, надвигаясь на Степана зловещей тучей. Лопухин, соображая, что разговора не получится, а тем более, что нужно искать телегу с молоком, а главное, не зная, что произошло с его пассажирами, резко повер-

нулся и, запрыгнув в кабину, рванул с места обратно по той же самой дороге, по которой он потерял прицеп. Проехав километров семь, он уже издали заметил идущих к нему навстречу двух человек, в которых он сразу же узнал своих попутчиков.

- Фу-у-у, - выдохнул с облегчением Степан. – Ладно, хоть эти живы и здоровы…

Лишь только увидав издали своего горе-извозчика, женщина и мужчина замахали Степану кулаками, что-то злобно выкрикивая в его адрес. Лопухин, обратив внимание на такую агрессивную реакцию бывших своих пассажиров, решил не искушать судьбу и ехать мимо них, не останавливаясь вообще. Проезжая рядом с ними, он обратил внимание на то, что одежда на женщине была порвана основательно. Она одной рукой держала большой лоскут разорванного красивого и дорогого платья, прикрывая им свою громадную грудь, а другой рукой, сжав её в массивный кулак, размахивала над своей головой, выкрикивая матерные проклятия в адрес тракториста. Косы женщины были распущены, а жилета на этот раз на ней не было вообще. Мужчина пострадал меньше. Его телогрейка была незначительно порвана лишь на спине. Что случилось, то случилось, но смех всё-таки у Степана вызвал горемычный вид бедолаг – они с ног до головы были насквозь мокрыми от молока. Это потом, когда он нашёл перевёрнутую в придорожной канаве телегу, тракторист понял, что просто забыл зашплинтовать «палец», который выскочил на одной из дорожных кочек, что и привело к дальнейшему происшествию.

При помощи стального троса и двух тракторных мостов, вытащив прицеп из кювета самостоятельно, Степан слил остатки молока на дорогу, так как оставшееся на дне бочки молоко, никакой «погоды» для маслозавода не сделали бы. Теперь ему оставалось пропарить бочку и вечером ехать по тому же маршруту за очередной партией молока.

Вечерний рейс прошёл без накладок. Хотя он переживал за то, как встретит его заведующая комплексом. Но на счастье Лопухина, Шилова отсутствовала по каким-то личным обстоятельствам, чему тракторист был очень и очень рад.

На следующий день, после утренней разгрузки на комплексе, к нему подошла бригадир животноводов и сказала, что ей звонил председатель и строго велел после раскачки прибыть к нему в правление. Когда Степан сделал все дела и прибыл в кабинет Константина Егоровича, как ему было сказано, то застал председателя, нервно ходившим по кабинету.

С правой стороны кабинета, где стояла в ряд дюжина стульев, сидели вчерашние пассажиры Степана – полная женщина и мужичок. Они, не скрывая своей злобны, смотрели на него, как на последнего изверга, готовые разорвать того на части.

- Степан Сергеевич, - начал воспитательную беседу товарищ Александров, стараясь скрыть свою нервозность. – Вчера произошёл, по моему мнению, страшный случай. Я не буду вдаваться в его подробности, но у меня к тебе есть пара вопросов… Вопрос номер один. Объясни мне, как так получилось, что у тебя оторвался прицеп?

- Константин Егорович, - стал держать ответ, провинившийся тракторист, решивший всё говорить без обмана и на чистоту, потому как знал, что лучше сказать правду и признать свою вину, тем самым есть неплохой шанс смягчить гнев руководства, чем лгать и выкручиваться. - В том, что оторвался прицеп, это личная моя вина. Я её признаю целиком и полностью и готов понести суровое наказание. Причиной этого стала моя забывчивость. Я торопился и забыл зашплинтовать «палец».

- Вот, посмотрите на него, товарищи! – направив свой указательный палец правой руки в сторону Лопухина, обращаясь к сидящим в кабинете жертвам, громко выкрикнул председатель. – Он у нас забыл! А чему тебя учили в твоём техникуме? Или ты и там, как в первом классе, все учебники скурил? Ну, это понятно. Оставим этот вопрос. Теперь вопрос номер два. Скажи-ка, дружок, кто дал тебе разрешение перевозить народ на бочке? Что-то по технике безопасности я такого нигде не встречал.

- Так они сами попросились. Я и пожалел их, - искренне недоумевал Степан.

- Пожалел? Гляньте на него! Он пожалел! – начинал выходить из себя Александров. – Нельзя перевозить людей на тракторной телеге! Нельзя! Ты понимаешь?

- Я понял, Константин Егорович, - спокойно ответил Степан. – Обещаю, что впредь этого не повторится.

- Ты вообще не представляешь, что бы могло произойти. Вот ты сам посуди, мы вчера собрали колхозное собрание, чтобы чествовать передовиков. А ты знаешь, кто эти люди? – на этот раз показывая той же рукой и тем же указательным пальцем на молча сидевших, мужичка и женщину, уже более спокойным тоном, продолжил руководитель хозяйства. - Они передовики производства! Они у нас перевыполнили квартальный план по сдаче молока. Да, кстати, забыл познакомить вас. Познакомьтесь. Это - Нина Григорьевна Цветкова, заведующая Боровской фермой. А это – пастух деревни Борова - Козлов Матвей Петрович… Ну, а это – Степан Сергеевич Лопухин, наш новый механизатор… Так вот, представь такую картину. Правление ждёт их. И вот они входят… Я сначала подумал, что на них напала стая волков… Потом я увидел, что они насквозь сырые от молока… Короче, благодаря тебе, я сегодня всю ночь не спал, а пил успокоительные…

- Разрешите, - в кабинет председателя заглянул какой-то молодой парень, чем перебил руководителя.

- Нет, Соколов! Ждать всем в приёмной! – закричал на парня Константин Егорович.

После таких слов, дверь резко и громко захлопнулась.

- Вот, ещё одни артисты ждут своего приёма, - переключился на другую тему Александров. – Сейчас там за дверью сидят восемь оборотней…

- Кто? – удивлённо переспросил Лопухин.

- О-бо-рот-ней! – по слогам произнёс Константин Егорович. – Это восемь одноклассников, которые в том году, на мою беду, пришли из армии. Я взял их в колхоз. Дал каждому по новому грузовику «ГАЗ». Работайте, мальчики! Так, нет же! Днём они – молодцы! Перевыполняют нормы, трудятся без устали, но, вот, как вечер наступает, они идут на танцы. И на каждые танцы они устраивают массовые драки, по принципу «деревня на деревню». Одним словом, перевоплощаются в настоящее исчадие Ада!... Оборотни!... А я каждый раз провожу с ними беседы, нянчусь, воспитываю, а потом отпиваюсь теми же успокоительными. У меня вся моя заработная палата, Лопухин, уходит на таблетки! Перед участковым их постоянно выгораживаю. Надоело цацкаться уже! Да если бы не я со своей жалостью, они бы уже все в тюрьме сидели за свои драки… Всё, ладно, иди! И гляди впредь, чтобы «палец» всегда был зашплинтован и никаких пассажирских перевозок! Ты тракторист, а не водитель рейсового автобуса! Понял меня? И не забудь извиниться перед своими жертвами…

На этом речь председателя подошла к концу. Степан ещё раз твёрдо заверил товарища Александрова в том, что такого, как было вчера, не произойдёт больше никогда. Потом повернулся к жителям деревни Борова и извинился перед ними, как велел председатель. Выходя из кабинета, он обратил внимание на сидящих в приёмной молодых парней, которые с любопытством и со смешками, нагло, но оценивающе смотрели на Лопухина. Но, как бы то ни было, а, выйдя от председателя, Степан ощутил какую-то необъяснимую душевную лёгкость внутри. У него складывалось такое ощущение, что он исповедался, а председатель снял с него все грехи, хотя ни один, ни другой не были верующими.

- Нина Григорьевна… Матвей Петрович… - обратился Александров к пострадавшим, когда они остались в кабинете втроём. – Вы уж не держите зла на парня. Да, он молод, не опытен, но злого-то умысла у него не было. Он хотел вас подвезти, а получилось вон как. Вы уж простите оболтуса…

- Константин Егорович, - взяла ответное слово женщина. – Дело не в том, что телега улетела в канаву из-за его личной халатности, а в том, что над нами весь клуб потешался,

когда мы закатились на собрание. А я уже зрелая женщина! У меня внуки, в конце концов! А Петрович вообще фронтовик! Нельзя с нами так…

- Всё понимаю и всесторонне с вами согласен, но обратно ничего не вернёшь. Дело сделано, что тут говорить. А обиду держать в себе не нужно. Как бы Вы меня, миленькая моя Нина Григорьевна в этом не переубеждали, но обиду держать, однозначно, нельзя! И точка!

На этом Александров окончил разбирательство по одному факту, мысленно переходя к другому.

- Маша! – крикнул он секретарю.

- Да, слушаю, Константин Егорович, - заглянув в кабинет начальника, нежным голоском пролепетала секретарь Стружкина.

- Давай сюда этих оборотней, - наливая в гранёный стакан воду из графина, потребовал председатель. – А заодно и парторга сюда вызвони.

- Всё поняла, Константин Егорович, - закрывая дверь в кабинет, ещё более нежно ответила Мария.

В момент паузы, председатель достал из внутреннего кармана своего пиджака пачку с каким-то лекарством. Взяв оттуда одну таблетку, он запил её, приготовленной заранее, водой из гранёного стакана. Дверь в кабинет медленно открылась. Скромно и медленно в него вошли восемь молодых парней, с опущенными вниз, глазами. Толкаясь, ребята столпились на входе, не решаясь пройти дальше.

- Не скромничайте, не скромничайте, - обратив внимание на поведение молодых людей, сказал Александров. – Проходите. Садитесь. Стульев на всех хватит.

- Не «садитесь», Константин Егорович, а – «присаживайтесь», - грубо поправил председателя самый наглый из всех присутствующих – Сашка Филимионов.

- Ты, смотрю, самый умный у нас? – повысил голос на хама руководитель хозяйства. – Да нет, на этот раз мне думается, я сказал правильно... Так, что у нас тут имеется?

Константин Егорович надел свои очки и взял лист бумаги, на котором был напечатан текст. В этот самый момент в дверь кабинета тихо постучалась парторг колхоза Игумнова Елизавета Сергеевна и молча прошла, сев за совещательный стол.

- Вот, смотрим, - не отрываясь от листа, продолжил председатель. – Такого-то числа, в такое-то время, там-то и там-то, такие-то и такие-то затеяли драку… Так, смотрим далее… Ага! Вот!... «…гражданин Константинов М.А. нанёс удар в область виска гражданину Михайлову Т.П., вследствие чего тот, не устояв на ногах, начал падать на окно кабинета директора дома культуры…». Так, читаем дальше… «…в ходе предварительного визуального осмотра был установлено, что, в следствии удара, нанесённого гражданином Константиновым М.А. гражданину Михайлову Т.П. последний получил гематому и, падая от удара, своим телом разбил два оконных стекла «директорской» дома культуры…». Ну-с, что скажем, друзья-уголовнички? – снимая очки и отложив бумагу на край стола, спросил Александров.

- А откуда эти подробные данные? – скинув с себя первичную спесь, спросил Филимонов.

- Это копия протокола, составленного нашим участковым Малышевым. Кстати, он сейчас должен подойти. Я вызвал вас пораньше, чтобы войти в курс ваших скорбных дел, - на этот раз более спокойным голосом ответил председатель.

- Константин Егорович, да он сам первый стал заводиться. Он выпивший был. Сначала к Таньке Кондрашовой приставал, потом к Юльке… - начал было оправдываться главный обвиняемый Мишка Константинов.

- Да мне всё равно, кто и что начал первый! - стукнул кулаком по столу председатель. – Меня интересует два вопроса! Всего лишь два ма-а-аленьких таких вопросика… Первый. Кто будет выполнять обязанности скотника на ферме? У меня и так их практически нет. Но у меня есть один вариант, разумеется. Если тебя не посадят на этот раз, Мишка, то будешь переведён из шоферов в скотники…

- Но, Константин… - стал возмущаться Константинов, но председатель не дал ему никакой возможности сделать это.

- Рот свой закрой и слушай дальше! Теперь второй вопрос. Кого мне прикажете брать на ваши машины? У нас до конца уборочной осталось совсем ничего. А вы мне проблемы создаёте и все показатели коту под хвост пускаете! – не унимался Александров. – Как сказал участковый, это групповая драка и вам всем грозит тюремный срок, особенно тебе, Михаил Аркадьевич…

В это время в приёмную вошёл участковый. Старшему лейтенанту милиции Петру Ильичу Малышеву было тридцать лет, но выглядел он значительно моложе своего возраста. Офицер был высок, красив, имел спортивное телосложение, которое поддерживал благодаря занятию спортом. Инспектор ещё, будучи курсантом Каунасской школы милиции, выполнил нормативы кандидатов в мастера спорта по лыжам и боевому самбо. Он продолжал усиленно заниматься этими двумя видами спорта даже после окончания среднего учебного заведения МВД. Работая на должности участкового, Пётр Ильич выступал во всех соревнованиях разных уровней. В основном, он участвовал в лыжных гонках районного и областного уровней за честь колхоза «Путь имени Ленина», а также, за честь районного отдела внутренних дел. С боевым самбо дела обстояли значительно сложнее – он один по вечерам посещал школьный спортзал, где занимался только лишь упражнениями, потому что для выполнения приёмов у него не было партнёра. После окончания школы милиции в звании младшего лейтенанта Малышев получил распределение в РОВД. Проработав в райотделе ровно год, его направили для дальнейшего выполнения служебных обязанностей в должности участкового инспектора, на освободившуюся вакансию, в район. Территория, вошедшая в его ведение, охватывала три колхоза. Сложность работы на данном участке заключалась в большой отдалённости деревень друг от друга, расстояния между которыми насчитывали не менее десятка километров. Для этого ему из служебного гаража РОВД был выделен старенький, но рабочий милицейский мотоцикл «Урал», на котором Пётр Ильич, порой, наматывал по сто километров за день, решая те или иные служебные вопросы на вверенном ему участке.

- Да-да, входите! – отозвался на стук в дверь, председатель.

Разговор с обвиняемыми состоялся очень коротким, но строго официальным. До всех присутствующих молодых людей Малышевым была доведена информация о том, что за это бывает, с доведением до них статей Уголовного кодекса СССР. После проведённой беседы парней отпустили, не прощаясь. Вся компания молча встала и вышла из кабинета так же, как и вошла – с повешенными головами и опущенными в пол глазами.

- Послушай, Пётр Ильич, - беря инициативу дальнейшего разговора в свои руки, обратился к участковому председатель. – Ты бумаги не отправляй в район. Не нужно выносить «сор из избы», как говорится. Я их накажу, как следует, обещаю. Ну, как, договоримся?

- Да ты что, Константин Егорович, - возмутился участковый. – Это же не словесное оскорбление. А тем более, что свидетелей куча была, как-никак, а целый Дом культуры.

- Ну и что? А кому от этого легче, если ты кого-то посадишь? Работы сорвём – это раз. Судьбу парням сломаем – это два. Да и стёкла уже они вставили. А свидетелей не будет, не переживай, – умолял председатель инспектора.

- Ну, не знаю, Егорыч… - растирая шею рукой, засомневался в своём жёстком решении Малышев.

- Ну, вот, и ладненько! – обрадовался такому ходу действий Александров.

На этом вопрос был исчерпан. Председатель, чтобы успокоиться до конца и вернуться к своей работе, пока не передумал участковый, разорвал на мелкие кусочки протокол и выбросил в пластмассовую урну под своим столом.

В то самое время, когда начался разговор председателя с провинившимися водителями, Степан, следуя по коридору от Константина Егоровича, заглянул в кабинет зоотехников и,

застав Надежду на своём рабочем месте, жестом, без слов, попросил её выйти. Надежда вышла и спросила, как прошёл разговор с Александровым. Степан всё подробно рассказал жене, после чего, они, оглянувшись, что бы никто не видел, поцеловали друг друга и направились каждый на своё рабочее место – Надя в кабинет, а Степан в кабину своего трактора.

Весь остаток дня Лопухин провёл в размышлениях, анализируя в очередной раз разговор с председателем. Он зауважал этого человека, понимая, что могло бы всё закончиться более плачевно. Жена слышала, как утром приехал участковый и хотел завести «дело» на Степана, чтобы привлечь его к административной ответственности за вчерашнюю «аварию». Но Константин Егорович встал на сторону Степана, даже зная о том, что участковый совершенно прав. Да ещё и постоянное заступничество перед Малышевым за восьмерых одноклассников, которых он целый год старается перевоспитать, тоже добавили уважения Лопухина к своему руководителю.

«Да-а-а, а всё-таки настоящий мужик этот Константин Егорович!» - подвёл общий итог в своих размышлениях тракторист.

Прошло всего два дня и Лопухина вновь вызвали в правление. На этот раз Степан не понимал действительно, зачем он понадобился председателю? Ведь, вроде, молоко забирал вовремя. На комплексе ничего такого не происходило, что могло бы спровоцировать недовольство руководства. Что же опять произошло?

Войдя в приёмную, он поинтересовался у секретаря, по какому поводу его вызвал Константин Егорович? На что секретарь Маша ответила:

- Тут бабка Анфиса приходила и сильно ругала тебя.

- Какая бабка Анфиса? - с удивлением переспросил Степан.

- Обычная бабка Анфиса… Иди к Егорычу, он тебе сам всё расскажет, - махнув своей миниатюрной ручкой в сторону председательского кабинета, ответила Мария, продолжая дальше что-то строчить на печатной машинке.

Войдя в кабинет Александрова, Степан застал его, сидящим за рабочим столом, перебирающим бумаги, и выборочно подписывая их.

- Проходи, «омманшик», - не отрываясь от бумаг, сказал председатель. – Давно не виделись.

Спокойный тон Егорыча немного успокоил Лопухина, хотя кое-какое внутреннее неудобство всё равно присутствовало.

- Извините, кто? – переспросил Степан, не разобрав толком обращения в свой адрес.

Александров поднял голову, снял очки и посмотрел на Степана:

- «Омманшик», говорю… Ты чего с Анфисой учудил? – с улыбкой, располагающей к разговору, спросил Егорыч.

- С какой Анфисой? Не знаю я никакой Анфисы, - более уверенно ответил Лопухин.

- Как же не знаешь? А кто научил её отправить сапоги сыну в Ленинград по проводам? Я что ли? – уже смеясь, пояснил председатель.

- А! Вы вот про что? – сразу же сообразил, о чём идёт речь, Степан. – Так я не учил её, Константин Егорович. Она спросила, что такое телеграф, а я ей объяснил простым языком… А в чём вообще суть вопроса? Честное слово, не пойму…

- А суть вопроса вот в чём, Степан Сергеевич. После твоего разговора с ней, она попросила электрика за бутылку самогона повесть на провода пару новых яловых сапог, что, разумеется, и сделал Моисеев, электрик, то есть. Она ушла домой, а утром вышла посмотреть – ушли сапоги по телеграфу или нет? И что ты думаешь? Сапоги, действительно, ушли…

- Как это ушли? – удивился Степан.

- А как ты объяснил, так они и ушли… - засмеялся Александров. – Только вот вчера вечером к ней за самогоном пришёл Мишка «Косой», ну, одним словом, местный деревенский пьяница. Так вот, он пришёл к ней в её же сапогах, которые она отправила в Ленинград…

А сегодня утром она на колхозном автобусе приехала ко мне и всё рассказала, называя тебя «омманшиком». Это хорошо, что она не встретила тебя раньше. А то, ох, как тебе бы перепало. Она у нас фронтовичка в прошлом, так что, могла бы и жердью пройтись по твоей спине…

- Ничего себе… - почесал затылок Лопухин. – Да я же и не думал, что она это всерьёз воспримет. Ну, я имею в виду, про провода, чтобы сапоги на них повесить. И что теперь?

- А ничего. Она сама решила вопрос. Просто взяла и вытряхнула «Косого» из сапог, да к тому же и бутылку водки с него вытрясла, в виде морального ущерба. А тебя я вызвал потому, что ты человек у нас ещё новый, а народ у нас здесь серый, но не глупый! Так что ты, когда кому-то что-то будешь разъяснять, то сначала подумай хорошенько, как твои разъяснения могут воспринять… Ты меня хорошо понял, Степан Сергеевич?

- Да, разумеется… - кивнул в ответ головой Лопухин.

- Ну, тогда у меня всё. Иди, работай… - поставил точку в разговоре председатель, надел очки и продолжил дальше разбирать свои бумаги.

Степан, работая на подвозе молока, уже не первую неделю, привык к своему рабочему режиму. Он очень рано вставал и поздно ложился спать. Иногда получалось вздремнуть днём после плотного и вкусного обеда, который готовила Надежда, внося в него изюминку какой-то невидимой изысканности. Если в обеденном меню молодой семьи Лопухиных был борщ, то в его состав обязательно должны были войти хорошо поджаренные шкварки. Если это был рыбный суп, то он готовился только из рыбы с местных рек и озёр, а не из той, которая замороженная, периодически завозилась в сельповский магазин. Если это был гороховый суп, то он готовился только со свиной тушёнкой, а не с добавлением кусочков мяса. И так было с каждым блюдом. Степан очень любил кушать то, что готовила Надежда. И она это стала примечать сама. Один раз она не стала выливать чуть подкисший суп, а перекипятила его и подала на стол. А чтобы оправдать кислоту супа, она так, невзначай, проговорилась, что случайно плеснула в него уксуса и теперь выливать, вроде бы жалко, да и есть с уксусом тоже не совсем приятно, потому что он отдаёт «кислинкой». На что Степан, распробовав его, сказал, что суп очень вкусный с уксусом, более того, в нём что-то есть своеобразное, что говорит о его высоких вкусовых качествах. И попросил иногда готовить именно супы с уксусом. На такой аппетит и «всеядность» мужа, Надежда сначала реагировала нормально, но потом она умышленно пересаливала суп или гарнир на второе. Либо, наоборот, не досолит, делая пищу пресной. Иногда бросит в блюдо столько перца, что есть невозможно вообще. А то и вовсе не поперчит. И на всё это Степан просил добавки у жены, а пока та накладывала новую порцию, рассыпался перед ней в похвалах, какая же она умница, что умеет готовить такую вкуснятину.

«Тихий час» у Степана был не всегда, но всё-таки иногда такое случалось. Он знал об этом ещё с утра, когда у диспетчера получал очередной путевой лист на сутки вперёд. Один раз, запланированный Степаном послеобеденный сон, всё-таки прервал звонок служебного стационарного телефона, проведённого в квартиру Лопухиных специально для Надежды, как для зоотехника. В этот момент дома был только Степан. Жена, накормив мужа и быстро перекусив сама, уже ушла на работу, в правление.

- Алло, - ответил Лопухин в трубку.

- Степан Сергеевич? – отозвался на другом конце провода приятный женский голос.

- Да, он самый, - подтвердил правильность, набранного девушкой номера, Степан.

- Зайдите, пожалуйста, к Константину Егоровичу домой. Только прямо сейчас. Очень срочное дело у него к Вам.

- Хорошо, - ответил Лопухин.

Через десять минут Степан стоял у дома председателя. Егорыч не заставил себя долго ждать и вышел на улицу сразу же, как увидел в окно трактор.

- Сергеич, нужна помощь… Значит, слушай меня внимательно. Сейчас поедешь к Сашке Градову и возьмёшь у него машину. Насколько я помню, у тебя есть водительские права. Потом

проедешь в столярную мастерскую к Тюте, где закинешь гроб и сразу же погонишь в район. Там, в морге районной больницы, ты должен будешь отдать этот гроб и подождать, когда соберут покойницу – бабку Марию Ильюшину. Потом её погрузят тебе в машину, и ты привезёшь её к дому Серафимыча. Всё понял? Вопросы будут? – на одном дыхании рассказал весь сценарий предстоящего важного дела для Степана, председатель Александров.

- Да, будут, Константин Егорович. Во-первых, почему я должен брать чью-то машину? А что, Градов сам не может ехать? Во-вторых, не проще послать другой грузовик? Ну, и, в-третьих, кто такая бабка Мария? К сожалению, я такую не знаю. Как же я буду её получать в морге? Я ж её даже в глаза никогда не видел…

- Теперь слушай меня, умник, - начинал нервничать Егорыч, потому как не любил, когда на его распоряжения всякие всезнайки, типа Лопухина, начинали задавать лишние вопросы. – Во-первых, Градов не может ехать, потому что сломал руку и находится на бюллетене. Во-вторых, другую машину отправить не проще и не легче, потому что сейчас вся техника занята, у нас аврал в колхозе, если ты не знаешь. Поэтому из свободных остаются двое: ты сам и машина Градова. Ну, и, наконец, в-третьих, тебе не надо никого знать. Там все всё знают без тебя. Твоё дело приехал, отдал гроб и сиди, кури. Вынесут покойницу и поставят тебе в кузов. Тебе главное, привезти её в гробу, не вывалив в ближайшую канаву, как ту бочку с пассажирами… А кто такая бабка Мария? Это родная сестра нашего Серафимыча. Просто она жила в райцентре одна. Ни мужа, ни детей у неё нет… Короче, не воруй моё драгоценное время. Ноги в руки и дуй в район! Всё!

Степан уже прослыл в хозяйстве работником ответственным, поэтому сделал всё точь-в-точь, как велел ему Егорыч.

В начале он забрал старенький ГАЗ-52 у Сашки Градова. Потом подъехал к столярной мастерской, в которой работал Тютя... По паспорту – Барышев Александр Михайлович – мужчина пенсионного возраста, отработавший всю жизнь колхозным столяром. По своему внешнему виду он больше походил на «снежного человека», так как имел нестандартную массивную фигуру, густые кудрявые волосы и такую же бороду. Он был от природы очень угрюм и неразговорчив, хотя много читал и был среди земляков одним из тех, про кого говорят: «человек с широким кругозором». Но, в тоже время, излишняя начитанность, по мнению односельчан, придавала Тюте причудливости. Он странно вёл себя в обществе людей, особенно, мало знакомых ему. В такие моменты он начинал грызть ноготь на большом пальце левой руки, опустив голову, что-то бубнил себе под нос. Тютя жил один, никогда не был женат, скорее не по причине своего внешнего вида, а по причине своего угрюмого и замкнутого в себе характера. Детей у него тоже никогда не было. Все дни и ночи напролёт колхозный столяр проводил в своей мастерской, хотя имел в соседней деревне Мамкино хороший и добротный дом-пятистенок. По своей должности он был одновременно руководителем и подчинённым, потому что по бухгалтерским документам числился начальником столярных мастерских, а на деле он сам и строгал, и пилил, и колотил, то есть выполнял все функциональные обязанности обычного рабочего. В своём производстве он практиковался всего лишь на трёх видах изделий: оконные рамы, двери и гробы. Остальные виды столярной продукции спросом в колхозе не пользовались, поэтому то, что он делал постоянно, отличалось высоким качеством и точными размерами, что говорило о его профессионализме и отлично «набитой руке» в этой сфере деятельности. Прозвище «Тютя» столяр получил не случайно. Будучи ещё молодым парнем, вместо слов «здесь» и «тут», он отвечал: «тютя». Так и зацепилось по жизни это слово, как репей за тогда ещё совсем юным парнишкой, Сашкой Барышевым.

Двери столярной мастерской были открыты. Степан вошёл и увидел, что гроб стоял уже готовый, прислонённый к стенке. Рядом стояла его крышка, к которой был приколочен большой православный крест. Из каптёрки вышел «Тютя», молча взял своё изделие, вынес его на улицу и аккуратно положил в кузов машины. Потом сходил за крышкой и положил её рядом

с гробом. Лопухин, не сказав ни слова столяру, сел в кабину и поехал напрямую в районный центр. На дорогу ушло почти три часа. Дорожные ямы и колдобины основательно замедлили ход транспортного средства. По прибытии в город, Степан заехал в первую очередь в кулинарию, чтобы купить парочку пирожков и стакан чая, потому что потом это сделать ему бы не удалось. Он очень брезгливо относился к такого рода мероприятиям, поэтому решил сначала «заморить червячка», а уж потом делать дела. Когда машина с гробом въехала на территорию районной больницы, на которой размещался морг, Степан заметил, что санитары стояли у дверей этого неприятного заведения, по всей видимости, ожидая как раз именно его.

Разгрузив гроб, один из санитаров сказал Степану:

- Можешь покурить часик…

И ушёл вслед за своим коллегой, плотно захлопнув за собой тяжёлую скрипучую дверь.

Ровно через час, как и обещал санитар, двери морга распахнулись и трое мужчин в белых халатах вынесли гроб на улицу. Меняя друг друга, они подняли покойника через открытый борт и поставили гроб на машину. Крышка была накрыта и прихвачена гвоздями для того, чтобы по дороге она не соскочила.

- Ну, друг, всё. В добрый путь! – благословил Степана всё тот же санитар.

- Давай! – ответил ему водитель и, закрыв борт, полез в кабину.

Обратный путь по времени продлился чуть дольше. Лопухин переживал за содержимое гроба, поэтому вёл своё транспортное средство аккуратно, объезжая почти каждую кочку. Он мысленно представлял, как ему будут благодарны все родственники усопшей за то, какое важное и богоугодное дело он сделает, привезя её на родину. Подъезжая ко двору Серафимыча, он посигналил, давая понять родственникам бабки Марии, что пора выходить всем на улицу. Люди гурьбой стали покидать избу, чтобы встретить покойницу. Среди них были, как ветхие старухи – подружки её молодости, так и более молодые люди – дети, внуки и правнуки Серафимыча, а также соседи и просто знакомые односельчане. Четверо крепких соседских мужиков сняли гроб с машины и внесли в дом, поставив его в центре залы, на заранее подготовленные табуреты. Вокруг гроба расставили стулья и лавки для старшего поколения и для тех, кто придёт посидеть у гроба вечерком после работы. Когда все расселись, два мужика из тех, кто вносил покойницу, стали открывать гроб, стараясь не повредить его кромок. Сняв крышку и, приставив к стенке между оконных проёмов, мужики, недоумевая, поглядели друг на друга и тихонько отошли в сторону. Старухи, сидящие рядом с гробом, в один голос ахнули и стали энергично креститься, перешёптываясь между собой. Серафимыч, заподозрив что-то неладное, достал из нагрудного кармана пиджака свои очки, надел их и подошёл к покойной сестре, наклоняясь над её лицом, чтобы всё разглядеть получше. Постояв согнутым, секунд пять, он разогнулся, снял очки и повернулся в сторону Степана, который стоял у порога, переминался с ноги на ногу, из-за присутствия какого-то непонятного волнения, в ожидании слов благодарности в свой адрес.

- Это кто? – обратился к трактористу, поставив того в тупик своим вопросом, Серафимыч.

- В смысле – «кто»? – удивился глупому вопросу Лопухин. – Сестра твоя, Серафимыч… Бабка Мария…

- Ты, идиот, кого мне привёз? – повышая голос, переспросил Серафимыч.

- Да это же Клавка из Мурашева, что в соседнем колхозе! – громко объявила одна из старух – Марфа Кужлева, сидевшая как раз у изголовья покойной. – Серафимыч, это ж твоя первая любовь. Ты чёво, не узнал её што ли?

Сидевшая рядом с Марфой девяностолетняя Роза Куренкова, начала креститься, одновременно толкая в бок Марфу, чтобы та замолчала и, бубня себе под нос:

- Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Мёртвая тишина окутала всю комнату. Отчётливо слышалось только тиканье настенных часов. Через минутную паузу, где-то в углу залы послышался тихий старушечий голос:

- Эко, какое чудо свершилось, гляньте – Клавка приехала попрощаться с Серафимычем. Ой, какая любовь-то у них была, я-то хорошо помню…

Степан стоял белый, как стена. Он не знал, что сейчас делать – толи бежать сломя голову из избы, толи как-то исправлять свою ошибку.

«…в чём моя-то ошибка? Я же сделал так, как мне велел председатель…» - мысленно успокаивал сам себя Лопухин.

На данный момент никто не мог даже представить, что в деревне Мурашево, которая находилась в соседнем колхозе «Путь к коммунизму», ситуация была точно такая же. Только туда вместо бабки Клавы привезли сестру Серафимыча. А расстояние между деревнями было чуть более семидесяти километров.

Конечно же, в этой сложившейся ситуации без Константина Егоровича обойтись было никак нельзя. Соседи Серафимыча сразу же позвонили в правление и рассказали всё в подробностях. Александров, отложив все свои дела, сразу же прибыл на место, где взял всё руководство решения проблемы в свои руки. Для начала он вызвал на улицу, заведя за угол избы, Степана и там вставил ему по «первое число» не за то, что тот не посмотрел, кого везёт, а за то, что Лопухин должен был прибыть в морг к определённому времени. А он приехал на полтора часа позже. Мурашевская же машина тоже должна была прибыть за своей покойницей к тому времени, какое ей было назначено заведующей моргом, то есть, вторыми. Но вышло так, что те, наоборот, прибыли значительно раньше. Так как покойницы были выставлены в строгой очерёдности, то одевать стали первой бабку Марию. А потом уже взялись за бабку Клаву.

Обмен покойницами проходил на середины пути, куда выдвинулись со стороны деревни Тимошки – автомобиль ГАЗ-52, за рулём которого сидел сам виновник Степан, а со стороны деревни Мурашево – автомобиль ГАЗ-53. Обмен телами прошёл удачно и уже к восьми часам вечера, гроб с телом бабки Марии стоял в избе её брата Серафимыча на тех же самых табуретах, а процедура прощания проходила так, как требовала традиция – слёзы и прощальные добрые слова в адрес усопшей. О произошедшем дневном казусе на поминках уже никто не вспоминал, зато тема о нём бурно и эмоционально обсуждалась в каждом доме колхоза.

После похорон, с деревенского кладбища, жители деревни, во главе с председателем колхоза Александровым, направились в дом Серафимыча, где был накрыт поминальный стол силами троих соседок, специально оставленных для того, чтобы намыть полы колодезной водой и накрыть стол. В числе поминающих были Степан и Надежда. Серафимыч поначалу сильно осерчал на Лопухина, когда увидел в гробу не свою родную сестру, а первую свою любовь, но потом, когда всё разрешилось, он извинился перед трактористом и велел тому вместе с женой быть на поминках, объяснив приглашение тем, что бабка Мария может обидеться, если Степан не придёт. Да и остальные старухи, присутствовавшие на тот момент в избе, тоже обязали Лопухина явиться за поминальный стол, сказав, что если тот не придёт, то нарушит православные традиции, заложенные нашими пращурами много веков назад. Для самого Степана личное приглашение Серафимыча было, как соломинка в море позора. И после того, как между ними состоялся миролюбивый разговор, с плеч Лопухина как будто свалилась тяжёлая каменная плита. Он ощутил какое-то душевное очищение перед стариком, который был мудр и тоже понимал, что никакой Стёпиной вины в случившемся, нет. Ведь тракторист ни разу не видел его сестры, поэтому так всё и получилось. Серафимыч больше винил Константина Егоровича, который отправил в морг молодого парня вместо того, чтобы откомандировать кого-то из местных. Но хорошо то, что хорошо кончается. Во время всего поминального вечера никто не обмолвился ни единым словом по тому нелицеприятному факту. Все разговоры велись на тему воспоминаний об ушедшей в иной мир, старушке. Её старые подружки плакали, вспоминая о том, какой весёлой девчонкой она была, как умела всех заводить на «биседах», которые каж-

дый вечер поочерёдно проводились то в одной избе, то в другой. Вспоминали, как она любила одного парня, не показывая про это никому даже малейшего вида. А когда тот ушёл на финскую войну и там погиб, то только тогда она открылась своим подругам и дала зарок больше не влюбляться, оставаясь верной данному слову, всю свою жизнь...

В колхозе подошли к концу уборочные работы. Вспаханы на зиму поля. Посеяна озимь. Каждодневный дождь, дорожная грязь и ковры жухлой листвы, покрывшие всё вокруг, наводили тоску и апатию на людей. Из-за осенней распутицы дороги были непроезжими, в связи, с чем были временно закрыты маршруты рейсовых автобусов. Люди, кому нужно было попасть в районный центр, пытались добираться до района на лошадях и тракторах. А некоторые жители ездили на мотоциклах, у кого они были. Если поездки не являлись столь важными, то их откладывали на более поздний период – когда ударят первые заморозки и «встанет» дорога.

По распоряжению Константина Егоровича основная часть колхозных машин была поставлена в боксы, где всем водителям было предписано проводить осенние регламентные работы по ремонту и профилактике транспорта, а также подготовке его к зиме. Основная часть водителей уже отправлялась в отпуск, после выхода которой, планировалось отправить вторую часть. Вся работа хозяйства в области транспортировок, теперь легла на плечи механизаторов и их верных «железных коней» -трактора.

У Степана тоже работы значительно прибавилось. Помимо сбора молока теперь в его обязанности вошли - раздача кормов на двух фермах и одном телятнике, а также вывоз навоза на поля. График был тяжёлым, потому что надо было вставать в три часа ночи и приезжать домой около девяти часов вечера. Порой, работать приходилось без обеда. Степана успокаивала только одна мысль, что это всё временно и с первыми заморозками всё будет по-старому, как прежде.

В один из таких рабочих дней, Лопухин приехал на телятник, чтобы при помощи кормораздатчика рассыпать по кормушкам корма для телят. Перед тем, как выполнить работу, он оставил трактор внутри телятника и пошёл в «Красный уголок» к заведующей, чтобы подписать накладную. Когда он вошёл в небольшую, но заботливо ухоженную женскими руками, комнатушку, то увидел накрытый стол и, сидящих вокруг него, слегка выпивших, телятниц, среди которых была и заведующая.

- Привет, Стёпа! – с нескрываемой радостью увидеть в сугубо женской компании мужчину, поприветствовала тракториста заведующая Савушкина Светлана Владимировна.

- Здравствуйте, - в ответ поздоровался со всеми присутствующими женщинами Лопухин.

- Присаживайся к нам. А то нам так тоскливо без мужиков, - показала на место рядом с собой заведующая.

- Нет, Светлана Владимировна, спасибо. Я зашёл, что бы Вы подписали мне накладную. И надо корм раздать. А то время поджимает, а нужно ещё две телеги органики в поля вывезти с вашей фермы, - стал отнекиваться от застолья Степан.

- Ладно, успеешь. У нас сегодня большой праздник – юбилей у Натальи, ей тридцать лет исполнилось, вот и решили отметить в боевых условиях. А ты сразу про накладные. Не обижай человека, посиди с нами, - стала ласково упрашивать Светлана Владимировна механизатора.

- Да-да, Стёп, не обижай меня, присядь, - вставила своё слово именинница.

- Ну, если немного посидеть, то ладно, - сообразил Степан, что всё равно от женщин не отвязаться, так уж лучше будет тогда согласиться остаться ненадолго.

Через два часа вся компания была в таком состоянии алкогольного опьянения, что половина телятниц уже спала за столом, а Степан, заведующая и ещё три женщины бурно дискутировали, при чём, каждый на свою тему. Интересным было то, что разговор у всех пятерых клеился складно, они не перебивали друг друга, кивая каждый своему собеседнику, а в ответ говорили совершенно о другом. Такое очень часто встречается в пьяных компаниях. Наконец, те, кто остался на ногах, решила расходиться.

Степан пошёл к своему трактору. Следом за ним, покачиваясь, следовала Светлана Владимировна.

- Стёпушка, - ласково обратилась заведующая к Лопухину. – Ты бы оставил кормораздатчик и ехал бы домой. А завтра приедешь и разгрузишься.

- Нет, Светлана Владимировна, - заплетающимся языком ответил тракторист. – Я не только накормлю сейчас телят, а ещё и навоз отвезу на поле… Ну, хотя бы одну телегу, а не две.

Сказано – сделано. Раскидывая корм, Степан рассыпал его весь мимо кормушек, чем добавил работы телятницам, потому что животные, чувствуя, запах свежей еды, начали громко мычать и биться в своих загонах. Потом, отцепив, кормораздатчик, он заехал с четвёртой попытки под телегу, подцепил её дышло к прицепному устройству Т-40 и поехал к ферме, чтобы загрузить навоз.

Дорога до поля, раскинувшегося бескрайними просторами сразу же за деревней, проходила как раз мимо его дома. Степан торопился и, прибавив скорости, не справился с управлением как раз в самом начале своей деревни. Трактор с полной телегой жидкой и тёплой органики влетел в глубокий кювет и опрокинулся на бок. Приложив немало усилий, тракторист вылез из кабины, как из люка танка и, поскользнувшись, упал прямо в разлившийся по дну кювета, навоз. Барахтаясь в нём, он всё-таки кое-как, цепляясь за сухую траву канавы, почти уже вылез из неё. Дальше было бы всё хорошо, если бы в этот момент по обочине дороги не шла их соседка Галина Скворцова, которая гнала свою небольшую отару, состоящую из восьми овец, четырёх ягнят и одного старого, с огромными кручёными рогами, барана по кличке Овен. Баран шёл впереди отары и, завидев ещё издали, вылезающее из придорожного кювета, непонятное мычащее существо, остановился, топнул два раза копытом о землю и резко сорвался с места, в том самом направлении, откуда вылезало это самое существо. Степан, ничего не подозревая и не ожидая подвоха от судьбы, только и успел сделать, как поднять голову. Сильнейший удар бараньих рогов в область лба Лопухина ввёл тракториста в искусственную кому. Он, потеряв сознание, скатился обратно в канаву, плавно опустившись на дно навозной лужи, из которой впоследствии торчала одна лишь его, распухшая, превратившаяся в огромную синюю сливу, голова.

- Ой, помогите! – завопила Галина Алексеевна. – Мой Овен Степана, кажись, убил!.. Помогите!..

На её истошный крик стал сбегаться народ, среди которого были не только мужики, но ток же старики, женщины и дети. На обочине дороги, на краю кювета, где лежал перевёрнутый трактор, собралось две дюжины зевак. Все очень сочувствовали Степану, но лезть в органику, чтобы вытащить человека в бессознательном состоянии, никто не испытывал никакого желания. Всё-таки, постояв немного, из людской толпы вышли два молодых парня и, перекинувшись парой фраз, принялись извлекать полуживое тело тракториста из навозной лужи.

Когда стало ясно, что Степан жив, но не совсем здоров, рядом стоявшая пенсионерка, Вера Кирилловна Бахметьева, предложила:

- Товарищи, нужно вызывать «скорую». А вдруг у него сотрясение или, например, его нельзя транспортировать?

- Да нормальный он, Вера Кирилловна, - ответила хозяйка круторогого барана. – Я гнала своих овечек, а он пьяный из канавы вылезал. Ну, а Овна моего вы все сами знаете… Вот такое несчастье и приключилось…

Пока женщины наперебой выдвигали свои предложения о том, что делать с пострадавшим, к толпе уже подбежала Надежда, испытывая огромный стыд за мужа и в то же время, очень жалея его. Мужики принесли Степана к дому и положили на крыльцо. Помогли Наде снять с него всю одежду, тут же принеся откуда-то два ведра тёплой воды. Наспех помыв мужа, Надя попросила этих же мужиков отнести супруга в дом и положить на раскладушку, которую она поставила в прихожей.

Почти всю ночь Надежда не отходила от своего мужа. Она периодически вставала с кровати и подходила к нему, проверяя – дышит он или нет.

Рано утром Степан подал признаки жизни, застонал и попытался встать с раскладушки. Надя вскочила и подбежала к нему. Его лицо вызывало не жалость, а наводило ужас на жену. Иссиня-чёрный цвет кожи отдавал блеском. На месте глаз можно было разглядеть всего лишь две, еле видимых, щёлки. Веки свисали под бровями двумя огромными мешками. А когда-то ещё совсем недавно, острый греческий нос Степана сегодня был похож на огромную картофелину. Надя решила всё-таки вызвать к мужу медика. Когда приехала фельдшер местного фельдшерско-акушерского пункта, то сразу с порога заявила, что Степана надо срочно везти в районную больницу, потому что она подозревает у него не только сотрясение мозга, но и перелом переносицы, на что Надежда дала свое полное согласие и помогла собрать мужа в дорогу. Лопухина положили в стационар хирургического отделения районной больницы. У него, как точно предположила фельдшер, было сильное сотрясение мозга и перелом переносицы. Так же, ему сделали снимок головы, чтобы проверить – нет ли трещины на черепе. Как сказал сам хирург Петров Станислав Борисович:

- Однако, очень редкостный случай лицезрю я. Такая обширная и сильная гематома, обычно, сопровождается черепно-мозговой травмой. Вам, батенька, в этом плане сильно повезло. Ваша черепная коробка достойно выдержала испытание на такой сильнейший удар. Могу Вас искренне с этим поздравить! Но у нас Вам придётся полежать недельки три, а, возможно, и все четыре. Но всё это будет зависеть только от способностей Вашего организма к восстановлению…

Степан ненавидел больницы. Но в данном случае ему ничего не оставалось делать, как просто взять и согласиться с очень грамотным и опытным доктором. Организм Степана был ещё совсем молодым, поэтому всё на нём заживало очень быстро. Буквально через неделю лёгкая желтизна от гематом еле прослеживалась на его щеках и в центральной части лба. А если не присматриваться, то всего этого было не заметно. Пройдя трёхнедельный курс лечения, наконец, его лечащим врачом было принято твёрдое решение – «на выписку».

Не успел Степан дойти от автобусной остановки до своей калитки, как услышал за спиной окрик Кольки Смирнова – колхозного завгара:

- Здорово, Стёпа! Погоди-ка!

Он быстрым шагом дошёл до Лопухина, поздоровался ещё раз, подав тому свою сильную жилистую руку.

- Ну, как самочувствие? Поправился? – искренне поинтересовался завгар.

- Да, спасибо, Коля, нормально всё. Правда, от уколов весь зад болит. И кто их придумал?

- Я чего тебя тормознул-то, Стёп… Тут такое дело. Егорыч собрался снимать тебя с трактора. Говорит, что ты за не целых полгода начудил столько, сколько не начудил он сам за всю свою жизнь. Ну, да ладно, ты не переживай. Без работы не останешься. Скажу тебе по секрету, что он хочет тебе предложить идти работать либо в котельную кочегаром, либо слесарем в тракторные мастерские, либо в лес - заготовлять дрова для колхозных котельных… Так что, ты подумай и иди к нему прямо сейчас. Он велел всем, кто увидит тебя первым, отправлять срочно к нему в кабинет.

- Так я домой-то могу хоть зайти? – спросил Лопухин.

- Конечно, нет… Стёп, сходи сейчас, а то потом хуже будет, если узнает, что мы с тобой встретились и ты не пришёл сразу, - виновато развёл руками Коля.

- Ёшкин кот! – чертыхнулся Лопухин и решил последовать совету завгара.

Не успел Степан закрыть за собой дверь, войдя в кабинет, как председатель начал свой монолог без лишних прелюдий, напрямую:

- Степан Сергеевич, я думаю, ты уже в курсе того, зачем я тебя вызвал. Постараюсь покороче, потому что у меня со временем очень туговато, жду гостей из райкома… Слушай меня

внимательно. Ты передашь свой трактор в третью бригаду, лично Козлову Ивану Алексеевичу. Его гусеничный ХТЗ уже почти развалился, а запасных частей для него уже не выпускают. Он уже не в том возрасте, чтобы валяться под трактором, которому уже почти полвека. Да и сам он, как ты знаешь, очень уважаемый человек в колхозе, ветеран войны и передовик хозяйства. Пусть хоть под старый след на новом тракторе поработает. Но это временно, не переживай. Если к следующему лету не уйдёт, он же много лет уже на пенсии, то я дам ему новый трактор, а тебе вернём твою «сороковину». Ну, а если уйдёт, то вопрос решится ещё проще… Значит, что с тобой мы решим сейчас? У тебя есть выбор, куда идти работать на зимний период. Ты знаешь, куда я тебе хочу предложить или ещё нет?

- Да, я всё знаю, - ответил Лопухин. – И хорошо подумал. Если можно, то я лучше в котельную пойду. Если Вы будете не против, то я бы пошёл работать в котельную наших мастерских. Там к технике поближе буду, да и с мужиками рядом, всё-таки.

- Да, разумеется, Степан Сергеевич, - согласился с выбором Лопухина председатель. – Тогда передавай трактор и готовься к новой работе.

На том и порешили. Степан в течении двух дней передал свою технику пенсионеру-передовику Козлову, который с большой неохотой принимал «сороковину» Лопухина. Тракторист очень любил свой старый ХТЗ, год выпуска которого выпадал на военный период. Вернувшись с войны, он принял гусеничную машину, практически новой. И работал на ней всю свою жизнь. Трактор, который передавал Козлову Степан, был вторым за всю трудовую деятельность пенсионера, поэтому для него это было очень значимым событием, хотя и не очень радостным. Иван Алексеевич очень переживал за то, что его любимый ХТЗ сдадут в металлолом, как только он уйдёт с него. Вот именно это для старого ветерана, как считал сам механизатор, являлось фактом предательства, пусть даже к транспортному средству, которое сопровождало его всю жизнь, ставшее для него не простой железной машиной, а существом одушевлённым, хотя и механическим.

Глава 3

«КОЧЕГАР»

Осень, по сравнению с летом 1972 года, выдалась более дождливой и прохладной. Лето оказалось на редкость очень засушливым. В одном только августе за весь месяц было всего лишь четыре дождливых дня. Зато в октябре ненастная погода напоминала о себе шестнадцать раз. Кроме слякоти этот месяц осени отличился ещё и первыми заморозками, благодаря которым грязь превращалась в замёрзшие колеи, а огромные лужи полностью вымерзали, оставляя на дорогах только белые ледяные корки.

С приходом первых заморозков товарищем Александровым был издан приказ о начале отопительного сезона в хозяйстве. Руководители всех других организаций, предприятий и служб, находящихся на территории колхоза «Путь имени Ленина», глядя на председателя колхоза, тоже начинали издавать свои приказы, в которых объявляли о начале проведения отопительных работ в своих учреждениях.

До начала сезона в колхозе Степан Лопухин, после того как его сняли с трактора, занимался вместе с бригадой ремонтом котельной колхозных мастерских. Туда он был приписан на весь зимний период. Как правило, ремонтные бригады комплектовались из тех истопников, которые заранее планировались для дальнейшей работы кочегарами в новом сезоне. Они направлялись на свои котельные, и весь летний период активно трудились на ремонтах этих самых объектов.

Бригада состояла из четырёх человек. Степан пришёл в неё за месяц до начала сезона, поэтому до его прихода ремонтом котельной занимались трое работников – Михаил Петрович Платонов, Василий Козлов и Федька Капустин. Группа кочегаров, членом которой стал Лопухин, представляла собой разновозрастной контингент. Михаилу Петровичу на тот момент исполнилось шестьдесят пять лет. Летом он очень широко отметил свой юбилей, собрав почти всю свою немалочисленную родню. Василий был младше. Через месяц, в ноябре, ему должно было исполниться сорок три года. Самым младшим в бригаде был Федька Капустин. Он готовился весной, после окончания отопительного сезона, уходить в армию. Этого события, которое является одним из главных в жизни каждого мужчины, ждал не только он один. Этого ждала и вся его большая семья, которая насчитывала восьмерых детей, среди которых Федька рос самым младшим и очень избалованным ребёнком. Мать-вдова всегда называла его - «наш поскрёбыш». Отец Федьки погиб на валке леса, когда сыну не исполнился ещё годик. Мать, постоянно пропадавшая на ферме, не смогла уделять должного внимания сыну, поэтому он в основном был предоставлен сам себе, что и сыграло некоторую негативную роль в вопросе его воспитания.

Как требовали традиции, вливавшихся в коллектив новых работников, Степану пришлось накрыть небольшой стол внутри котельной. Он не был шикарным, но всё необходимое на нём имелось. Лопухин купил в сельмаге четыре бутылки водки, одну буханку ржаного хлеба, выложил на стол десяток варёных куриных яиц, одну трёхлитровую банку солёных огурцов и три большие луковицы.

- Ну, вот это другое дело, Стёпа! – радостно, потирая ладони, сказал Федька. – А то, говорят, к нам в команду человек серьёзный приходит… ну, ты, то есть. А я ненароком подумал, что ты такой же, как твоя жена – такой же правильный и весь из себя, поэтому, думаю, «улыбнётся» нам сегодня «прилив».

- Много текста! – громким командным голосом, на правах самого старшего, остановил Платонов разговорившегося Федьку, который был назначен на должность разливающего. – Давай, вздрогнем, коллега! Молодец, Стёпа, что уважаешь рабоче-крестьянские традиции!

Выпив по первой и, закусив солёными огурцами, выловив их рукой прямо из банки, Михаил Петрович продолжил разговор:

- Стёпа, ты у нас человек новый. Про тебя говорят всякое, но мне сплетни не интересны. Хотелось бы от тебя самого услышать – откуда ты, кто ты, да чего ты? Одним словом, обскажи о себе кратенько. А то нам ведь работать вместе и сам понимаешь, в коллективе «тёмных лошадок» не должно быть...

В это самое время Федька уже налил по второму стакану. Все молча выпили. Лопухин, отломив от варёного яйца небольшой кусочек и закусив им, начал рассказывать о себе:

- Ну, что рассказать, Петрович? Я ваш земляк, из нашей области. Тоже деревенский. Окончил школу, потом сельскохозяйственный техникум. Служил в армии…

- А где служил? – перебил рассказчика Платонов, выразив тем самым, свой неподдельный интерес к теме армии.

- В морской пехоте… - охотно ответил Степан.

- Ого! – взбодрился Петрович. – Да мы с тобой – братишки! Я тоже в морской пехоте служил. Наша служба с тобой, конечно, отличалась, но всё же. Я-то, брат, Крым освобождал от фашистов. Слыхал, наверное, про «чёрную смерть»?.. Да-а-а, задали мы тогда «гансу» по первое число! Будут век помнить наш морпеховский кулак! А, ну, дай «краба»!

- Приятно встретить братишку. Особенно, в маленьком коллективе… - подавая «краба» Платонову, искренне ответил Лопухин.

- Ну, а Васька наш служил в стройбате, - переключился от допроса к представлению членов своего маленького коллектива, Платонов, крепко хлопнув по плечу, молчавшего до этого, Василия Козлова. – Он в нашем райцентре, будучи солдатиком, строил железнодорожную структуру. Ну, конторы, склады всякие и всё остальное. Потом, просто случайно, встретил на рынке нашу Варьку. И понеслось… Так ведь, Васят? Я правильно всё сказал?

- Ладно, Петрович. Ты со своими подковырками меня в тот сезон уже притомил… - обиженно буркнул Козлов.

- Не обижайся, больше не буду… - по-отцовски обняв за шею Василия, прижал его голову к своему плечу Петрович. – Ну, а этот у нас вообще не служил. С горем пополам окончил восемь классов. Турнули его со школы, одним словом…

- И ничего, не турнули, Петрович! Я сам ушёл! – перебив ветерана, возмутился Федька.

- А, ну, цыц! Не перебывай старших! – строго гаркнул Платонов на призывника Капустина. – Вот теперь везде пихают его на работы, что бы до армии дотянуть. От рук отбился вообще. Матка его жалится, говорит, что сладу дать не может никак. Но, ничего, оболтус, в армии, как ни служи, а на второй год всё равно оставят! Ха-ха-ха! – засмеялся над своей же шуткой Петрович.

Мужики сели за стол в обед. Это означало, что после обеда они будут уже не работники. Поэтому, допив всё имеющееся спиртное, все стали расходиться. Михаил Петрович, Степан и Вася пошли домой. А Федька, у которого, как говорят в народе – «зашаяло», поторопился в сторону сельмага, чтобы взять ещё одну бутылку, записав её на мать, потому что на самого Капустина никто записывать бы не стал, зная о том, что он очень не любит делать одной обязательной вещи – отдавать долги.

Надежда пришла домой. Запах алкоголя в квартире она почувствовала сразу, не успев ещё закрыть за собой входную дверь. Степан лежал на диване и смотрел телевизор, по которому транслировали заседание Верховного Совета СССР.

- Стёпа, а что, у нас какой-то праздник?

- Это как сказать, Надюш, - стараясь снять некоторую напряжённость предстоящего разговора, вставая с дивана, ответил Лопухин. – Официально, конечно, праздника нет. Но я сегодня вливался в новый коллектив.

- Он вливался в коллектив! – возмутилась супруга. – В какой? В бригаду кочегаров? Ну, тогда, поздравляю, ты подвергся полной деградации.

- Ну, что ты начинаешь, Надь?

- Я не начинаю, дорогой. Давай спокойно рассудим. Ты же вылетел из трактористов по причине пьянки. Да, ты не пьяница, но вылетел-то ты из-за пьянства. Или я не права? – глядя в глаза мужа, спросила Надежда.

- Я тебя понял. Ты права, как всегда, - решил поставить точку в разговоре Степан.

Через неделю, когда Лопухин уже работал самостоятельно, пройдя стажировку под руководством Михаила Петровича Платонова, к нему в котельную зашёл слегка подвыпивший Федька.

- Привет, Стёпа!

- Здорово! – закидывая в котёл тяжёлые полутораметровые дрова, поприветствовал гостя Лопухин.

Когда дежуривший кочегар освободился и вошёл в бытовку, снимая рабочие рукавицы и аккуратно раскладывая их на трубе рядом с контрольным манометром, Капустин стал объяснять тому причину своего визита.

- У меня к тебе дело есть. Помощь твоя нужна. Поможешь?

- Ну, не знаю. Смотря что.

- Да так-то ничего особенного, Стёпа. Надо дрова привезти. Мамка уже надоела. Говорит, что скоро снег выпадет, а дров осталось на пару недель.

- А на чём я тебе их привезу? На дровешках что ли? Лесовоза я в своём хозяйстве не имею, - не понимая, что имеет в виду Федька, спросил Степан.

- При чём тут лесовоз? Дровишки уже напилены и лежат на делянке в ожидании, когда их заберут… А так, всё очень просто. Я уже поговорил с дедом Ваней Козловым, которому ты передал трактор. Он сказал, что, если Стёпка согласится привезти дрова, то он даст тебе его без вопросов и проблем, - не унимался Капустин.

- А он чего сам не хочет?

- А ему, как он сказал, этого не надо. Типа, не в том уже возрасте он, что бы по делянкам лазить… Ну, что, поможешь?

- Ну, не знаю, - стал сомневаться Степан.

Итогом диалога стало согласие Лопухина привезти дрова Федьке.

После окончания смены, оба коллеги, встретившись в заранее оговорённое время, у дома Ивана Алексеевича, вызвали хозяина на улицу.

- Здорово, короли тепла! – с иронией в голосе поприветствовал старый механизатор своих гостей. – Стёпа, трактор я тебе дам, без проблем. Но вот зря ты с Федькой связываешься. Он же аферюга отборный, подведёт тебя под монастырь…

- И ничего я не аферюга, дед Ваня, - начал возмущаться Федька на обвинения Козлова.

- Ладно, это дело ваше. Но, смотрите, что бы с трактором было всё нормально, иначе, скажу, что вы его у меня угнали. «Понятно вам?» — уже более строго сказал Иван Алексеевич.

- Всё будет хорошо, дед Ваня! – заверил пенсионера, в успешном исходе дела, Федька.

Взяв трактор и бортовую телегу, Степан и Федька направились в лес, на ту самую делянку, где лежала огромная куча, напиленных и готовых к расколке, дров. Работа спорилась. Вдвоём, без отдыха и перекуров, они загрузили прицеп за один час. Дрова складывались аккуратно, чурбак к чурбаку. Степан подавал их Фёдору, который стоял на телеге и принимал груз. Когда дело было сделано, работники, сели в трактор и, переваливаясь с боку на бок, стараясь не растерять дрова, медленно двинулись с делянки в сторону деревни.

- Сколько я тебе должен, Стёпа?

- Нисколько, - отмахнулся Лопухин.

- Ну, смотри, я тебе предлагал, - сказал Федька, не скрывая радости в голосе оттого, что Степан отказался от расчёта.

Они въехали во двор Капустиных. Федька, выскочив из трактора почти на ходу, бегом направился в дом. Пока Степан разворачивал трактор, направляя его прицеп к месту разгрузки, хозяин дров уже стоял перед матерью – Любовью Филипповной, которая на кухне мыла посуду и клянчил у неё деньги.

- Мам, я привёз дрова... Нужен расчёт... Стёпка цену загнул, паразит... А я что? Больше ведь никто не привезёт.

Мать, зная своего сына, как не совсем честного и порядочного молодого человека, с некоторым сомнением воспринимала его слова о том расчёте, какой запросил Лопухин за помощь в погрузке дров и их подвозе к дому Капустиных. Но она была женщиной интеллигентной и воспитанной. Именно это не позволяло ей самой подойти к Степану и уточнить – не соврал ли ей сын? А Федька, твёрдо зная, что мать никогда не станет выяснять истину и правду, пользовался ситуацией.

Любовь Филипповна, молча достала кошелёк, который она прятала в бельевом шкафу своей спальни. Прятать приходилось от Федьки, который, имел постоянное желание выпить, не раз был замечен в хищении денег, которые он воровал из карманов не только материнских курток и плащей, но и своих братьев и сестёр. Получив, названную сумму, он выскочил на улицу. Степана уже не было. Дрова были свалены в кучу около дровяника. «Отлично!» - мелькнуло в голове у Федьки. – «Это я удачно сделал дело…»

Рано утром в дом к Капустиным пришла соседка – Зоя Куракина. Федька спал.

- Люба, где сынок? – нервничала Зоя.

- Спит. Ночью пьяный припёрся. Ничего не понимал. Еле до кровати дошёл. А что такое? – не понимала мать, что же в этот раз натворил её бестолковый сын.

- Мне он нужен лично.

- Сейчас постараюсь разбудить, - сказала Любовь Филипповна, уходя в Федькину комнату.

Еле растолкав своего отпрыска, она вытащила его из комнаты и поставила перед соседкой, в прихожей.

- Ну, что на этот раз? – требовательно и строго спросила у сына мать.

- Федя, скажи-ка мне, откуда ты вчера привёз дровишки? – глядя прямо в глаза парню, спросила соседка.

- Откуда? Из леса, тётя Зоя. А в чём дело? – шатаясь и зевая, спросил Федька.

- Да, ты прав, они из леса… Теперь слушай меня внимательно. Возьмёшь тачку и перетаскаешь все чурбаки к моему сараю. Вопросы есть? — спросила Зоя.

- Да, понял… - ответил молодой человек.

Мать Фёдора, ничего не понимая, стояла молча и только моргала глазами, пытаясь понять – зачем её сын должен их дрова перетаскивать к соседке? Позже, всё встало на свои места, и Любовь Филипповна узнала все подробности этой истории.

За несколько дней до того, как Степан перевёз дрова, Федька сидел в гостях у своих соседей Куракиных, выпивая с сыном Зои – Игорем. Изрядно подпив, Куракин-младший начал жаловаться соседу на то, что они с отцом специально до начала зимы заготовили дрова, чтобы по заморозку, пока нет снега, они смогли вывести их домой. Он рассказал в подробностях о том месте, где они заготовили топлива на четыре телеги. Фёдор, которого мать на протяжение всего последнего месяца ежедневно «пилила» о том, что срочно домой нужны дрова, не мог не заинтересоваться этой информацией. Поэтому, подливая соседу больше водки, предприимчивому молодому человеку удалось выяснить всё, что могло бы пойти на пользу не только ему лично, но и всей его семье. На следующий день после сложившегося разговора с Игорем, Федька сходил на ту делянку, о которой говорилось в разговоре и убедившись в правдивости слов Игоря,

решил не терять времени зря и украсть у Куракиных тележку дров, посчитав, что: «…от одной у них не сильно убудет…». Ему осталось найти трактор, чтобы привезти похищенное домой. Но, отлично зная Федьку, из односельчан никто бы не стал с ним связываться. Об этом он знал и сам. Подумав денёк-другой, он решил, что кандидатура Степана на исполнителя роли тракториста является самой подходящей, потому что тот был молодым и доверчивым, а главное – не из местных, поэтому не знал Федьку, как человека. Да и с трактором вопрос решить было проще с Иваном Алексеевичем, которому было всё равно на, временно вверенный ему, трактор Степана, так как он очень скучал по своему верному другу ХТЗ, судьба которого уже никому, скорее всего, не известна.

Перетащив четыре тачки дров со своего двора во двор Куракиных, Федька бросил хозяйственную тележку прямо у крыльца Зои, плюнул себе под ноги и ушёл домой, решив больше не таскать эти сырые и тяжёлые берёзовые чурбаки. Когда к ним вновь пришла Куракина, чтобы узнать, когда же дело будет доделано до конца, Федька в грубой форме объяснил Зое, что эти дрова ему даром не нужны, не двусмысленно намекая, что пусть их таскает тот, чьей собственностью они являются.

Но на этом история с дровами у семьи Капустиных не закончилась, а получила некоторое продолжение.

Любовь Филипповна, подробно узнав об афёре сына, ещё больше забеспокоилась о том, чем же они будут протапливать дом уже в ближайшее время? Она каждое утро начинала с одной и то же темы – когда же всё-таки Федька соизволит заготовить дрова?

- Всё, мам! – в один из дней резко, в момент очередного монолога матери, отрезал Фёдор. – Завтра пойду и заготовлю. Только успокойся.

Мать искренне обрадовалась такому повороту событий, считая, что это она во всём молодец – сумела достучаться до холодного сыновнего сердца. После таких слов она успокоилась и стала ждать завтрашнего дня. Рано утром Федька встал без будильника и помощи мамы, которой зачастую приходилось будить нерадивого сыночка, любившего поспать и понежиться в постели до обеда.

- Феденька, ты в лес собрался? – с надеждой спросила Любовь Филипповна.

- Да, мам, - коротко бросил матери сын.

Мысли Федьки были далеки от работы. Встав утром пораньше, он вынашивал совершенно другие планы на день. Выйдя из дома, Капустин направился в отцовский сарай, где хранился хозяйственный инструмент и огородный инвентарь. Там он нашёл бензопилу «Дружбу», покрытую толстым слоем пыли. На стенке висели четыре цепи от этой бензопилы, которые уже частично одолела ржа. Федька, почесав затылок, решил провернуть свою очередную аферу. Он снял со стены две цепи, спрятал их за пазуху фуфайки, вышел из сарая и направился к своему соседу Игорю Куракину.

- Привет, сосед!

- Привет, Федя! – пожал руку Капустина, сонный Игорь, вышедший из своей комнаты в одних трусах. – Чего такую рань припёрся?

- Выпить хочешь? – с хитринкой в глазах и улыбкой на губах, спросил Федька у друга.

- Прямо сейчас что ли? – взбодрился от такого предложения Куракин.

- Разумеется, что сейчас. Как раз и гастроном открыт уже.

- Я тебе сразу говорю – у меня финансов нет, - подозревая, что Фёдор будет просить деньги у него, ответил Куракин.

- А мне твои деньги не нужны. Но два литра я ставлю. Так что, согласен мне компанию составить?

- Пять минут покури, сейчас оденусь только, - ответил сосед и вернулся в комнату.

В дверях на выходе Федька встретил мать Игоря, которая сразу же накинулась на него с руганью:

- Ты чего сюда пришёл, ворюга? Мало тебе дров, так ты ещё и дом мой решил обнести? Я вот сейчас вообще участкового позову. Думаешь, что заявление не написала, так всё с рук тебе сошло? Как бы не так!

- Да ладно, тётя Зоя, я к Гошке пришёл. А за дрова я извинился. Больше так не буду. Просто мамка надоела ныть – заготовь дрова, да заготовь. Я и соблазнился… - миролюбивым тоном старался снять гнев Зои в свой адрес, Федька.

- Соблазнился он. Поглядите на него. А мамка твоя права – кто, кроме тебя ещё дрова заготовит? Ты же сейчас единственный мужик остался у неё. Все ваши разъехались, работают, семьи имеют. Один ты, бестолочь вырос, Федька… - уже более спокойной сказала Куракина.

Когда вышел Игорь, Федька велел подождал его у дома, так как надо взять денег у матери.

- А-а-а, ну, понятно. А я-то думал, что деньги уже есть. Не даст она тебе денег. Вот увидишь. Только взбаламутил ты меня напрасно, сосед, - с отчаянием в голосе промолвил Куракин.

Федька, ни сказав другу ни слова, забежал домой.

- Мам, сейчас пошёл проверить папкину пилу. Глянул, а цепей-то нет. Чем я пилить бы стал? Хотел спросить в аренду у Кольки Шилова, а он сказал, что так просто не даст, только продать сможет.

- За сколько? – спросила мать, не подозревая подвоха, тем более что сын в виде доказательства достал из-за пазухи две цепи.

- Литр за цепь. Но ты сама же знаешь, что их тяжело достать. Они и так стоят очень дорого. А тут – четыре бутылки. Цена копеечная. Мам, больше нам их нигде будет не взять, - убедительно заверил сын.

- Хорошо, – Любовь Филипповна ушла в свою комнату за кошельком.

Федька и Игорь шли по центральной улице деревни в сторону сельмага. Цепи для бензопилы «Дружба», которые Капустин показал матери, он бросил на террасе. Теперь это было уже не важно. Главное, что в кармане были деньги на пропой.

Ещё два дня были вычеркнуты из жизни Федьки Капустина. На третий день, с больной головой, хочешь – не хочешь, а пришлось заступать на суточное дежурство в котельную. Отстояв свою смену, он снова ломал голову над тем, где бы найти выпить. Как замечал сам Фёдор, удача всегда сопутствовала ему в поисках спиртного. Этот раз не стал исключением. По дороге домой с дежурства, ему навстречу попался Алексей Иванович Доронин – отставной офицер-подводник Северного флота, вернувшийся на родину, после того как ушёл на заслуженный отдых. Он вёз на тачке небольшой холодильник.

- Здрасьте, дядя Лёша, - поприветствовал пенсионера Федька.

- Здравствуй, Федя, - не менее доброжелательно ответил парню Доронин. – Со смены идёшь?

- Да, со смены. А Вы куда идёте с утра пораньше с холодильником? – груз офицера вызвал неподдельный интерес у Федьки.

- Сломался, так везу на помойку. А что? – зная предприимчивого парня, с ухмылкой спросил Алексей Иванович.

- Слушайте, дядя Лёша, а отдайте мне его, - сразу же нашёлся Капустин.

- Зачем он тебе? Ты что, в холодильниках разбираешься? – подозревая, зачем парню понадобился холодильник, решил уточнить Доронин.

- Да так, немного понимаю… Ну, так что, отдадите просто так?

- Хорошо. Бери. Только тележку потом привези, не забудь.

- Не забуду! Спасибо, дядя Лёша! – схватив тачку за ручку, и более быстрым шагом Федька продолжил свой путь в сторону своего дома.

Наспех умывшись и быстро переодевшись, отказавшись от завтрака, он, прихватив тачку с холодильником и прямиком направился к дому Лопухиных.

Дверь открыл Степан.

- Федя, ты чего так рано? Сегодня воскресенье. Надя хотела отоспаться, а ты разбудил всех своим стуком в дверь. Чего случилось-то? – зевая и ёжась от утреннего морозца, спросил Лопухин.

- Я слышал, что вы хотели купить холодильник?

- Ну, да. Хотели. Хотя бы подержанный. А что?

- Вот, глянь, я исполнил твоё желание – бери и пользуйся на здоровье, а то желающих много по дороге попалось. А я им говорю, что Стёпке-другу надо, поэтому не продаётся, - нагло врал Федька.

- А сколько будет стоить?

- Немного… «Червонец».

- И всего-то? – удивился Степан такой низкой цене, отличного по внешнему виду, холодильника.

- И всего-то, дружище. Ну, что, берёшь?

- Беру.

- Тогда «червонец» и обмывка с тебя, - начинал наглеть Капустин. – По рукам?

- Добро, по рукам, - закрепив сделку крепким рукопожатием, согласился с таким взаимовыгодным предложением Степан, после чего сбегал домой и вынес деньги за товар и на обмывку покупки.

Когда Фёдор вернулся из сельмага, отстояв приличную очередь, потому что в воскресенье магазин работал до обеда, а в деревенской пекарне этот день недели являлся «хлебным», так же как вторник и пятница, Надежды уже дома не было. Её вызвали на работу по личной просьбе товарища Александрова.

- Это хорошо, что твою вызвали, - обрадовался отсутствием хозяйки в доме Федька.

- Слушай, Федь, я тут включил холодильник, а он не работает. Он хоть рабочий? – тревожился Степан.

- Да это же новая модернизированная марка, дружище… И вообще, ты что, думаешь, что я тебя обманул? – возмутился аферист.

- Да нет, не думаю я так. Просто спросил, - начал оправдываться Степан, стараясь показать собеседнику, что не хотел обидеть его.

Они сели за кухонный стол. На нём стояли две бутылки «Столичной», тарелка с квашеной капустой, блюдо с варёным картофелем, две луковицы, блюдце с, нарезанным кусочками, салом и толсто нарезанные куски ржаного хлеба. Через полтора часа всё спиртное было выпито. В ходе всего мероприятия все тосты были адресованы покупке – бывшем в долгосрочном употреблении, холодильнику. Если бы он был предметом одушевлённым, то только ради тех слов, которые были сказаны выпившим Фёдором, холодильник должен был бы заработать и трудиться на благо семьи Лопухиных ещё не один десяток лет. Но железо – есть железо. Как бы новоиспечённый продавец не нахваливал свой товар, а заработать холодильник так и не смог, испортив за четыре дня надежд и упований со стороны хозяев, не один килограмм рыбы, мяса и одну трёхлитровую банку коровьего молока. Если у Степана ещё теплилась какая-то слабая вера в исправность техники, то у Нади уже к вечеру первого дня умерли и надежда, и вера. После того, как ей пришлось выбросить все скоропортящиеся продукты, за исключением закрытых консервных банок и домашних закруток, супруга «спустила всех собак» на мужа.

- Стёпа, я всё могла бы понять, но, чтобы ты, понимающий в технике мужик, купил ломаный холодильник – это случай, выходящий за все реальные и, даже, не реальные, рамки! Это ладно, что он десять рублей запросил. А если бы больше?

- Хорошо, Надь, я сейчас схожу к нему, дам ему в лоб и заберу деньги…

- Ещё чего не хватало! Сядь теперь уж, да помалкивай… - ходила по комнате от стенки к стенке Надежда. – Ладно, Стёп, что сделано, то – сделано. Сами виноваты, что дали себя

обмануть. Пообещай, что больше никогда не свяжешься с этим Федькой. Ведь все говорили, что надо держаться подальше от этого прохиндея… Ну, так что, обещаешь, что не тронешь его и ничего ему не скажешь?

- Обещаю… Но огромное желание закатать ему в голову – присутствует, - бубнил себе под нос Лопухин.

Он прекрасно понимал, что виноват только сам. «…Федька, конечно, гад ещё тот… Это с одной стороны. А если посмотреть с другой, то если получилось обмануть, то – молодец… Не знаю, одним словом, что и делать…» - мысленно рассуждал Степан.

Холодильник в итоге решено было оставить, поставив его на веранде в роли тумбочки, где Надежда решила хранить весной рассаду.

Морозы стали крепчать. По ночам начал выпадать снег, хотя днём ярко светило солнце. В котельной работы прибавилось – нужно было увеличивать температурный градус в системе отопления всего автомобильного гаража, который включал в себя сорок два автомобильных бокса и почти столько же тракторных.

Из всех четырёх истопников завгар Коля Смирнов, когда приходилось бывать в кабинете главного инженера-механика товарища Воротькова, постоянно отмечал двоих работников – Платонова и Лопухина, которые очень ответственно подходили к выполнению своих обязанностей.

- Надо бы как-то отметить их, Илья Сергеевич, - устно ходатайствовал перед своим прямым начальником Смирнов.

- Я тебя понял, Коля… Обязательно отметим… При первой же возможности отметим… Я тебе это обещаю, - каждый раз заверял завгара Воротьков.

Наступил декабрь. Вместе с его приходом пришла настоящая снежная и морозная зима. За неделю выпало столько снега, что колхозные трактора по два раза на день таскали «треугольники», сделанные из гусеничных траков, специально применяемых при дорожных работах на селе. Помимо снежных заносов погода принесла долгожданную добрую весть для заядлых рыбаков – возможность выезжать на подлёдный лов. Лёд очень быстро набрал необходимую толщину и стал очень крепким, что для любителей рыбалки является самым основным фактором для занятия любимым увлечением. Поэтому, в первые же выходные, все рыбаки колхоза разъехались по озёрам и рекам, которых в округе насчитывалось более трёх десятков – больших и малых, мелких и глубоких. В число таких знатных и заядлых рыбаков входил сменщик Степана – Козлов Вася. Так получилось, что ни один, ни другой из истопников не работали в эти дни, поэтому Василий решил позвать на рыбалку Лопухина.

- Стёпа, а ты рыбак? На рыбалки ездишь? – сначала поинтересовался у товарища Козлов.

- Я не скажу, что являюсь заядлым рыбаком, но это дело уважаю. В моём районе мало водоёмов, поэтому выбора большого не было, куда ехать. А ездить приходилось на велосипеде. А так, посидеть с удочкой люблю, - ответил Степан.

- Тогда поехали на эти выходные на рыбалку с ночёвкой? Переночуем у моего хорошего знакомого.

- А куда ехать надо? – уточнил Лопухин.

- На Кумозеро. Слыхал про такое?

- Да, слыхал. От нас сорок километров. Правильно? – решил блеснуть своими знаниями в области местной географии, Степан.

- Верно, - сказал с улыбкой Василий, символически хлопнув своего собеседника по плечу.

Ранним субботним утром, собрав все необходимые для подлёдного лова, снасти, Козлов на своём стареньком мотоцикле «Ковровец» подъехал к дому Лопухиных.

Компаньоны, пожав в приветствии, друг другу руки, уселись на мотоцикл и двинулись в путь. Дорога до озера была частично занесена снегом. Особенно заносы были в тех местах, где дул боковой ветер, а вдоль дорожных обочин раскинулись поля. Где был лес или рос густой

кустарник, дорожное полотно было, хотя гладким и накатанным, но очень скользким для шин мотоцикла, поэтому, сбавляя скорость в таких местах, Василий старался аккуратно вести своё транспортное средство. На всю дорогу до озера ушло полтора часа. За время всего пути рыбаки останавливались один раз, что бы растереть замёрзшие щёки, а заодно и покурить.

Утро на озере встретило Степана и Василия яркими солнечными лучами, которые излучало, быстро поднимающееся над лесом, солнце. Погода была тихая и безветренная. Хотя и стоял крепкий мороз, но особо он не ощущался.

Сегодня всё озеро было усыпано рыбаками, которые съезжались не только из соседних деревень и колхозов, но даже из соседних районов, где водоёмов для рыбалки практически не было вообще. Коллеги прислонили мотоцикл к огромной берёзе, растущей на берегу, раскинувшегося на четыре километра, Кумозера. Вошли на лёд. В отличие от Степана, как рыбака-любителя, Василий испытал счастье открытия сезона зимней рыбалки, как настоящий заядлый рыбак-профессионал с многолетним стажем…

Первый раз Вася оказался на реке в возрасте трёх лет. Тогда его отец – Эдуард Спиридонович Козлов, находился на должности председателя колхоза «Путь имени Ленина». Ему постоянно приходилось бывать в разных частях своего хозяйства, вне зависимости – деревня это была или поле. Все свои передвижения Козлов совершал на гужевой повозке, а так как все дороги в колхозе лежали через реки или пролегали по берегам озёр, то он при себе, как старый и очень опытный рыболов, постоянно имел рыболовные снасти, завёрнутые в холщевину, и находящиеся всегда на телеге. Как-то раз, когда стояла хорошая, тёплая и безветренная майская погода, Эдуард Спиридонович отправился взглянуть на поля, на которых бурно шли посевные работы, решив взять с собой сына. Проверив, как проходит процесс посевной, и проезжая вдоль речки, имевшей своеобразное название Плутовка, он спросил у Васи:

- Сынок, а ты знаешь откуда папа привозит рыбку домой?

- Нет, папа, не знаю. Просто ты знаешь, где она живёт, - высказал свою версию малыш.

- Ну, в принципе, ты почти угадал. А хочешь посмотреть, где она живёт? – обняв ребёнка, с улыбкой спросил он.

- Да! Хочу! – вскочил Вася и радостно запрыгал, на медленно движущейся телеге.

Они остановились в нескольких метрах от речки. Эдуард Спиридонович достал свои снасти, размотав холщевину, после чего аккуратно свернул её и положил на телегу. Речка была каменистой. Он, закатав портошницы брюк до колена, зашёл в водоём в самом мелком месте и стал шарить по камням, поднимая один за другим. Вася своим детским умом сразу же сообразил: «Ага! Значит, рыбки живут под камнями! Только зачем папа таскает с собой какие-то длинные палки?». Когда Козлов-старший вышел из реки и подошёл к ребёнку, разжав перед ним пальцы рук, до этого сжатых в кулак, то сразу же разочаровал сына. По его ладони ползали какие-то червячки, таская за собой домики из мелких песчаных камешков.

- А где рыбка, папа? – грустным голосом спросил Вася.

- А рыбку мы должны поймать сынок, - стал объяснять суть рыбного лова отец. – А что бы её поймать, нам нужно закинуть в речку крючок. А что бы рыбка клюнула, нам нужна еда для неё. А вот это и есть еда. Это самая лучшая и вкусная еда для рыбок. Называется она – ручейник. Теперь ты понял?

- Да, понял… - не совсем уверенно ответил Козлов-младший, ощущая в словах отца какой-то подвох.

«Ручейником» в их местности называли личинку стрекозы, которая жила в маленьком, склеенном из микроскопических камешков, самой же личинкой, домике. Ручейник небольшими колониями расселялся в проточной воде, преимущественно в ручьях, под камнями. Летом добывать его было легко – нужно было просто зайти в воду, поднять камень, с которого, если повезёт, можно было набрать сразу целую банку личинок. Но чтобы добыть его в зимнее время, рыбаки нарубали лапы ельника и забрасывали их в места, где и водился этот самый

ручейник. Потом вытаскивали еловые ветки из воды и трясли ими над снегом. Личинка отваливалась. После этого их собирали в банку, с проделанными в её крышке дырками, служившими для доступа кислорода…

Через час два рыбака уже возвращались домой. Теперь на телеге лежала ещё и длинная ивовая ветка, с надетой на неё, играющей на солнце чешуёй и дёргающей своими хвостами, плотвой.

Восторг, который испытал от первой своей рыбалки маленький Вася, сопровождал его всю жизнь. Этот момент навсегда чётко остался в памяти парня. Возможно, это и сыграло огромную роль в будущем, когда, став старше, он всё своё свободное время проводил на реках и озёрах, полюбив процесс рыбной ловли и восприняв его не просто, как отдых, а как философию…

Солнце поднималось всё выше и выше. Отражение солнечных лучей от снега, покрывшего толстым слоем ровный лёд водоёма, начинал всё больше и больше слепить глаза рыбаков. Степан обратил внимание, что среди огромной массы присутствующих кто-то занимался непосредственно процессом ловли, кто-то, собравшись в кружок, уже выпивал, отмечая открытие зимнего сезона, высказывая в виде тостов, пожелания на перспективу, применяя в речи своеобразные поговорки и пословицы, относящиеся к теме рыбалки. Ну, а кто-то, ещё дома, с утра хорошо «поздоровавшись» с озером, спал прямо на снегу, подложив под голову рыбацкий ящик.

- Стёп, пошли вон туда, - сказал Вася, показал рукой в сторону, где сидел рыбак-одиночка, отделившись от всех остальных рыбаков.

- Как скажешь. Пошли, - согласился Лопухин. – Ты думаешь, что там рыбы больше? Но там один мужик только…

- Зато, какой мужик! – перебил напарника Козлов. – Этот мужик – всем рыбакам рыбак. Это дед Михей. Так-то, его имя – Миша, но все его зовут Михей. Ладно, долго объяснять, сам потом всё поймёшь. Вот у него мы и заночуем. Он местный. А вон тот дом, что самым крайним стоит, как раз его, - показал Василий на одну из стареньких изб, стоявшей в стороне от всех остальных деревенских домов приозерья.

Дед Михей – невысокий, худощавый, с длинной седой бородой, девяностодвухлетний старик, одетый в старомодный крестьянский армяк, подвязанный таким же старомодным кушаком, в катанках с толстыми подшитыми подошвами и в старой шапке-ушанке, сшитой из волчьей шкуры, пропитанной насквозь табаком-самосадом. Для совсем посторонних людей дед Михей был обычным местным жителем-старожилом. А для местных и тех, кто проживал в округе, он являлся очень уважаемым человеком. Своё уважение и почёт со стороны земляков, старик получил очень давно, тогда, когда был совсем ещё молодым парнем.

- Здорово, дед Михей! – подходя ближе к одиноко сидящему на рыболовном ящике рыбаку, крикнул ещё издали Вася.

- Здоровей видали! – с улыбкой, еле пробивающуюся через густую и седую бороду, отозвался на приветствие старик.

- Как рыбка? – продолжил Василий, уже подойдя вплотную к деду Михею. – Стоит нам располагаться или собираться домой сразу?

- Располагайся, Васенька… Располагайся…

- Вот, познакомься, дед, у нас новый рыбак появился. Или новый земляк. Короче говоря, знакомься. Это – Степан Лопухин, наш новый механизатор. А жена его работает зоотехником в нашем колхозе, стал представлять своего компаньона мужчина.

- А я дед Михей, - в ответ представился Прозоров. – Это хорошо, когда молодые и новые. Значит, замена будет для нас. Худо, сынки, когда нет тебе замены, а ты износился, как старая дверная петля – вроде ты есть, но скрипу от тебя столько, что даже и трогать лишний раз не хочется.

- Дед Михей, а Вы рыбак или ещё и охотник? – вступил в разговор Степан.

- Я рыбак и ягодник, Стёпушка, - ласково ответил молодому человеку дед. – Ведь что такое рыба? Это холодная, молчаливая и безмозглая тварь. А ягода? Это лекарство, специально созданное природой для всех живых организмов. А что такое животное? Это тёплое и живое существо, обладающее разумом, умеющее любить и ненавидеть, способное защитить своих детёнышей от опасности и оградить их от бед. Они же, как люди, только в ином обличии. Их нельзя убивать. Природа не простит этого…

- Так-то, это да, сильно сказали, - согласился с философскими суждениями бывалого человека Степан.

Посидев за лунками с половину часа, рядом с тем местом, где ловил рыбу дед Михей, Вася и Степан двинулись дальше в глубь огромного озера.

Так прошёл день. Ближе к пяти часам вечера озеро стали покидать рыбаки, разъезжаясь на тракторах и грузовых машинах по своим домам. Дед Михей, половив до обеда, ушёл с озера ещё самым первым. Лопухин с Козловым покидали водоём почти самыми последними. На озере оставалось ещё около десятка мужиков, которые приезжали ни сколько за рыбой, сколько просто отдохнуть, потому что по всей округе эхом разносились маты и песни, рождённые в, окутанных пьяным угаром, мозгах, вызванным чрезмерной дозой выпитой водки.

На постой Вася и Степан остановились у деда Михея.

Два рыбака только ещё вошли в сени избы, как почувствовали аромат варёной картошки, солёных огурцов, свежего лука, квашеной капусты, солёных волнушек и жареной рыбы.

Старый рыбак любил гостей и был очень гостеприимен. Он всегда встречал своих постояльцев изысканным ужином, чем непроизвольно привлекал своих, всегда внезапно появляющихся в дверном проёме, гостей.

На этот раз на круглом сосновом столе помимо еды стояла «четверть», наполовину заполненная самогоном, который очень славился среди рыбаков, когда-то гостивших у деда Михея. Сам хозяин сидел на железной кованой кушетке, застланной одеялом, сшитым из разноцветных лоскутков, дымил толстую цигарку, набитую табаком-самосадом, который он сам выращивал в своём же огороде.

Плотно поужинав и поговорив по душам, хозяин и его постояльцы улеглись спать, чтобы с утра пораньше выйти вновь на озеро. Рыба, которую поймали Вася и Степан, была разложена в целлофановые пакетики и развешена вдоль бревенчатой стены, снаружи дома, на высоте вытянутой руки, чтобы местные коты не смогли её достать. Под вечер мороз стал крепчать, что само собой уже сулило наступление холодной ночи. Поэтому рыбу в этот раз солить не стали, так как за ночь её хорошо прихватит морозцем и она сохранится не хуже, чем в морозильной камере холодильника.

Ночь прошла спокойно. Где-то за окном слышался глухой лай деревенских собак. Средь чистого звёздного неба светила полная луна, свет от которой падал прямо в центр комнаты, ещё долго пробиваясь через густую пелену табачного дыма, расползшегося по всей избе деда Михея, который разместил своих гостей на русской печке, жарко натопленной с вечера.

Степан проснулся, когда солнечные лучи ещё только начинали пробиваться к верху, задевая верхушки высоких и стройных сосен. Василия на печи не было. Он услышал тихий разговор деда Михея и своего напарника, которые чаёвничали в комнате, сидя за тем же самым столом, за которым проходил их ужин.

Лопухин быстро соскочил с печки. Оделся, умылся и сел за стол. Налив из самовара в гранёный стакан кипятка, разбавив его крепкой свежей заваркой и прикусывая куском сахара, как это делали в старину, обратился к хозяину дома:

- Дед Михей, а расскажите что-нибудь о себе. Я человек новый в этих краях, поэтому мне очень интересно узнать о людях, с которыми придётся жить,

Старик почесал бороду, ухмыльнулся и сказал:

- Ну, хорошо, коли ты человек новый, то слушай. Эта история произошла в далёком 1902 году…

Михаил Кондратьевич начал свой рассказ.

Тогда деду Михею только-только исполнилось двадцать два года. Он, как и вся его семья работали в батраках у местного помещика Евгения Николаевича Давыдова-Михайлова, у которого была большая семья – двенадцать детей. Его старшему сыну Константину исполнилось двадцать девять лет. Он был женат на дочери помещика Началова, который проживал в своём родовом поместье, в соседнем уезде. Там же, рядом с тестем, имел свою усадьбу и старший сын Евгения Николаевича, на которой вели всё хозяйство молодого барина восемнадцать батраков. А младшей дочери Давыдова-Михайлова – Анастасии, на тот момент было всего лишь четыре годика. Поэтому, когда собиралась вся семья, обычно такое происходило в дни торжественных семейных праздников, младшие дети главы семьи и внуки так смешивались между собой в отдельной игровой комнате огромного особняка, что отец, войдя к ним, порой, разворачивал детей лицом к себе, чтобы узнать – кто есть дети, а кто – внуки.

В один из таких своих приездов, Константин решил отправиться на одно из отцовских угодий, чтобы поохотиться со сворой гончих собак на кабана. В числе загонщиков тогда был и Михаил Прозоров – дед Михей. Всё шло, как обычно. Загонщики занимались своей работой, а охотники с собаками вышли на след матёрого секача. В самый ответственный для охоты момент, молодой помещик, отдав распоряжение всем продолжать гон, сам на своём Цезаре – любимом вороном жеребце, отстал от основной группы и свернул в сторону, в молодой березняк.

Сквозь лесную гущу, до слуха загонщика Прозорова донёсся далёкий крик Константина, похожий на мольбу о помощи. Михаил, с лёгкостью запрыгнув в седло, помчался в сторону, откуда слышался голос барина. Через несколько минут, выскочив на небольшую лесную лужайку, по одной окраине которой проходила полоска юного березняка, а по другую – ельник, загонщик увидел ужасную картину. Константин лежал на спине, а сверху, прижав его к земле, занеся мохнатую когтистую лапу, оскалившись, рычала огромная медведица, окружённая тремя медвежатами. Крик молодого помещика уже перешёл в хрипло-визгливые звуки. Прозоров соскочил с коня и, выхватив кинжал из ножен, в два прыжка оказался на спине разъярённой медведицы, которая даже не обратила никакого внимания на то, что на лужайке появился ещё кто-то. Одним точным ударом, Михаил вогнал длинный клинок кинжала по самую рукоятку прямо в горло зверя, который, издав истошный рёв, повалился замертво на землю, рядом, с потерявшим уже все силы, сыном хозяина.

Когда Евгений Николаевич спросил у Константина, зачем он отстал от всех, тот объяснил, что услышал рычание в березняке и подумал, что там кабан. А что бы доказать всем, что он настоящий охотник, решил самостоятельно убить секача.

Михаилу Прозорову за спасение сына, Евгений Николаевич жаловал большую сумму денег серебром, а также отдал его семье трёх огромных поросят. Он велел заколоть быка и накрыть на территории своей усадьбы шикарный общий стол, чтобы отметить это событие. На празднике были открыты двери для всех – для тех, кто работал у Давыдовых-Михайловых и для тех, кто проживал в округе. В течение всего торжества Евгений Николаевич неоднократно поднимал бокал за спасителя, призывая всех присутствующих выпивать за героя до дна.

После этого случая за Мишей Прозоровым стали наблюдать странные вещи. Например, он стал обладать способностью успокаивать физическую боль у человека. Так же, в разговоре с собеседником он непроизвольно мог предостеречь того от какой-нибудь опасности, о чём его собеседник понимал только после того, как только эту неприятность переживал. Понимая, что он обладает необъяснимой способностью помогать людям, сам Михаил стал собирать разные лесные травы, сушил их и готовил различные настойки, которые сначала испытывал на себе перед тем, как дать её человеку, пришедшему к нему за помощью.

В то время люди стали поговаривать, что в него вселилась «медвежья душа» - душа именно той медведицы, которую он убил, спасая Константина Евгеньевича. Как гласила старая мудрость охотников: «…с переселением души, переходят вся сила и все качества от убиенного животного к охотнику…». Слухи, о появившихся способностях Михаила Прозорова лечить, предвещать и заговаривать, разлетелась по всей округе моментально, обрастая всё новыми и новыми легендами. Люди из соседних деревень говорили о вещуне много того, чего не мог делать Прозоров. Так, например, по одной из деревень пополз слушок, что он может нагнать грозу и навести молнию на любую избу, на какую он сам захочет. В другой деревне рассказывали о том, что Михаил Кондратьевич на расстоянии «обрюхатил» Парашку Куделину, мать которой обратилась за помощью к «чудотворцу» с просьбой «помочь родить дочке». При этом, Парашка сама не была у Прозорова ни разу. И таких слухов было столько, сколько жило народу в округе. Каждый такой слух обрастал ещё большими слухами и разного рода добавлениями так, что некоторые набожные жители деревни, где жил Михаил Кондратьевич, старались обходить его дом стороной, остерегаясь, как они сами говорили: «встретиться с лукавым в обличии Мишки Прозорова».

Но время шло. Постепенно слухи улеглись. В дом Михаила Кондратьевича стали тянуться люди, каждый со своими проблемами. Он же, в свою очередь, никому никогда не отказывал в помощи, чем заслужил положительную репутацию «знахаря» и «доброго вещуна».

- Вот такая вот история, Стёпушка, произошла со мной много лет назад. А как будто это было вчера. М-да-а-а… - прикуривая цигарку, задумчиво окончил свой рассказ Михаил Кондратьевич.

На многие годы это событие со спасением молодого барина отложилось в памяти земляков Михаила Прозорова. Потом, к уважению со стороны людей, к его легендарной личности прибавились подвиги, единственного на весь уезд, а позднее – на весь район, участника пяти войн.

Он, узнав о том, что Степан служил в морской пехоте, сделал исключение для нового слушателя и познакомил с ещё одной историей. В ней дед Михей с юмором, применяя крепкое словцо, рассказал о том, как во время Великой Отечественной войны он одно время воевал в разведке морской пехоты Черноморского флота и во время одного из разведвыходов через линию фронта в тыл врага, захватил немецкого полковника. За его пленение краснофлотцу Прозорову тогда пришлось отсидеть всего лишь двое суток на гауптвахте, вместо назначенных десяти, потому что начались активные боевые действия.

- Я вижу в бинокль, что вышел полковник из землянки. Встал и курит. А кругом ночная мгла и тишина гробовая. Я своим ребятам говорю: «А давайте я его сейчас захомутаю?» Тем более, что мы на обратном пути в свою часть были. А тут соблазн такой, представляешь? А старший группы лейтенант Горбушкин мне и говорит: «А ты уверен, что один его взять сможешь?». А чего мне, Стёпушка? Я ж медведя в девятьсот втором оседлал, а тут – полковник. Ну, одним словом, я пополз по-пластунски. Ползу, как дух над землёй – ни звука, ни шороха. Подполз к брустверу немецкой траншеи. А он стоит и напевает песню какую-то. Докурив, нужду справляет. А сам спиной ко мне. Ну, я его и тюкнул по голове. Из него сознание вон, а я его на плечо и к своим. Как тащили рассказывать не стану. Долго это и скучно. Но скажу честно – намучились мы с ним. Так вот, пришли в расположение. Выходит мой лейтенант из строя, докладывает командиру роты о выполнении задания, а заодно и о пленённом мною полкане фрицевском. Я довольный стою, думаю, ну, теперь не отвертятся, дадут орден, однозначно! Потом «особиста» вызвали, а тот и давай с моим полковником разбираться. Мне вечером паёк двойной за «языка», вместо ста граммов, дали двести. Счастливым мне пришлось проходить недолго. Через тройку часов пришёл конвой и повёл меня к командиру полка. А оказывается, я младшего поварёнка похитил-то, а никакого ни полковника! А я откуда знаю, кто он? С виду в нём полтора центнера живого веса, да и китель полковничий одет. Он потом

сказал, что офицеры напились и уснули, а он надел китель «полкана» и решил походить в нём по траншее, пока никто не видит. А тут и мы подвернулись! Ну, мне и объявил комполка перед строем десять суток. Правда, я отсидел только двое, потому что потом началось наступление немцев и всех бросили на передовую. Народу было мало, так даже нашей разведгруппой доукомплектовали соседний пехотный полк.

- А что с поварёнком сделали? – поинтересовался Степан о судьбе пленённого немца.

- А что поварёнок? Он «особистов» не интересовал. Кроме того, что какие блюда они подавали своим офицерам, он больше ничего не знал. Так его ночью довели наши до линии фронта, отправили в том же кителе полковничьем, - засмеялся Михаил Кондратьевич. – Интересно, как его встретили свои?

За завтраком, сопровождаемым разговорами, время пролетело быстро. Стрелки настенных часов-кукушки показывали без четверти десять. Степан и Вася оделись и пошли на озеро. Дед Михей остался дома. Ему нужно было протопить «русскую печку» и сготовить еду на вечер, а то может случиться так, что кто-нибудь из очередных рыбаков решит остановиться на ночлег у старика, который любил встретить гостя по всем традициям русского гостеприимства.

Интерес к личности Прозорова всегда вызывал совершенно другой факт. Все, кто был знаком с ним лично, прекрасно знали о его боевом прошлом. Всех интересовал только один вопрос – как так получилось, что он, награждённый огромным количеством боевых орденов и медалей, среди которых на старом военном кителе красовались: два, из четырёх, ордена «Святого Георгия», орден «Святого Александра Невского», орден «Ленина», орден «Трудового Красного знамени», орден «Красной Звезды», ордена «Отечественной войны» первой и второй степеней, ордена «Славы» трёх степеней»; медали - «За оборону Порт-Артура», «За боевые заслуги», «За отвагу», «За оборону Севастополя», «За освобождение Белграда», «За взятие Берлина» и «За победу над Японией», не имел ни одного ранения за весь период своего участия в войнах? Многие из тех, кто гостил у старика, напрямую задавали этот вопрос Прозорову, хотя отлично понимали, что дед Михей был каким-то особенным человеком. Вообще, он очень не любил вести разговоры про своё участие в войнах, поэтому старался уходить от таких тем. Но сегодняшние утренние рассказы старика за столом, очень удивили Василия, который прекрасно знал, о том нежелании деда Михея – впадать в воспоминания. А тут он так рьяно поделился ими со Степаном.

- Я удивился, когда дед стал рассказывать тебе о своём военном прошлом. Чем-то ты очаровал Кондратьича. Может быть тем, что служил в тех же войсках, в каких воевал он? – строил свои догадки Вася. – Стёп, обычно он эту тему обрезает одной фразой: «Я ушёл на первую свою войну обычным солдатом. Вернулся с последней войны таким же рядовым. Я – солдат! И умру стоя!». Но сегодня он этого не сказал… Странно…

- А что он имеет в виду, говоря, что «умрёт стоя»? – поинтересовался Лопухин.

- А чёрт его знает, - задумчиво ответил Козлов.

Последнюю фразу деда Михея о том, что он «умрёт стоя» никто толком не мог понять, поэтому не воспринимали всерьёз. Но, не дожив до своего векового юбилея всего лишь три недели, он, действительно, как и обещал – умер стоя.

Это была обычная суббота. Как всегда, в выходные дни на озеро приезжало огромное количество рыбаков, многие из которых всегда первым делом заходили к деду Михею, чтобы поздороваться и узнать, как знатока своего озера, где именно в этот день будет лучше клевать рыба – в «Волчьей протоке», на «Лимане», а, может быть, в районе «Топляков»? В этот раз, как и обычно, к дому Прозорова на автомобиле УАЗ подъехали четверо мужиков. Это были рыбаки из райцентра. Когда она подходили к избе, то обратили внимание, что старик стоял у окна, отогнув тонкую шёлковую занавеску, облокотившись на этажерку, и смотрел своими добрыми глазами прямо на них. Мужики помахали деду руками, приветствуя своего друга. Когда они вошли внутрь помещения, громко поздоровавшись с хозяином, то обратили внимание, что дед

Михей стоит и не шевелится, что показалось им очень странным. Но когда один из гостей подошёл ближе и тронул старика за холодную и окоченевшую бледную руку, то сразу же понял, что тот мёртв. Все, кто присутствовал в тот момент, были очень удивлены увиденным – перед ними стоял мёртвый человек. Когда позднее все узнали об этом, то эта история, переходящая от одного к другому, превратилась в какую-то мифическую легенду. Зная его, как вещуна, только после смерти Прозорова, люди поняли суть его слов: «Я – солдат! И умру стоя!»

За всю его вековую жизнь у него в доме побывали не сотни, а тысячи людей, которые приезжали за многие и многие сотни километров к старику за помощью. Кто-то обращался с просьбами об исцелении какого-нибудь недуга, от лечения которого, порой, отказались даже опытные врачи. Кто-то просил помочь вернуть в семью от злодейки-любовницы, загулявшего мужа. Кто-то перед выходом на лёд просил прочитать заговор на удачный улов. И всем помогал дед Михей. Кого-то лечил, кому-то читал заговоры, кому-то помогал своим простым, но очень мудрым и добрым советом. Выходя из старенькой избы Михаила Кондратьевича, каждый был удовлетворён тем, что был принят и получил необходимую помощь именно здесь. Каждый уносил из этого дома частичку надежды и веры, будучи уверенным в том, что всё будет хорошо, если уж об этом сказал сам дед Михей.

Но это всё произойдёт ещё через восемь лет, а пока толпы рыбаков, приезжавших на Кумозеро, начинали свою рыбалку с посещения дома старика Кондратьича.

На второй день Степан и Василий решили долго не задерживаться на озере, так как начинал меняться ветер с южного на восточный, и рыба постепенно перестала клевать вообще.

- Стёп, всё. заканчиваем! – дал команду на сборы Козлов. – Рыба больше не будет брать. Ветер на восточный сменился, да и давление поменялось.

- Как скажешь, - ответил Лопухин. – Рыбы, в принципе, много поймали. Не знаю, как твои дома, а моя Надюха будет счастлива. Главное, что всю вечерину занята будет – чистить не перечистить.

- А мои дома рыбу не едят, - сматывая лёску на удочке, ответил Вася. – Я то, что ловлю, когда соседям отдаю, когда бабкам завожу по дороге. А что? Я душу отвожу на озере. А старухам одиноким уха просто так – за великую радость. Всем хорошо.

- Да, правильно ты делаешь, - поддержал Лопухин.

Рыбаки прибыли домой ещё засветло. Козлов, переодевшись и перебрав рыбу, которой был заполнен весь рыболовный ящик по самую крышку, разложил её по целлофановым пакетам. Потом, взяв дровенки, повёз их по деревне, раздавая рыбу, как обычно он это делал, старухам и вдовам, то есть, тем одиноким женщинам, которые были обделены обычным семейным счастьем и, у кого в доме не было ни мужиков, ни детей. Помимо угощения рыбой, Вася помогал им ещё и по хозяйству. Кому огород вскопает. Кому забор поправит. Кому крышу подлатает. Всё это он делал бескорыстно, но, получая от этого, как он сам говорил: «…огромное моральное удовлетворение…».

Степан пришёл домой уставший, но очень довольный своей поездкой. Больше всего ему понравилось общение с дедом Михеем, который его очень поразил своей биографией, а также своей светлой и свежей памятью, благодаря которой он помнил всё – когда и что происходило в его жизни.

- Представляешь, Надь, он знахарь и вещун. Я слышал, что бабки такие есть, но что бы мужики были, такое я встречаю первый раз, - с азартом в голосе рассказывал Степан своей жене про деда Михея.

- Да ладно, сказки какие-то рассказываешь, - не верила в чудотворные способности обычного человека, Надежда.

- Честное слово! – клялся в достоверности своих слов Степан.

Весь вечер Лопухин вёл свой рассказ про чудо-старика, не переставая удивляться его способностям…

Наутро, встав пораньше, хотя ночь для него была практически бессонной, Степан умылся, побрился, поставил чайник на газовую плитку и стал собирать сумку на смену. Сегодня он не хотел будить жену, решив, что пусть она поспит подольше. Потихоньку собрав всё необходимое, он оделся, вошёл в спальню, поцеловал в щёку, крепко спавшую Надежду, и ушёл на работу.

Сменившись через сутки, Степан не испытывал усталости и чувства сна. Он очень хотел вновь съездить на рыбалку на то же самое Кумозеро, откуда они с Василием приехали всего лишь чуть более полутора суток назад. Когда Лопухин пришёл домой, то жены уже не было. Она ушла на работу, оставив на столе завтрак, накрытый по старой русской традиции, чистым льняным полотенцем. Он, переоделся, умылся, позавтракал. Собираясь, он сложил в рыболовный ящик снасти. Из навесного кухонного шкафчика Степан достал бутылку водки, собрал в пакет немного закуски. Потом, надев ватные штаны, валенки, фуфайку и шапку из собачьей шкуры, Лопухин вышел на улицу, прихватил из угла на террасе баночку, с оставшимся с прошлой рыбалки, ручейником.

Он отправился к Василию Козлову, который был на выходном и никуда не собирался отлучаться из дома.

- Здорово! – поприветствовал коллегу Степан.

- Здорово! – подавая руку для приветствия, ответил Козлов.

- Вась, дай мотоцикла. Хочу опять на Кумозеро сгонять. Чертовски понравилось мне там!

Козлов, зная себя, как заядлого рыбака, прекрасно понимал всех тех, кто рвался на речки и озёра, всего лишь только для того, чтобы закинуть удочку и испытать искреннее чувство счастья от увиденной поклёвки. Поэтому, ни сказав Лопухину ни слова, он пошёл в сарай и, выкатив свой «Ковровец», сказал:

- Бензина там целый бак, так что тебе хватит. Сейчас ящик со всеми снастями вынесу. Там у меня всё есть, так что мой возьмёшь... – сказал Василий.

- Да нет, спасибо, Вась, у меня всё есть, - остановил Козлова Степан.

Уже через десять минут Лопухин ехал по обочине дороги в сторону Кумозера, в предвкушении процесса рыбной ловли.

Сегодня на озере не было ни души. Степан доехал до самой кромки льда. Слез с мотоцикла и прислонил его к высокой толстоствольной сосне, растущей на самом берегу Кумозера.

Погода обещала быть спокойной и безветренной.

Зайдя на лёд, он осмотрелся. Следов не было. Тропинка, ведущая к водоёму, была припорошена снежком.

«Так… Это хорошо. Никого нет, и не было. А посему, я сегодня должен уехать домой с уловом», - подумал Лопухин. Он хорошо запомнил слова деда Михея, который сказал ему за завтраком, пока Вася выходил в уборную:

- Стёпа, чтобы иметь удачу на рыбалке, нужно знать две вещи. Первое. Когда ты подходишь к озеру, то обязательно должен поздороваться с Хозяином. Это высший дух Природы. Так же, когда ты уходишь домой, то вновь должен поблагодарить его за всё то, что он тебе дал. Ну, а второе – это владение «заветным словом». Оно является магнитом для рыбы. Я научу тебя одному такому «слову». Слушай и запоминай: «Чаща-пуща, усмирись! Воды шумные, усните! Царь-рыба, появись! Все мальки ко мне изыте!» И так надо прошептать три раза. Потом ладонью левой руки постучать по льду. Тоже три раза, - периодически оглядываясь на входную дверь, шептал Дед Михей.

Вспомнив эти слова заклинания, Степан выбрал место, где в прошлый раз у него хорошо клевала рыба, разложил необходимые вещи, пробурил лунку, и приготовился получать приятные моменты от рыбной ловли. Он лёг на лед и начал что-то бормотать в лунку, стукая ладонью по её кромке. После произнесённых «заветных слов», сев на рыболовный ящик, Степан, путём

подёргивания удочкой, начал приманивать рыбу. И вот, первый «хвост» - приличный окушок. Он не заставил себя долго ждать и, схватив фосфорную мормышку в заглот, потянул её на дно.

- Один есть, - промолвил Степан, аккуратно вытаскивая круговыми движениями мормышку из внутренностей окуня. – С почином тебя, Степан Сергеевич…

Рыба начала брать такими темпами, что рыбак только успевал таскать её из лунки. Он, вытаскивая очередного окуня, снимал его с крючка и бросал рядом с ящиком, прямо на лёд. По этому поводу дед Михей тоже шепнул Степану. Старик сказал, что пойманная рыбина должна находиться у лунки, потому что, прыгая и изворачиваясь на поверхности льда, она тем самым подзывает сородичей к этому месту. А так как рыба – существо, предпочитающее жить в стаях, то, непременно, откликнется на зов своего соплеменника и подойдёт к его лунке.

Безоблачное небо, безветрие, яркое зимнее солнце и лёгкий свежий мороз придавали Степану настроение. К тому же и рыба, после сказанных слов, переданных Степану дедом Михеем, тоже стала брать хорошо. Но всё хорошее скоротечно. Сквозь лес, со стороны дороги послышался звук работающего автомобильного двигателя. Этот звук усиливался.

«Кто-то едет на озеро» - предположил Степан.

Через некоторое время догадки рыбака подтвердились. Прямо на лёд выехал автомобиль ГАЗ-69. Он двигался в направлении Степана. Когда машина остановилась в десятке метров от рыбака, из машины не выходили, а почти вываливались сильно пьяные мужики, одетые в зимние овчинные полушубки, вытаскивая за собой свои рыболовные ящики. Мужиков было пятеро. По тому, как была одета вновь прибывшая группа, Степан решил, что это городские рыбаки, из райцентра.

«Надо уходить будет, а то лёд провалится под машиной, и я с ними на дно уйду» - решил поменять место своего пребывания Степан.

Пока он собирал снасти, мужики, перебивая друг друга, матерясь на чём свет стоит, достали буры и начали сверлить во льду лунки, тем самым, распугав всю рыбу, даже ту, которую приманил Лопухин. Тогда, собрав все вещи в ящик, Степан молча, решил уйти подальше.

Мужики расположились кругом, закинув свои удочки, они принялись за распитие очередной бутылки водки, которую достал водитель автомобиля и, взяв на себя обязанности «разливающего», налил всем по половине гранёного стакана.

- Вздрогнем! – сказал тост один из пьяниц.

- Вздрогнем! – поддержала остальная группа рыбаков.

Они, чокнувшись стаканами, моментально употребили всё содержимое до самого дна. Кто-то закусывал коркой ржаного хлеба, кто-то – долькой лука, а кто-то – просто выпил и закурил сигарету, достав её из желтоватой пачки с надписью «Ватра».

Балагуры много кричали, о чём-то спорили, порой, не понимая друг друга, пока один из них не обратил внимания на ушедшего от них, Степана.

- Мужики, гляньте-ка, этот парень каких таскает! А у меня и поклёвки ещё не было! – начал возмущаться более пьяный, прищурив один глаз, что бы не двоилось, устремив свой взор на Лопухина.

- И у меня ни одной ещё не было! – вставил второй.

- И у меня!

- И у меня!

- И у меня!

Общим единогласным решением пьяной группы было принято – идти пешком до того самого места, где ловил рыбу Степан, а машину оставить на месте. Решили – сделали. Вся толпа, шатаясь из стороны в сторону, таща по льду ящики и удочки, с распущенными лёсками, на концах которых, примёрзшим к мормышкам мёртвым грузом, висел мотыль. Кое-кто, как заметил ещё издали Лопухин, уж скинул полушубок, забросив его в автомобиль, брёл пьяным, но уверенным шагом прямо на Степана в одном свитере, из-под которого местами торчала

помазейная рубаха. Кое-кто, упрев от такой быстрой ходьбы в точно таком же полушубке, снял его и пропихал между лямок ящика, таща его неуклюже, потому что не сам ящик тащился по льду, а полушубок, на котором оказался главный рыбацкий инвентарь. Мужики дружно дошли до заданной, ими же самими, точки. Шли, матерясь ещё громче, проклиная в своих матах тот участок, который довелось им пройти. Оказавшись рядом с Лопухиным, увидев десятка полтора крупных окуней и плотвы, они окружили Степана и стали, стараясь обогнать друг друга, с шумом и гамом, вновь бурить лунки. Клёв у Степана был сбит вновь. На пределе срыва, он, так же молча, как и в прошлый раз, взял все свои вещи, скидав в ящик всю пойманную рыбу, прихватил подмышку то, что понадобится ему в первую очередь, направился ещё дальше в глубь озера.

- Куда это он? - заплетающимся языком спросил один из мужиков. – У него же клевало хорошо. Не пойму, зачем ушёл?

- Может быть, он так нас игнорирует? – икая, высказал свою версию, второй.

- А может быть и такое… - согласился первый.

Закинув свои удочки в лунки, вся пятёрка рыбаков села за один ящик, как за стол, на котором уже стояла бутылка водки, стаканы и скудная закуска.

Степан в это время шёл по озеру, а настроение с каждой минутой ходьбы становилось всё хуже и хуже.

«Ну, коли и на этот раз распугают мне всю рыбу, то я им устрою!» - шептал себе под нос, возмущённый беспардонностью и наглостью мужиков, Лопухин.

И вот, в очередной раз подтвердились опасения Степана. Когда у того начался хороший клёв, мужики, завидев, как он дёргает рукой, вставая с ящика, сразу же засуетились. В этот раз, бросив свои полушубки прямо на лёд. Они схватили удочки и побежали опять к Степану. Из всех пятерых, в этот раз свои ящики взяли только трое. А два брата Грачёвых – Толик и Лёлик, забыли даже про них.

И вновь картина повторилась. С приходом мужиков, клёв совсем прекращался и Степан, плюнув себе под ноги и крепко про себя чертыхнувшись, нервно схватил свой рыбацкий ящик и быстрым шагом направился в самую дальнюю часть огромного Кумозера.

По прибытии, Лопухин решил не сверлить лёд, а ловить, как он обычно ловит, но без лунки. После таких мыслей, он взбодрился и повеселел: «Я вам сейчас покажу, как надо настоящую рыбу ловить, гады!» - со злобой в сердце произнёс про себя Степан.

Он поставил ящик на лёд. Достал из него удочку…

Падая со своих ящиков, мужики и сами не могли бы поверить в свои силы, которые появились откуда-то извне, при виде того, какую рыбу ловит сейчас рыбак-одиночка – как минимум, по локоть. Устроив кросс наперегонки, они в очередной раз бежали в сторону Степана. Запинаясь, падая, но, опять вставая, проявляя при этом стойкость характера и тела, они, как профессиональные марафонцы, преодолев такую большую дистанцию, наконец-то, запыхавшись и отплёвываясь предстали перед Лопухиным. То, что они увидели, в некоторой степени подействовало на них отрезвляюще. Мужики, как в тупике, стояли перед ухмыляющимся Степаном, и только молча переглядывались между собой. А Лопухин, добравшись до места, распустил лёску удочки на метр, на крючок мормышки он надел свою рукавицу-шубенку, заранее раскатав её, после чего начал размахивать ею так, как будто он вытаскивает рыбу из лунки. Так как рукавица была широкой и длинной, то получалось, что рыба клевала огромная, что сразу же заметили пьяные городские рыбаки...

Степан вернулся домой чуть раньше, чем планировал. Два огромных синяка под обоими глазами и разбитая губа очень напугали Надежду.

- Ой, батюшки! Стёпушка, что случилось? – сразу же на входе завопила жена, увидев покалеченного мужа.

- Не волнуйся, Надюш, это я Царь-рыбу поймал, а она меня хвостом по лицу ударила, - переводя разговор на юмор, сказал Степан.

Когда об этом узнал Вася Козлов, то долго хохотал над тем, как оригинально Степан решил наказать пьяных рыбаков, мешающих тому ловить рыбу, за что ещё сам и поплатился…

Ещё на протяжении пяти месяцев продлится отопительный сезон в колхозе «Путь имени Ленина». Одна смена меняла другую. За весь период работы Степан показал себя очень ответственным оператором котельных установок. Каждое своё дежурство он начинал с того, что затаскивал с улицы огромные чурбаны и складывал их около котлов, чтобы снег и лёд стаяли с них. Через каждые двадцать минут смотрел на температурный манометр «обратки», тем самым, контролируя температуру водогрейных труб внутри автомобильных и тракторных боксов. Он всегда ставил себя на место тех водителей и механизаторов, которые, приходя утром в свои боксы, начинали заводить, закреплённую за ними, технику. И всегда приятно самому, когда твоя техника, простоявшая всю ночь в тёплом и сухом гараже, заводились легко, без всяких проблем. Неоднократно коллеги-трактористы благодарили Степана за его усердие к работе, о чём говорили не только самому Лопухину, но и завгару с главным инженером колхоза. В партком было подано ходатайство о внесении Степана в список тех, кого планировалось наградить «Почётной грамотой», с её вручением на торжественном митинге, посвящённому Дню трудящихся – 1 мая.

Наступила весна.

Все колхозные котельные закрылись на ремонтные работы, в которых, как правило, участвовали сами кочегары – зимой они выполняли обязанности истопников, а в летний период – ремонтников. Как только сезон был официально закрыт, Лопухин был вызван в кабинет председателя колхоза товарища Александрова. Зачем его так спешно вызвали – Степан мог только догадываться. В душе молодого человека теплилась надежда на то, что его переведут вновь на его любимую «сороковину», но он старался гнать эту мысль от себя, потому что боялся сглазить и спугнуть удачу. Стоя перед дверьми кабинета Константина Егоровича, он оглянулся вокруг себя и убедиться в том, что в приёмной он один, быстро перекрестился и постучал в приоткрытые двери.

- Да, входите! – услышал он спокойный, располагающий к разговору, голос председателя.

- Вызывали, Константин Егорович?

- Да, вызывал, Степан Сергеевич, - показывая рукой на один из стульев, стоящих вдоль стены, предлагая тем самым Степану присесть, ответил Константин Егорович. – Смотрю, ты успешно освоил новую должность. Завгар с главным инженером мне про тебя все уши прожужжали, как ты отлично топил. Вот, думаю, повысить тебя, может? Перевести в котельную, которая отапливает нашу контору? – с ухмылкой, прищурив левый глаз, с хитрецой во взгляде, спросил председатель.

У Степана ноги резко стали ватными, его пробил пот, а внутри всё заклокотало от злобы. Сдерживая себя, что бы не нахамить Константину Егоровичу, понимая, что вся его ответственность в период отопительного сезона, сыграла с ним злую шутку, он ответил:

- Как скажете, Константин Егорович… Куда пошлёте – на том участке и буду трудиться…

- Вот такой ответ мне по душе, Степан, - подойдя к Лопухину и хлопнув его по плечу, как это делают закадычные друзья, сказал председатель. – Так вот, как ты сказал, что готов работать там, куда пошлют, поэтому с сегодняшнего дня даю тебе ровно трое суток, что бы ты принял обратно свой трактор у Ивана Алексеича…

- А что с котельной? – удивился такому повороту событий, Лопухин, беспардонно перебив своего руководителя.

- А что котельная? Котельную, слава Богу, есть кому топить. А мне нужны хорошие шофера и трактористы. Понял? Про котельную я пошутил. Не обижайся… - закончил товарищ Александров.

Степан, не дождавшись колхозного автобуса, как на крыльях, полетел по дороге в сторону тракторных боксов, где все механизаторы производили последние штрихи в подготовке техники к посевным работам.

День Первомая прошёл замечательно. Утро было безоблачным. Яркое солнце поднималось всё выше и выше. Кругом со всех дворов слышались крики петухов и громкие лаи собак, которые, видимо, ощущали на себе праздничный настрой людей.

Степан уже пересел на трактор, приняв его у дяди Вани Козлова не за три дня, как говорил Александров, а за вечер, потому что старый механизатор всегда очень берёг технику, особенно, если она была чья-то чужая. Председатель пообещал Степану дать отпуск после проведения посевной, в который обычно отправляли основную часть работников хозяйства. Это делалось для того, чтобы до начала колхозного сенокоса, который плавно переходил в подготовку к уборочным работам, большинство колхозников смогли хорошо отдохнуть и набраться сил в преддверии начала проведения новых работ в хозяйстве.

В первых числах июня Лопухин получил хорошие «отпускные» и ушёл в законный отпуск.

Глава 4

«В ЛЕНИНГРАД ЗА КОЛБАСОЙ!»

70-е и 80-е годы прошлого столетия для всех жителей европейской части Советского Союза запомнились, как годы вынужденной необходимости посещения городов-Героев: Москвы и Ленинграда. Люди из провинции ездили туда только лишь с одной целью – покупкой стратегически важной продовольственной продукции: колбасных изделий, водки и сливочного масла, которые скупались и вывозились за пределы Московской и Ленинградской областей жителями периферии в огромных сумках и чемоданах.

На всех железнодорожных вокзалах двух столиц можно было наблюдать одну и ту же картину – мужчины и женщины, молодые и пожилые, зачастую, даже дети, как помощники для своих родителей, толкались на перронах с большими баулами, забитыми «под завязку» колбасой, сосисками, сардельками, сливочным маслом, а также десятками бутылок со «Столичной», «Пшеничной» и «Русской» водкой. Гурманы домашнего пива вместо водки скупали «Мальтозу» - готовую закваску для изготовления пива и кваса в домашних условиях, которая продавалась в то время в банках, ёмкость которых составляла восемьсот граммов. Люди ехали, ехали и ехали. Народ занимал очередь ещё с ночи, надеясь пораньше закупиться и уехать на первом же поезде домой. Но фортуна не всегда и не всем подкидывала такую удачу. В основном, чтобы купить запланированное, нужно было в городе провести две ночи. В первую ночь занять очередь, а во вторую, если повезёт – уехать, в противном случае – провести её в зале ожидания того или иного железнодорожного вокзала.

Гостями Москвы, едущими за продуктами, как правило, были жители: Калининской, Костромской, Липецкой, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Ярославской областей. В Ленинград же приезжали из: Архангельской, Вологодской, Мурманской, Новгородской, Псковской областей и Карелии.

Каждый житель периферии приезжал, как говорили в народе: «за колбасой» только лишь тогда, когда на это были какие-то сбережения. Хотя советские цены на колбасу и вино-водочную продукцию были не такими высокими, но когда покупаешь «про запас», то в итоге выходит прилично. В основном за продуктами в Москву и Ленинград ездили люди, получившие «отпускные» на работе или те, кто на протяжение нескольких месяцев откладывал деньги небольшими суммами, так, чтобы это не стало ощутимо для всего остального семейного бюджета.

Поездка в Ленинград «за колбасой» не обошла стороной и семью Лопухиных. Ровно через неделю после ухода Степана в отпуск, на основании приказа председателя колхоза «Путь имени Ленина» товарища Александрова в него же была отправлена и Надежда. На семейном совете было принято единогласное решение, что в Ленинград поедет один Степан. Во-первых, таскать тяжёлые продуктовые сумки изначально это только мужская прерогатива, а, во-вторых, они к этому времени уже завели в доме небольшое хозяйство в виде двух котов и одной собаки, поэтому кому-то нужно было оставаться, чтобы следить за животными.

Сбор Степана в дорогу начался за два дня до его отъезда. Надежда начала с того, что сначала подготовила для мужа в дорогу костюм. Ей пришлось немного почистить и освежить его, потому что он находился долгое время не тронутым в бельевом шкафу, аккуратно повешенным на трепеле. После того, как костюм приобрёл свежий вид, Надя отутюжила его до такой степени, что можно было порезаться о «стрелки» брюк. Галстук тоже вносил в гардероб Степана неотъемлемую часть. Раньше, будучи холостым парнем, он никогда не надевал костюма, если не было рядом галстука. И эта позиция Лопухина была принципиальной. Так, на одежду ушёл целый день.

На второй день жена перешла к сбору сумок, пересчёту денег и проверке документов. В это самое время Степан занимался собой. Он попросил Васю Козлова затопить баню, в которую они с Надеждой теперь ходили каждую субботу, с того самого времени, как Василий взял первый раз Степана на рыбалку. Именно с той первой рыбалки они сблизились и стали тесно общаться. По приглашению Козлова они как-то один раз сходили к нему в баню, потом – второй раз, потом – третий. Ну а после так и повелось. Сегодня свою баню Василий топил не для себя, а для своего друга – не каждый день в большой город Степана провожать приходиться. Лопухин сходил на дом к Лизке Платоновой – местной парикмахерше-самоучке. Та, за один рубль сорок копеек аккуратно, но быстро, подстригла Степана, сделав ему «модельную» стрижку, которая так омолодила молодого парня, что он стал выглядеть на шестнадцать лет.

По возвращении от Лизки, Степан взял нижнее бельё, завернув его в старый номер «районки», на выходе из дома прихватил бритвенный станок с полочки в прихожей, взял одно запасное бритвенное лезвие «Нева» и направился напрямую к Васе. Тот сидел уже на крыльце бани и поджидал своего друга, решив тоже попариться лишний разок, коли уж, подвернулась такая ситуация.

Васина баня была небольшой, целиком рубленой. Изначально хорошо сложенной и качественно проконопаченной, к тому же изнутри отлично утеплённой дополнительно, она долго держала жар, который не исчезал из парилки на протяжение, как минимум, одного часа. Если хорошо подкинуть жарку, то на полог вообще не влезть будет. Единственным минусом в бане было отсутствие оконного проёма, что заставляло моющихся приносить в баню керосиновую лампу «летучая мышь», так как электрического освещения внутри помещения не было проведено вообще.

Войдя в предбанник, Степан наспех скинул с себя всю одежду и в один миг оказался в парилке. Вася не любил торопиться в бане. Он всегда всё делал степенно и обдуманно, потому что подходил к процедуре помывки точно так же, как к процессу ловли рыбы - с точки зрения философии. Он всегда был твёрд в своём убеждении, что: «…баню, как и рыбалку нужно прочувствовать, осознать и принять и только тогда ты сможешь смыть с себя не только внешнюю грязь и пыль, но ещё и внутренне очиститься по-настоящему...».

В парилке уже раздавались стоны удовольствия, которые издавал Степан, предварительно греясь и хорошенько пропотевая, скрюченно восседая по центру полога. Через переборку в «помывочное отделение» стал просачиваться обжигающий пар. Всякий раз, буквально через десять минут, в зале температура выравнивалась и становилось так же жарко, как и в парилке.

Козлов, ещё при входе в баню, сразу же стал искать мыло. Он это делал рефлекторно, потому что не раз бывали случаи, когда он, разогревшись в парилке, вместо того чтобы, окатив себя из ведра холодной водой и переходя к процедуре помывки, бежал домой и брал новый кусок мыла. Найдя на лавке небольшой обмылок, Вася, крикнул через переборку Степану:

- Стёп, ты парься пока, а я до дому добегу, мыло возьму.

- Давай! – ответил Лопухин.

Вася, выскакивая из бани, закрыл входную дверь на массивный железный засов. Так он делал всегда, потому что иначе дверь открывалась. Можно было, конечно, попросить Степана закрыть её изнутри, но он не стал отвлекать того, посчитав, что взять мыло дома — это дело нескольких секунд.

Подходя к крыльцу дома, Васю окрикнул сосед Лёшка Смирнов – пятнадцатилетний паренёк, державший в руках целлофановый пакет.

- Чего тебе, Лёха? – спросил Василий.

- Дядя Вася, глянь, пожалуйста, что у меня с магнитофоном? – жалостливо попросил о помощи подросток.

- Ну, давай глянем, что там у тебя, - заинтересовался Козлов.

Он очень любил ковыряться в разных микросхемах, паять, менять какие-то мелкие детали этих схем. Это было его хобби. Так же, очень хорошо разбирался Вася в телевизорах и холодильниках, поэтому, такого рода заявки очень часто поступали ему и он, в свою очередь, никому в ремонтах электротехники не отказывал.

Совсем забыв о том, что в бане остался париться Степан, Вася всё своё внимание переключил на ремонт Лёхиного кассетного магнитофона «Весна». Разобрав корпус, он ушёл в ремонтный процесс с головой. Что-то напевая себе под нос, техник, выяснив причину поломки, начал паять «дорожку» одной из микросхем. В это время из соседней комнаты вышла бабушка Василия – Нина Борисовна.

Эта престарелая женщина, которой было уже почти девяносто лет, пережила две войны – Гражданскую и Великую Отечественную. По национальности она была белорусской и всю основную часть своей жизни прожила в Белоруссии. Если в Гражданской войне она не была участником каких-то боевых действий, то в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами Нина Борисовна приняла самое активное участие. В конце июля 1941 года в возрасте пятидесяти шести лет она вступила в один, из вновь созданных, партизанских отрядов на Могилёвщине, с которым она прошла всю войну, исполняя в отряде функции «связной» и издателя антифашистских листовок.

Характер Нины Борисовны от рождения был не подарком, а война добавила ещё и свои коррективы, сделав её более жёсткой, прямолинейной, как говорил один из её зятьёв: «…она одна против дивизии танков пойдёт!».

Когда началась Отечественная война, у Нины Борисовны было уже двое взрослых дочерей и три внука, в число которых входил Вася. Поэтому, таких вопросов, как: «что делать?» и «как быть?» перед ней не стояло. Они со своим мужем, Веселовым Петром Семёновичем, сразу же записались в партизанский отряд, заранее отправив дочерей и внуков в эвакуацию на Урал. И встретились только после окончания войны – в июле 1945 года. Муж Нины Борисовны был в отряде бойцом разведывательно-диверсионной группы. В один из очередных выходов на задание в январе 1943 года, группа попала в окружение. Пётр Семёнович, прикрывая отход своих товарищей, отвлекал всё внимание фашистов на себя, а когда у него кончились патроны, он подпустил карателей к себе и взорвал их и себя, тремя, связанными между собой, осколочными гранатами. В этой схватке погибло более сорока эсэсовцев. Вся остальная группа вернулась на базу без потерь, за исключением четырёх легко раненых бойцов. За этот подвиг Петра Семёновича представили к званию Героя Советского Союза, но по каким-то непонятным причинам, Звезду Героя ему так и не дали. Чуть позже, Нине Борисовне передадут медаль «За отвагу» с сухой короткой надписью в выписке из приказа: «За проявленные, мужество и героизм».

В послевоенное время Нина Борисовна пыталась начать свою жизнь с «белого листа», но ничего из этого не получилось. Всё ей напоминало войну. На тот момент дочери и внуки жили своей жизнью – одна дочь осталась на Урале, а вторая переехала в Красноярск. После того, как Вася, отслужив в армии, женился на местной девушке и остался на родине молодой жены, то сразу же забрал свою любимую бабушку к себе. Да и у Нины Борисовны Василий был любимым внуком, что сыграло главную роль в будущем выборе местожительства пенсионерки-ветерана…

…Нина Борисовна вышла из своей комнаты и направилась на террасу. Как только она закрыла за собой входную дверь, до её слуха донёсся непонятный шум, больше походивший на громкие стуки и непонятные человеческие звуки, больше походившие на мольбу о помощи. Как человек бывалый, она решила сама разобраться, кто так громко шумит и кричит у них во дворе. Когда бабушка вышла на крыльцо дома, то сразу же поняла, что кто-то не может выйти из бани. Подойдя к дверям, она строгим командным голосом спросила:

- Это кто там так разошёлся?

- Бабушка Нина, помоги мне! Это я – Стёпа Лопухин! Открой меня, а то я сейчас помру здесь! Мне уже дышать нечем! Помоги-и-и!

- А знаешь, что, милок? Поиши другую дуру! Я тебя закрывала? —спросила старушка.

- Меня закрыл Васька, будь он неладен! Открой! Сил моих терпеть эту жарищу, уже нет! – взмолился ещё громче Степан.

- Нет, уж, дорогой, я тебя не закрывала, поэтому и открывать не собераюсе! Пусть тебя открывает тот, кто закрыл!

Нина Борисовна, больше ни сказав, ни слова, медленно повернулась и, опираясь на свою старую, но ещё очень надёжную, палку, пошла домой. Степан в ответ начал долбить в дверь ещё громче, выкрикивая одни маты, адресованные главным образом, Нине Борисовне, периодически упоминая её внука – Василия.

Вася, увлечённый ремонтом магнитофона, забыл обо всём на свете, пока к нему в комнату не вошла бабушка Нина. Она встала у него за спиной и сказала:

- Вась, если ты не закрывал, то пусть тогда открывает тот, кто закрыл…

- Ба, ты про что, - не поднимая глаз от микросхемы, сквозь зубы процедил внук.

- Да так, не про что. Просто в нашей байне Стёпка помирает. А кто его закрыл – ума не приложу. Ты не закрывал?

Козлова, как кипятком ошпарили. Он вскочил из-за стола и помчался на улицу, чтобы открыть баню, про которую он бы вообще не вспомнил, если бы не бабушка. Когда наружный дверной засов щёлкнул, и открылась дверь бани, то оттуда на четвереньках, еле передвигаясь, выполз весь бордовый, покрытый берёзовыми листьями, Степан. Он упал навзничь прямо у дверей, жадно хватая свежий и прохладный воздух свободы.

- Ёлки-палки, Стёп, прости, друг! Забыл про тебя напрочь! – искал подходящие слова для покаяния Василий.

Сквозь сухие слипшиеся губы, еле слышно, Степан выжал из себя на выдохе:

- Да, пошёл ты…

Вася сбегал за нашатырным спиртом. Потом, когда Степан основательно пришёл в себя, они вдвоём зашли в баню снова и Василий, как главный виновник случившегося, помог товарищу домыться и проводил того до дома.

Вечером супруги уже, наверное, в двадцатый раз вновь всё проверили перед дорогой.

Ночь у обоих прошла бессонно. Если Степан спал плохо, так это оттого, что болела голова от помывки в бане, а вот Надежда крутилась с боку на бок совсем по другой причине – от переживаний, как супруг съездит в город. Она волновалась не за дорогу, как доедет Степан, а за то, как его встретят её родственники, которых Степан никогда не видел, как и те Степана.

Александра Фёдоровна и Павел Филимонович Ярославцевы были двоюродными тётей и дядей Надежды Лопухиной. Они жили в Ленинграде, недалеко от станции метро «Чёрная речка». Работали супруги на одном из швейных производственных объединений. Жена была швеёй, а муж трудился наладчиком станков. Детей у них не было. Но вместо этого у них было много племянников и племянниц, которых они искренне любили, как своих родных. Александра Фёдоровна постоянно приглашала всех племянников и их детей к себе в гости, которых тепло и гостеприимно принимала. Ради этого, она брала отпуск или выходные «за свой счёт», чтобы провести для маленьких гостей экскурсию по красивым и интересным местам Ленинграда, а также посетить центральный парк культуры и отдыха, где детишки могли от души накататься на разных каруселях и стать участниками различных аттракционов.

Когда Надежда позвонила тёте и сказала, что Степан поедет в Ленинград и можно ли ему остановиться у них на две ночи, то Александра Фёдоровна даже заругала племянницу за такой вопрос, сказав, что Степан может жить столько, сколько ему захочется. Наде было не совсем удобно звонить тётушке, потому что она, наверное, одна единственная из всех племянниц, которая была последний раз в Ленинграде у Ярославцевых после окончания первого класса. А

дядя с тётей не были у них вообще никогда. Александра Фёдоровна уехала после окончания «семилетки» учиться на швею в Ленинград. Там она встретила Павла Филимоновича, вскоре чего они поженились. Сразу же после того, как они расписались, им выдали жильё и, как говорила сама тётя Шура: «Городская жизнь захлестнула, как волна – даже в родную деревню некогда вырваться…».

Рано утром, не дождавшись сигнала будильника, Надя тихонько встала и решила ещё раз проверить – всё ли они со Степаном собрали в дорогу. Следом за ней встал и супруг. Плотно позавтракав, и ещё раз проверив деньги и документы, Лопухины стали ожидать рейсового автобуса, периодически поглядывая на настенные часы. Перед самым выходом Степана, они сели «на дорожку», по традиции, как это принято издавна у русских людей. Посидели пару минут, встали и пошли во двор.

- Ну, Стёп, с Богом! – перекрестила мужа Надежда, сразу же оглянувшись назад, не увидел ли кто. – Смотри за деньгами. Пива в дороге не вздумай покупать, а то понесёт тебя потом. Про мясо тёте Шуре с дядей Пашей не забудь. А то привезёшь его обратно, – напутствовала Надежда.

- Не забуду, Надюш - успокоил жену Степан.

Он смотрелся очень представительно. На нём была одета кремовая рубаха, синий галстук, отутюженный Надеждой костюм, до блеска начищенные лакированные туфли, новая чехословацкая шляпа и тёмно-синий плащ, который он не хотел надевать вообще, но Надежда настояла, сказав ему:

- Стёпа, плащ возьми обязательно! Я слышала по радио о том, что в Ленинграде в ближайшие дни ожидаются кратковременные дожди. В крайнем случае, в сумку уберёшь.

Решив не расстраивать жену, Степан надел свой плащ, взял пустые сумки, предназначенные под продукты и, выйдя через калитку, пошёл на остановку. Автобус не заставил себя долго ждать. До «конечной» ехать пришлось долго. Пока останавливались на всех остановках, забирая всё новых и новых пассажиров, да к тому же, ещё по пути было две автостанции, где водитель отчитывался за билеты и каждый из двух таких перерыв отнимал по двадцать минут. Степан не очень любил куда-то ездить на рейсовых автобусах, но когда приходилось это делать, то предпочитал дремать в транспорте, объясняя это тем, что так время в дороге идёт намного быстрее. Наконец, после долгого и изнурительно пути, рейсовый автобус «ПАЗ-672» подкатил к железнодорожному вокзалу. Вздремнув, Степан чувствовал себя бодро. Выскочив из автобуса, он сразу же побежал занимать очередь в кассу. Купив билет на поезд, вышел на перрон, достав новую не початую пачку сигарет «Астра» и приятно затянулся, выпустив огромный клуб дыма. До посадки оставалось чуть больше часа. Перекоротав это время в зале ожидания, он, наконец-то, поднялся в вагон, нашёл своё место и, сняв свой плащ и шляпу, сел, достав свежий выпуск журнала, купленного в привокзальном киоске. Ему досталась нижняя «боковушка» у туалета. Это место Степану нравилось, так как он не любил ходить курить в тамбур через весь вагон.

«Кто будет соседом, интересно?» - подумал он. – «Только бы не баба. А то и поговорить не с кем будет. Потом сиди, да скучай всю дорогу».

Поезд тронулся.

Поезд был с почтово-багажными вагонами, поэтому останавливался, как говорил сам Степан: «…у каждого столба…». Для любого пассажира время в таком поезде тянулось всегда очень долго. Полистав журнал, он закрыл его и положил в боковой карман одной, из взятых с собой, сумок. Скука начала одолевать Степана. Теперь он думал о том, что уже был бы рад даже какой-нибудь старухе-попутчице. И вот, наконец, к нему подселили соседа. Им оказался мужчина, на вид примерно сорока лет или чуть постарше.

- Приветствую, коллега, - без каких-либо комплексов обратился к Степану попутчик. – До Питера? Или всё-таки раньше десантируетесь?

- До него, родного, - спокойно ответил Лопухин, оценивающе глядя на соседа, который ему сразу же понравился.

- Ну, я человек простой и прямой. Предлагаю познакомиться и сразу же перейти на «ты». Как Вы, согласны?

- Конечно! – с явным вдохновением ответил Степан. Он уже знал одну закономерность таких знакомств в поездах, итогом которых становилась необходимость «замочить» это самое знакомство. А так как, он не относился к категории «трезвенников», то и уговаривать его было не надо. Если он хотел, то мог выпить. А если не было желания или настроения, то никто и никогда не мог заставить его это сделать. Степан очень гордился этим своим волевым качеством, о чём при каждой подходящей возможности, напоминал супруге:

- Вот, Надь, я такой человек, про которого никто не скажет, что меня споили. А это что означает? А это означает то, что у меня есть сила воли. А когда о мужике говорят, что его кто-то споил, то это не что иное, как унижение, потому что мужик этот, как безвольная овечка – не имеет своего мнения, не говоря уже о силе воли. Так что, цени…

Через половину часа два собеседника, выпив по две стопки «на обе ноги», курили в тамбуре поезда, ведя дружелюбную беседу, в которой рассказывали друг другу о том: кто, откуда, чем занимается и зачем едет в Ленинград.

- Я служу в армии, - начал рассказ первым попутчик Степана, представившись старшим прапорщиком Топорковым Василием Петровичем. – Заведую продовольственным складом полка. Выслужил, как говорят в народе, свой лимит, брат. Дослужился до «вора в законе».

Степан даже икнул от неожиданности:

- А что, теперь тюрьма называется полком? – с осторожностью переспросил он.

- При чём тут тюрьма? – с недоумением переспросил попутчик. – Я тебе говорю – в армии служу.

- Ты же, Петрович, сам только что сказал, что являешься авторитетным вором.

- Понятно, - почесав затылок, понял смысл вопроса Степана, прапорщик. – Нет, я не авторитетный вор, а «вор в законе». Понимаешь? Ну, это «чёрный» армейский юмор. Прапорщик в войсках называется – «вор», а старший прапорщик – «вор в законе». Понимаешь? Имеется в виду, что я намного опытнее, чем простой «прапор». Ну, теперь понял или нет? – нервничал Топорков.

- Господи! А я уж не знаю, что и делать? Подумал, что ты в розыске, а тут милиция ходит. Возьмут, думаю, тебя и меня с тобой вприхватку. А меня баба в город за колбасой, маслом и водкой собрала, - стал оправдываться Степан. – Ну, давай, дальше рассказывай.

- Так, а что дальше? Вот, значит, собираюсь на «гражданку». Сейчас еду в окружной госпиталь на ВВК. Ну, короче, на медицинскую комиссию, - развеял страшные сомнения у Степана прапорщик, - Комиссия у меня послезавтра. А завтра свободный день. Хочешь, помогу тебе закупаться, на поезд провожу? Всё-таки веселее вдвоём.

- Согласен, - кивнул Степан. - А сейчас пойдём и выпьем, а то скоро милиция ходить будет. Снимут ещё с поезда.

Новые знакомые вышли из тамбура.

Поезд входил в «зелёную зону» Ленинграда. Мимо окон вагона начали плавно проплывать сначала дачные домики, потом гаражи, «двухэтажки». Вот уже пошли дороги, светофоры, многоэтажные дома. Проводницы ходили по вагону и объявляли время, которое осталось до въезда на перрон вокзала.

Два попутчика спали. Храп стоял на весь вагон. Одна из проводниц толкала Степана, другая – старшего прапорщика Топоркова. Василий Петрович сквозь пьяный сон матерился, посылая всех вокруг, куда только можно было идти и даже туда, куда ходить нельзя. Но, всё-таки, проводницы добились желаемого результата – вчерашние собутыльники открыли глаза. С горем пополам они оба пришли в сознание.

Поезд прибыл по расписанию. За окнами вагона перед глазами пассажиров предстал красавец Московский вокзал. Погода не сулила ничего хорошего на предстоящий день, потому что уже с самого раннего утра шла неприятная и холодная морось, угнетавшая людей своим унынием, мокротой и серостью из-за серых огромных туч, покрывших собою всё небо «Северной Пальмиры».

Степан и Василий Петрович, держась друг за друга, молча вышли из вагона и прошли внутрь вокзала. Зайдя в «Зал ожидания», где, для начала, они просто присели на широкие и удобные кресла, два товарища стали строить свои планы дальше:

- Ну, что сейчас делать будем, Петрович? Куда поедем? - ещё плохо соображая спросонок, спросил у нового знакомого Степан.

- А что, есть выбор? – ответил прапорщик. - Хотя, действительно есть. Приемлемы только два варианта: первый – идём с тобой в госпиталь, но тогда ты будешь ночевать на КПП, уж я договорюсь, не переживай. Только вот тебе спать придётся на полу, так как тебя на территорию, к сожалению, не пропустят…

- Так, а второй, какой вариант? – заранее отвергая предложение Топоркова, спросил Степан.

- А второй – мы едем к твоим родственникам. У меня есть деньги. Возьмём немного для знакомства, а уж завтра с утречка поедем на Невский, в твой гастроном. Ну, что скажешь?

- А, поехали! – махнув рукой, пробурчал Степан, понимая, что выбор не велик.

Прапорщик и Лопухин двинулись на стоянку «Такси». Они заняли очередь. Топорков заметил, что сегодня им повезло – для такого города очередь из восьми человек – это не очередь.

- Стёп, молви адрес, - сказал прапорщик, когда они со Степаном удобно расселись в салоне «Волги».

- Чей? Где я живу што ли? – плохо работающим языком, спросил Степан.

- При чём тут твой адрес? Говори, где живут твои тётка с дядькой – уточнил задачу военный.

- Я не знаю. Я умею только от станции метро «Чёрная речка». Там на любом трамвае ехать две остановки. И через дорогу их дом стоит. – объяснил Степан.

Тут в диалог собутыльников решил вмешаться таксист:

- Слышь, мужик, а когда ты выходишь из метро, то твой трамвай идёт вправо или влево?

- Туда, - махнул рукой в левую сторону Степан.

- Я понял. Найдём, - утвердительно сказал водитель такси.

Приехав по адресу, указанному Степаном, гости зашли в магазин, который находился через дорогу, купили там четыре бутылки азербайджанского вина «Агдам» и пошли к Надиным родственникам.

Дверь открыл хозяин квартиры.

- Стёпа? – глядя на Лопухина, спросил Павел Филимонович.

- Да, это я, дядя Паша, - кивнул в ответ головой Степан.

Дядя Паша был очень гостеприимным человеком, особенно, в отсутствие супруги. Сегодня так удачно получилось, по мнению самого Павла Филимоновича, что Александру Фёдоровну попросили выйти на работу в две смены. Разумеется, что она дала согласие своему начальству, но взамен на это она попросила освободить её мужа и дать тому отгул, в связи с тем, что к ним утром приезжают гости. Сам же дядя Паша, ещё со вчерашнего дня подготовился к встрече родственника. Он припас четыре бутылки водки, спрятав их в подвале дома. Он всегда брал спиртное «про запас», потому что благодаря своему жизненному опыту Павел Филимонович знал одну закономерность – спиртного не бывает мало. Александра Фёдоровна накануне вечером наварила огромную кастрюлю борща, нажарила котлет, наделала кастрюлю пюре и настрогала салат «Оливье», который осталось только заправить. Во время бурного застолья,

которое проходило в русле дружной беседы, собеседники познакомились поближе, рассказали в подробностях каждый про себя. Топорков и Степан внимательно, не отрывая взглядов от дяди Паши, внимательно слушали его рассказы о том, как он во время войны был тружеником тыла и работал станочником в блокадном Ленинграде, как и многие другие ленинградцы, направляя все свои силы и возможности на победу советского народа над фашизмом. Свой монолог Павел Филимонович разбавлял крепким русским словцом, порой внося в него нотку юмора, чем вызывал улыбку на лицах своих слушателей. К пяти часам вечера Степан, до этого державший себя в руках, всё-таки не выдержал объёма выпитого и упал со стула на пол.

- Один готов, - посмотрев на растянувшегося у стола родственника, произнёс Павел Филимонович. – А ну, давай, оттащим его в комнату.

- Ага. Сейчас, дядя Паша, - еле вставая из-за стола, согласился с предложением хозяина квартиры, прапорщик Топорков.

Ухватив Лопухина за ноги, они потащили, уже громко храпящего Степана, на кровать, которую заранее выделила для гостя, Александра Фёдоровна. Но Топоркова тоже надолго не хватило. Выпив ещё по стопке после того, как уложили Степана, прапорщик тоже начал съезжать со своего табурета.

- Э-э-э, Петрович, давай-ка своими ножками до места. А то ты здоровый мужик и мне тебя не дотащить будет, - помогая встать гостю, сказал дядя Паша.

В шесть часов утра Павел Филимонович, Степан и Топорков уже были на ногах. Они сидели на кухне и пили пиво, опохмеляясь после «вчерашнего». Пива было немного, всего шесть бутылок «Жигулёвского», поэтому, посидев с полчасика, покурив, Степан и Василий Петрович собрались и поехали в гастроном. День обещал быть жарким. Утреннее безоблачное небо и вчерашняя морось говорили о том, что на протяжение всего дня в городе ожидается духота, которая впоследствии может смениться сильной грозой. Приехав на Невский проспект, они сразу же пошли занимать очередь. Людей даже в такое раннее время было уже много. И все эти люди – жители соседних областей, каждый день приезжающих в город-герой Ленинград с определённой целью – закупиться колбасой, маслом и водкой. Наконец, открыли гастроном. Но с его открытием очередь стала не уменьшаться, а расти ещё быстрее. Её длина дошла до того, что людская очередь выходила из магазина на улицу, тянулась вдоль всего гастронома и уходила за угол здания.

Степану сегодня повезло. Во время открытия магазина он в очереди был семнадцатым. Да и с напарником стоять всегда проще и веселее. Они с Василием Петровичем периодически менялись. Тот, кто не стоял в данный момент в очереди, мог сходить попить пива, перейдя через дорогу. Напротив магазина стояла жёлтая бочка с разливным холодным пивом. День обещал быть знойным. Уже к половине десятого утра начинало хорошо припекать. У стоявших в очереди людей, появилось ощущение упари.

Уже без четверти двенадцать оба товарища тащили, загруженные под самые замки, сумки в сторону железнодорожного вокзала, чтобы сдать их в камеру хранения. Так как употребление спиртного продолжалось уже третий день, да к тому же зной достигал апогея, то товарищи были уже «хорошими». Добравшись до Московского вокзала, который находился рядом с тем гастрономом на Невском проспекте, где совершал покупки Степан, сотоварищи зашли в зал с надписью «Камеры хранения». Найдя свободную камеру, друзья затолкали туда все, имеющиеся при них, сумки.

- Ну, и чё ты стоишь, Петрович? – спросил хозяин багажа.

- А что надо делать? – с недоумением спросил Топорков.

- Я говорю, чтобы ты отошёл и не смотрел, какой я наберу код. Что тут не понятного? – уже конкретно заявил Степан.

- Да нужны мне твои сумки! Пожалуйста, отойду… Только сам не забудь код свой секретный, - сказал Топорков, отходя от Степана и направляясь к выходу, откуда стал наблюдал, как

тот мудрил с кодом на дверце ячейки. Когда с багажом было закончено оба товарища сошлись во мнении, что перед расставанием надо пропустить «по капле», тем более что до поезда Степана было ещё время – билеты он взял на половину десятого вечера, а на часах было пока начало третьего. А где можно посидеть, как на в «Пельменной»?

На столах в заведении стояли графины, наполненные на половину чем-то прозрачным.

- Пить хочу… Сил никаких нет, - увидев графины, произнёс прапорщик.

- Вот графин, вот стакан на подносе. Бери и пей, - ответил Степан.

Прапорщик взял с подноса стакан и начал наливать в него содержимое графина. Как только он собрался выпить, поднеся стакан ко рту, с соседнего стола в сторону Топоркова прозвучала фраза:

- Слышь, мужик, ты в своём уме? Это не вода, вообще-то, а уксус трёхпроцентный…

Василий Петрович повернулся, посмотрел на того, кто спас его, как минимум от ожога, и отпустил стакан. Рядом за столиком сидели два молодых человека, которые с аппетитом кушали горячие пельмени.

- Спасибо, парни, - поблагодарил он своих спасителей.

В это время с другим графином подошёл Степан. Он поставил два гранёных стакана, потом сходил за пельменями.

- Представляешь, сейчас бы водички выпил, - поделился своей, чуть не случившейся, трагедией прапорщик.

- Смотреть надо, дружище, - повернул Степан графин к Василию Петровичу той стороной, на которой мелкими буквами, выведенными красной краской, было написано: «Уксус 3%».

Лопухин и Топорков выпили, закусили. Во время беседы обменялись адресами, обещая друг другу, что первый же отпуск будут проводить друг у друга. После всего того, что было выпито, из всего взято алкоголя, они в обнимку вышли из пельменной. Из их полувнятных реплик можно было понять только то, что они уважают друг друга, клянутся в вечной дружбе, что ни один, ни другой не встречали в жизни таких людей, как они сами и, всё, в таком же духе. Время подходило к тому, что надо идти за сумками в камеру хранения. «Хорошо» посидев в пельменной, товарищи вышли на улицу и пошли в направлении вокзала. Но не успели они пойти даже сотни метров, как к ним подъехал милицейский «УАЗ».

- Старший патруля старший лейтенант Остряков, - представился офицер, который являлся главным в группе, дежуривших на автомобиле, милиционеров. – Предъявите ваши документы.

Шатающиеся друзья достали свои паспорта и подали офицеру, который внимательно изучил их, после чего добавил:

- Прошу в машину, гражданин Топорков и гражданин Лопухин.

Понимая всю трагичность сложившейся ситуации, прапорщик отозвал в сторону старшего лейтенанта.

- Товарищ лейтенант, нам никак нельзя в отдел. У него билет взят, а мне в госпиталь надо до десяти вечера успеть.

- Если вам, гражданин надо успеть в госпиталь, то не нужно было выпивать. Ладно, садитесь в машину, не нужно тут демагогию разводить…

Уговорить милиционера не удалось. Степану с прапорщиком пришлось садиться в дежурную машину и следовать туда, куда их повезут. Сначала их доставили в один из отделов милиции. Там проверили документы ещё раз, выяснили причину приезда. У Лопухина уточнили о запланированной дате и времени отъезда.

- Может, этого отпустим? – шепнул на ухо дежурный лейтенант старшему лейтенанту, представившемуся Степану и прапорщику Остряковым, показывая взглядом на Лопухина. – У него скоро поезд. Уедет мужик и делу конец.

- А нам от этого какая выгода? Надо их в «метро» сдавать. Нам галочка, да и они не попадут в неприятности, - сказал Остряков.

- Ну, смотри, Иваныч, дело твоё. Оформлять, значит, будем оформлять.

В половине шестого утра в палату вошёл сержант и громко скомандовал:

- Лопухин и Топорков – на выход!

Получив все свои вещи, расписавшись в нескольких бумагах, два товарища вышли из дверей вытрезвителя. Настроение обоих было на «нуле». Похмельный сидром, сухость во рту и головная боль свели всё на «нет». Не хотелось ничего – не пива, не водки, не хорошей закуски, хотелось только маленького глотка обычной холодной воды.

- Ну, что делать будем, Стёпа? – спросил Топорков.

- А ничего, Василий Петрович. Надо сдать билет и купить новый, пока ещё деньги не все спустил.

- А мне до вечера попасть в госпиталь. Я, правда, уже и так просрочил своё прибытие, но роли теперь никакой не играет, когда я прибуду. Так что, давай, я тебя провожу до вокзала, тебе билет возьмём, и я поеду устраиваться тоже.

- Мне всё равно, - с полной апатией в голосе ответил Степан товарищу.

Когда они пришли в зал камер хранения, Степан дёрнул за рукав прапорщика и спросил:

- А какая моя-то ячейка, Петрович?

- Ты что? Я же ушёл, когда ты закрывал дверцу, - пожимал плечами Топорков. – Не знаю.

- А зачем ты ушёл? Специально что ли, чтоб я не смог найти свою ячейку? – уже с оттенками непонятных претензий заявил Степан.

Но прапорщик ничего не ответил в ответ. Он понял одно – его товарищ либо поедет домой без сумок, либо будет ждать, когда дверца ячейки сама через какое-то определённое время откроется автоматически, что менее вероятно. Постояв немного, напрягая память, но в итоге ничего не вспомнив, опухший от трёхдневной пьянки Степан, направился к дежурной по залу, чтобы та открыла ему его ячейку.

- Мадам, я извиняюсь, конечно, но Вы не смогли бы мне помочь открыть мою дверцу? – с надеждой в голосе на помощь сотрудницы зала, спросил Лопухин.

- Да без проблем, - с улыбкой на лице ответила женщина, - Только мне нужно оформить бланк по данным Вашего паспорта, потом Вы называете мне номер ячейки и перечисляете всё её содержимое. Проще говоря, даёте полную опись тех вещей, которые там лежат.

После этих слов Степана бросило в жар. Ведь вся суть проблемы заключалась именно в том, что он не помнил номера ячейки. А их было в огромном зале почти три тысячи. Он даже не мог вспомнить в каком ряду из полутора десятков, находилась она. Когда он сказал всё это дежурной, та ответила, что в таком случае, она не сможет этого сделать:

- …мужчина, во-первых, Вы даже примерно не помните, в каком междукамерном проходе находится Ваша ячейка. Во-вторых, если я буду открывать каждую, то мне попадёт от моего начальства. Ну, и, наконец, в-третьих, у Вас нет никаких доказательств, что Вы клали свои вещи. Так что, извините. Но, в любой проблеме есть путь решения, поэтому не всё так плохо. Вы оставляете свой домашний адрес, количество сумок и подробную опись содержимого. Когда ячейка автоматически откроется, и все сведения, данные Вами, окажутся достоверными, то в этом случае мы вышлем Вам телеграмму, чтобы Вы приехали и забрали свой багаж. Вас это устраивает? Если да, тогда мы сейчас оформим заявление и опись. Потом Вы спокойно садитесь на свой поезд и едете домой.

- Хорошо, я принимаю Ваши условия, - дал своё согласие на выдвинутые условия дежурной, Степан, понимая, что другого в данной сложившейся ситуации, ничего сделать нельзя.

Он оставил женщине все требуемые сведения. Напоследок, поблагодарив её за чуткость и оказанное внимание, взял прапорщика за рукав и пошёл с ним к выходу.

В кассе Степан сдал просроченный билет.

- Девушка, - обратился он к кассирше. – Можно мне такой же билет только на сегодняшний вечер?

- Да, можно. Только свободные места на этот поезд остались в купе.

- Мне нужен билет в плацкартном вагоне, - пояснил Лопухин. – Тогда на завтрашний вечер…

- И на завтрашний вечер ничего нет, кроме купе, товарищ. И на послезавтра нет. Весь плацкарт в Вашем направлении выкуплен, как минимум на десять дней вперёд, - пояснила работник кассы. – Сейчас сезон отпусков. Вы меня понимаете?

- Да, разумеется, - ответил Степан.

После последних слов кассирши, которые Лопухин услышал в добавлении всех тех событий, участником которых ему довелось стать, он ощутил себя на краю какой-то невидимой пропасти. Столько неприятностей сразу не сваливалось на него никогда. А тут ещё и с билетами сложности. Он посчитал, оставшиеся в кошельке, деньги. Ему хватало их как раз на железнодорожный билет в купе, на билет в рейсовом автобусе от райцентра до дома и несколько рублей на то, чтобы пару раз слегка перекусить в столовой.

Топорков, как и обещал, проводил своего товарища до самого купе.

- Интересно, кто будут твои попутчики, Стёпа? Представляешь, три подружки-студентки попадутся. А? - с улыбкой, стараясь развеять тоску у товарища, пошутил прапорщик.

Они попрощались, как старые друзья, обнявшись, и дали друг другу обещание держать связь между собой, тем более что Топорков проходил службу в воинской части, которая находилась в двухстах тридцати километрах от райцентра Степана. За пару минут до отправления поезда в купе, где разместился Лопухин, вошли трое представительных мужчин. Они, как обратил внимание Степан, вроде и зашли вместе, но вели себя так, как будто видят друг друга в первый раз. Как только тронулся поезд, один из них достал из кожаного портфеля бутылку армянского коньяка и сказал, обращаясь ко всем присутствующим:

- Товарищи, давайте знакомиться. Я – Серебров Пётр Матвеевич. Можно просто – Пётр.

- Колосов Сергей Львович. Среди своих близких и друзей – Львович, - сразу же представился второй мужчина, внешне выглядевший значительно старше Петра Матвеевича.

- Звягин Михаил Ефремович. Можно просто Миша, - представился третий незнакомец, оказавшийся самым молодым из всех троих.

- А я – Лопухин Степан Сергеевич… Очень приятно…

Инициатор знакомства Серебров открыл бутылку коньяка и предложил всем, соблюдая традицию, выпить за знакомство «по маленькой».

- Нет, спасибо, я не хочу, - отказался Степан.

- Уважаемый, вам нельзя? – спросил Колосов.

- Нет, мне можно. Просто не хочу и всё. Настроения нет, если сказать более точно.

- Ну-у-у, настроение – это дело приходящее, Стёпа. Поверьте, я знаю, что говорю, - засмеялся Пётр, не воспринимая всерьёз слова Лопухина, продолжая разливать коньяк по четырём стаканам, заранее принесённых от проводника.

- Согласен с Вами, Пётр, - согласился с Серебровым Михаил Звягин.

- Ладно, - махнул рукой Степан и взял в руки, уже налитый Серебровым, стакан.

Когда выпили «по первой», не откладывая «на потом», вся компания единогласно решила выпить «на вторую ногу». Потом, долив остатки содержимого, тем самым, допив коньяк, один из новых знакомых Лопухина – Михаил, предложил всем, кто курит, выйти в тамбур, чтобы немного проветриться. Он высказал мнение, что в купе стало относительно душно. Степан сразу же ответил, что с преогромным удовольствием составит компанию. Но курить вышли только двое – Звягин и Лопухин. А Серебров и Колосов остались сидеть в купе, сказав, что они не курящие. По возвращении из тамбура, Степан увидел на столе ещё две бутылки, но совершенно другого коньяка и колоду карт. «Это, наверно, Львович поставил, чтобы добавить»

- подумал Лопухин. Поезд шёл быстро. Стук вагонных колёс и их скрип на рельсовых стрелках не давал возможности лечь и сразу же заснуть. Да и как тут уснёшь, если в купе собралась такая весёлая компания? Пётр Серебров, находясь под небольшим подпитием, громко балагурил, смешил всех своими байками, не давая возможности вставить слово никому из собеседников. И тут, внезапно, он переходит от очередной истории к предложению сыграть в карты.

- Друзья, давайте хоть в картишки перекинемся, для разнообразия. Что скажете? – обводя всех своим взглядом, уже доставал из пачки колоду новых карт Пётр.

- В принципе, можно, - неуверенно ответил Звягин.

- Что ты скажешь, Стёпа? – спросил у Лопухина Колосов.

- А чё не сыграть? Можно и сыграть, - уже, с приподнятым от коньяка настроением, ответил Степан.

Серебров, как главный организатор и инициатор, профессионально размешивая колоду, уточнил:

- Во что играть будем, коллеги? Ваши предложения…

- Может, в «Дурака»? – предложил Звягин.

- В «Дурака» бабы играют, да дети малые. Что за игра, не пойму? – выступил против этой простенькой игры, Колосов. – Я, думаю, может быть, в «Козла» перекинемся? Все умеют играть в «Козла»?

После того, как все присутствующие в купе заверили друг друга в знании правил и умении играть в «Козла», Серебров, вынув из колоды четыре «шестёрки», начал процесс тасовки и раздачи карт. Игра вовлекла в себя всех, а главное, что отвлекла от грустных мыслей Степана. Компания, разделившись на две пары, уже доигрывала четвёртую партию. Сегодня очень везло Лопухину. Он, находясь в одной паре с Львовичем, выиграл все партии.

- Ну, везёт же вам, товарищи! – с искренним восхищением обратился к победителям Серебров. – Слушайте, а может кто-нибудь в «Секу» умеет играть? «На копеечку», так сказать…

- А что, можно и в «Секу». Я не против, - поддержал Львович. – Что, напарник, сыграем? Тем более, что сегодня наш с тобой день. А?

- Я бы сыграл, так у меня денег осталось только на автобус до дому, - достав кошелёк из кармана, высыпал всю мелочь на стол Степан.

- Нашёл о чём печалиться. Сегодня удача на его стороне, а он переживает. А может, ты выиграешь, Стёпа, и домой с состоянием приедешь, - засмеялся шутник Серебров.

- Ладно, уговорили…

В начале Степану очень везло. Игру он начал с пятидесяти копеек, а через час у него на руках была сумма в сто семьдесят рублей. Азарт захватил Лопухина. Ставки увеличивались. Что бы игра проходила веселее, игроки скинулись и купили у проводника ещё две бутылки коньяка...

…Степан очнулся на одной из небольших железнодорожных станций. Он сидел на перроне, прислонившись к фонарному столбу. Проснулся Степан оттого, что очень замёрз. Сначала он не понял, где находится, а когда сообразил, где, то не мог понять, как он здесь оказался. Лопухин оглядел себя. Из одежды на нём были только брюки и майка. Он осмотрелся вокруг себя, в надежде обнаружить свою одежду: плащ, чехословацкую шляпу, пиджак, рубашку, галстук, а, главное – дорогие лакированные туфли. Но ничего на перроне не было. «Что же мне теперь делать?.. Что же мне теперь делать?.. Что же мне теперь делать?..» - как стук колёс железнодорожного вагона, раздавалась одна и та же фраза в голове Лопухина.

Он зашёл в зал ожидания небольшого вокзала. Касса была закрыта. Тогда он решил сходить к дежурной и попросить её помочь ему добраться до своей станции.

- А ты зачем в карты играть стал с незнакомцами, парень? – спросила дежурная по станции после того, как Степан рассказал о своей беде.

- Я же не знал, что так получится…

- Не знал он. В поездах сейчас столько аферистов ездит, что нужно даже документы в штаны убирать, когда спать ложишься, а он в карты сел играть. Кстати, а документы у тебя есть или тоже украли? – поинтересовалась женщина.

- Документы оставили. Вот они, - достав из заднего кармана брюк паспорт, и подавая его дежурной, ответил Лопухин.

- Ладно, хоть документы есть. А с обувью, смотрю, у тебя проблемы? Размер-то знаешь, какой у тебя?

- Я очень признателен Вам, - поблагодарил женщину за доброту и внимание Степан. – Где-то сорок четвёртый или сорок пятый…

- Ладно, сейчас позвоню домой. У моего мужика сорок пятый размер. Тебе повезло, что я рядом живу…

Она позвонила домой, набрав номер со служебного стационарного телефона, и попросила мужа принести какую-нибудь приличную мужскую обувь сорок пятого размера и рубашку. Через двадцать минут в дежурную комнату не вошёл, а, практически, вбежал высокий и плотный мужчина, который жадно хватал воздух из-за присутствия одышки.

- Маш, что случилось? – обратился он к женщине.

- Коля, человек в беду попал. В карты решил поиграть с незнакомыми мужиками. Вот, видишь, очутился голым на перроне, - с явным чувством сожаления к бедолаге, объяснила ситуацию супруга.

- Ясно. А я спросонок подумал, что на тебя кто-то напал, и ты паролями каким-то мне говоришь. Но ботинки и рубашку принёс, - ответил муж. – А ты, парниша, дурак. Не обижайся, но больше я тебя никак по-другому назвать не могу. Карты в поезде – это зло. Понял?

- Да понял я это уже, понял, - повесив голову, как ученик, получивший двойку, ответил Степан.

Он надел ботинки. Они оказались ему в самый раз. А вот рубашка висела на нём, как мешок. Если рукава получилось завернуть, то на груди и животе она просто свисала. Но других вариантов не было. Лопухин был рад и этому. Лучше добираться до дому в ботинках и мешковидной рубахе, чем в майке и босиком. В это время женщина вышла на связь с одной из локомотивных бригад:

- Машинист тысяча семьсот второго, - вызвала она машиниста, приближавшегося к станции, грузового поезда.

- Тысяча семьсот второй. Машинист Кононов. Слушаю, - послышался мужской голос из небольшого динамика, стоящего рядом с дежурной.

Она попросила ребят остановиться на их станции и взять человека. Ей пришлось слукавить и сказать, что это их коллега пробирается домой со свадьбы. Локомотивная бригада оказалась сговорчивой и без всяких лишних вопросов пообещали притормозить. Степан, услышав согласие машиниста взять его, немного взбодрился. Поезд, ещё на подходе к вокзалу, дал громкий гудок, который длинным эхом раздался по всей округе, постепенно растворяясь в предутреннем лесу, густо растущего вдоль железнодорожного полотна. Степан быстро запрыгнул, в медленно двигающийся состав, в его головной локомотив.

Помощник машиниста, паренёк, чуть младше Степана, помог тому подняться внутрь и показал рукой, чтобы тот шёл за ним. Так Лопухин оказался во втором локомотиве, где лёг на стол и сразу же уснул. Усталость, напряжение, беспокойная ночь и нервозность последних двух суток дали о себе знать. Он провалился в сон сразу же, как только прислонился головой к седушке, которую он снял со стула машиниста, используя её в роли подушки. Перед прибытием на станцию, где Степан должен был выходить, к нему в кабину зашёл помощник машиниста поезда.

- Дружище, вставай. Через пятнадцать минут твоя остановка. Михалыч притормозит, а ты выскочишь на ходу. Только не прыгай напротив вокзала. Притормозим до него. Так что, смотри, не проспи, - проинструктировал Лопухина помощник.

- Хорошо, я понял. Михалычу огромное спасибо передай, - пожал руку помощника в знак благодарности Степан.

Автобус от железнодорожного вокзала отходил в одиннадцать часов. Степан сидел на заднем сидении и смотрел в окно, за которым пролетали: ели, берёзы, заросли ольшаника и ивняка. Он ехал и думал о том, как стыдно будет ему, когда, выйдя из автобуса в своей деревне, кто-нибудь из соседей его увидит и спросит: «Ну, как, Стёпа, в Ленинград съездил?». Его внутреннее ощущение вины, вместе с тем чувством позора, которое он готовился испытать, делали его общее состояние таким, какое могло бы сравниться только с чувством такой вины, что даже жить не хочется. Хотя автобус и шёл с некоторым опережением по времени, для Лопухина оно всё равно тянулось, как вечность. Он посмотрел на наручные часы. Стрелки циферблата показывали половину двенадцатого. Но с приближением к дому становилось всё хуже и хуже на душе. И вот, наконец, автобус пылил по деревенской дороге. «Ага, а вот и конечная…», - промелькнуло в голове Степана. – «А вот и моя остановка…». По всей видимости, водитель автобуса не планировал останавливаться, потому что в салоне было всего лишь несколько человек, которые все, как один, сидели и смотрели каждый в своё окно, не подавая даже вида на то, что кто-то собрался выходить. Но, всё-таки, в динамике водителя запищал звуковой сигнала «вынужденной остановки». Лопухин вышел из автобуса и походкой, неуверенного в себе человека, побрёл домой. По пути от остановки до дома он не встретил ни одного человека, чего он боялся больше всего. Надежда в это время трясла во дворе половики. Ещё издали, увидев, не спеша бредущего в сторону дома, мужа, она повесила дорожку на забор и пошла навстречу ему, чувствуя своим женским сердцем, что что-то произошло нехорошее.

- Стёпа, а где сумки? Что случилось?

- Привет, Надюш, - с видом агнца, произнёс супруг. – Да так, ничего особенного не случилось…

- Как не случилось? – более строго спросила Надежда. – Ты что, пропил колбасу с маслом что ли? У тебя и одежда, смотрю, даже не наша… Ты где был, блудень?

- Ничего я не пропил, Надь, - стал оправдываться Лопухин, стараясь увести супругу в дом, что бы никто из соседей не увидел их выяснения отношений. – Я что, больной? Пойдём в дом, я тебе сейчас всё расскажу. Только, пожалуйста, не начинай скандал на улице.

- Расскажу? – с явной агрессией начинала заводиться жена. – О чём? Как с дядей Пашей все деньги прогуляли? Или, может быть, ты у них вообще не был? Тогда, где ты болтался столько дней?.. Какой ужас!.. Какой позор!..

Он знал одно – пока супруга не выскажется, ему в её монолог ни одного слова вставить не удастся. Надежда, поворчав ещё немного, успокоилась. Она была уверена в том, что хоть её муж и не был противником выпить, но врать и выворачиваться не станет. Но бывало и такое, что он, выкинув какую-нибудь шутку, сначала слукавит, а когда она успокоится совсем, всё равно расскажет правду.

- Надь, не поверишь, но когда я скупился и стал добираться до Московского вокзала, то проезжал на автобусе вдоль реки Невы…

- При чём тут Нева? Ты на экскурсию ездил или за колбасой, экскурсант ты, этакий? – в недоумении, но уже спокойным тоном спросила супруга.

- А ты что, вчера новости не смотрела?

- Нет. А что такое случилось? – уже с некоторым испугом в голосе поинтересовалась Надежда.

- Понятно, не смотрела. Тогда слушай… Вот, значит, я вышел с сумками на набережную.

- А зачем вышел-то? – начинала вновь раздражаться жена.

- Ну, не перебивай, Надюш. Так вот, вышел посмотреть на реку. Поставил сумки на набережную… Закурил… Смотрю, значит, - фантазировал Степан. – Ты никогда не видела приливов?

- Нет. А что? – Надя никак не могла понять ход мыслей своего мужа.

- Да то, что стою, курю, а сам чую – ноги сырые. Смотрю, а вода через дорогу льётся, ботинки в воде и сумок нет. Я туда, я сюда, гляжу, а колбаска-то наша по реке плывёт. Вот такой вот казус, дорогая. Хошь – верь, хошь – не верь.

- Во, как… Я про отливы слышала, а вот про приливы и как они происходят не слыхала. Надо же, так быстро вода поднялась? - с неподдельным интересом спросила супруга. – Ты хоть в милицию-то заявил?

- Обижаешь, Надюх. Сразу же побежал на Московский вокзал. Так что, не задавай мне больше вопросов о колбасе, масле и даже водке. Всё. Я хочу спать, - уверенный в том, что вызвал жалость и понимание супруги, твёрдо заявил Степан, собираясь уже уходить в спальню.

- Стёп, погоди. Я ещё хочу узнать. А где все твои вещи и почему ты в чужих ботинках и в такой позорной рубашке приехал?

- Надь, так я ж за чемоданами прыгнул в реку, промок весь, а тут ещё и ветер. Вот, люди и помогли – дали вещи, - на ходу придумал Степан.

Зная мужа, Надежда не слишком верила этим историям про разлившуюся Неву. А особенно тому, как кто-то дал Степану одежду. Но выяснять ничего не стала, понимая, что виной всему был алкоголь, которого, судя по тому, что произошло, супруг употребил чрезмерное количество. Но что сделано – то сделано. Обратно ничего не вернёшь. Скандалы и ругань не помогут, а, наоборот, сыграют плохую роль в отношениях между супругами. Да и о том, что Лопухин рано или поздно всё честно расскажет, в этом Надежда даже не сомневалась.

Прошло четыре дня.

- Стёпа! Стёпа! – выскочила во двор Надежда.

- Ну, чё там? Чё те надо? Ты не видишь – я на крыше? – сидя на коньке крыши и закрепляя дополнительным хомутом телевизионную антенну, ответил Степан.

- Наши сумки выловили! Представь! Только что позвонили и говорят, что ты должен приехать на Московский вокзал, за сумками. Они ещё и извиняются за неудобства. Вот что значит город! Одним словом – культура!

- Чё говорят-то, вообще? Колбаса с маслом сохранились? – слезая с крыши, спросил Степан. – Хотя, навряд ли… - сразу же сам себе ответил он.

- Говорят, что сумку, где были скоропортящиеся продукты, пришлось выкинуть, - с грустью пояснила жена.

- Да и чёрт с ней, с колбасой! Как насчёт водки? Водку-то хоть не выбросили?

- Кто про что, а этот всё про одно… Да цела твоя водка, будь она неладна! Так что собирайся, завтра надо ехать. Хотя бы сумку привезёшь обратно.

Степан проснулся раньше обычного. Времени на сборы не было совсем, да и собираться-то не надо было. Нужно только одеться, взять деньги на дорогу и выдвигаться на автобусную остановку. С железнодорожного вокзала выезжать пришлось только на ночном поезде, потому что встал вопрос с билетами. Лопухин не расстроился этому факту, а даже наоборот, решил, что лучше приехать в Ленинград днём, чем ранним утром. «Мне же только сумку с водкой забрать», - размышлял он.

В половине первого Стёпа был уже на Московском вокзале. Он прямо с поезда побежал в камеру хранения, чтобы удостовериться в целости и сохранности спиртного арсенала. Но его беспокойства были напрасны, сумка с «горячительным» напитком была закрыта. Количество спиртного соответствовало числу купленного. Степан выдохнул с облегчением. Он взял сумку, расписался в её получении, поблагодарил дежурную за хорошую работу, сделал в виде благодарности запись в книге «Жалоб и предложений» и поехал к Ярославцевым. Дядя Паша

принял родственника с распростёртыми объятиями, а, узнав о том, что находится в сумке, да ещё в каком количестве, испытал настоящее чувство счастья. В этот день дома на выходном находилась и Александра Фёдоровна, которая взяла отгул специально, как только ей позвонила племянница и рассказала о том, что Степан поехал в Ленинград.

- Стёпа, а что вообще случилось? А то Надя ничего не сказала, кроме того, что ты едешь опять, - начала допытывать родственника Александра Фёдоровна.

- Да так-то ничего особенного, тётя Шура, - стал оправдываться Степан. – Просто я забыл номер ячейки в камере хранения, где положил сумки. А их там тьма-тьмущая. Знал бы раньше, так записал бы на листке.

- Да, ладно. Я же видела, какие вы были, когда с работы пришла… А ты чего, не мог перед тем, как открывать бутылку узнать – номер он запомнил или нет? Взрослый же мужик. Со Стёпы чего взять? Он парень деревенский, да и первый раз в Ленинграде наверное… Ну, Паша… – переключила своё внимание хозяйка на мужа, ища оправдание молодому Лопухину.

- А чего, Паша? – возмутился Павел Филимонович на безосновательные обвинения. – Они сначала сложили сумки, а потом приехали. В таких случаях надо делать наоборот…

- Всё, хватит нам ругаться, - перебила мужа Александра Фёдоровна, понимая, что нельзя заводить его, иначе весь остальной день он станет заводить уже её. – Так, я сейчас поеду по делам. А вы тут поаккуратнее с выпивкой, а то опять чего-нибудь натворите.

Павел Филимонович с нетерпением ждал, когда супруга уйдёт из дома, так как выпивать в присутствии женщин он не любил. Но, не всех женщин. Будучи ещё молодым парнем, он любил компании с красивыми девушками. Но когда женился, то его мнение резко поменялось. Больше всего ему не нравилось поведение тех женщин, которые следят за своими мужьями в момент застолья. Кто-то считает стопки, которые выпил муж. Кто-то следит за тем, чтобы супруг не смотрел, на сидящих по соседству, чужих женщин. А кто-то вообще устраивал грандиозный скандал прямо в момент празднования и только потому, что её любимый, видите ли, пригласил на медленный танец не её саму, а какую-то другую. Дядя Паша был человеком очень простым, любил шутки, прибаутки, умел в компании блеснуть своим интеллектом и начитанностью, вставляя в нужные моменты фразы и цитаты из книг, за что пользовался большим уважением во всех компаниях. Он был всегда центром внимания. Порой, проскакивающие в застольных беседах, из его уст нецензурные выражения, нисколько не портили ему репутацию. Он умел сказать «нехорошее» слово так, что оно не «резало» ухо, а также не опошляло суть сказанного. Вот такой был Павел Филимонович компанейский мужик. Как он сам подмечал: «Я – деревенский!», чем очень гордился. Хотя он и прожил всю свою основную жизнь в городе, но городских жителей очень недолюбливал, считая, их лицемерными, не искренними и не совсем порядочными людьми, не то, что деревенские – «…открытые, как оконные ставни в полдень…» - любил говорить дядя Паша.

На следующий день, продвигаясь в сторону Московского вокзала, неся в сумке вместо двадцати бутылок водки всего лишь четырнадцать, Степан пересчитывал мысленно сумму денег, которую он потратил в одну сторону, и сколько их осталось на обратную дорогу. В этот раз Надежда дала ему чуть больше, сказав:

- В этот раз хотя бы домой явись, как человек – в своей рубашке и ботинках. И ещё купи плащ, шляпу, пару галстуков и пару хороших рубах, но не дорогих! А то случись что, и надеть будет нечего...

Имея при себе небольшую заначку, которую Степан хранил под половицей в сарае, он не только купил всё, о чём наказывала супруга, но, прекрасно зная, как она следит за модой, но и подарки ей – позолоченные женские наручный часы, перстенёк с драгоценным камнем и женскую сумочку, которые входили в моду и пользовались большим спросом у городских модниц. На вокзале, находясь в приподнятом настроении, Степан зашёл в кабинку туалета. Достал из нагрудного кармана рубашки паспорт, вынул из него, аккуратно сложенные денежные купюры,

и пересчитал. Оставшаяся сумма составляла сто семь рублей. Порывшись в карманах, он насобирал ещё сорок девять копеек мелочью. «Всё хорошо… Денег куча… Водка есть… Сейчас куплю билет на тридцать шесть рублей сорок копеек… Значит, остаётся семьдесят один рубль и девять копеек…» - производил арифметические вычисления Лопухин. Но, как и в прошлый раз, билетов в плацкартный вагон опять не было. Чтобы не оставаться до позднего вечера в Ленинграде, он купил билет в купейный. Заняв своё место в вагоне, Степан поднял седушку дивана и положил туда свою сумку, с единственно имевшимся при нём, стратегическим товаром. Сел на сиденье навстречу движению, отодвинув шторку окна, и с довольным видом и хорошим настроением стал дожидаться отправления состава. В купе до самого отправления поезда никого кроме него не было. И только в сам момент отправления вдруг открылась дверь купе, и в него вошли два мужчины и одна женщина.

- Здравствуйте. Это четвёртое купе? – смотря в билет и на номера мест, вежливо спросила женщина.

- Да. Четвёртое. Проходите, - показал рукой на свободные места Степан. – Вот ваши места.

- Спасибо. А Вы едите до «конечной»? – с явным интересом спросил один из мужчин.

- Нет. А вы? – насторожился Лопухин, невольно вспоминая последнее своё отправление из Ленинграда, которое было очень схожим с сегодняшним.

- А мы до «конечной», - ответил грубым басовитым тоном второй мужчина.

Они были без багажа, опрятно одеты, если не сказать – представительно. Только у одной лишь женщины была дамская сумочка, перекинутая через плечо. Через час четыре собеседника весело смеялись над анекдотами, которые рассказывал один из мужчин, представившийся Сергеем Владимировичем. В свою очередь Степан, как гостеприимный человек, выставил на стол две бутылки водки из своих запасов, но решил следить за ситуацией – больше угощать собеседников, а меньше пить самому.

- Ну, товарищи, посмеялись, а как насчёт картишек? – спросила женщина.

- Я категорически нет! – рефлекторно выкрикнул Степан, нервно, с оттенками истерики, замахав руками. – Я играть не умею!

«Опять та же самая картина!» - подумал Лопухин. – «Получается, что в купейных вагонах ездят одни аферюги? Нет уж! Хватит! Последний раз еду в купе! На будущее, лучше уж по шпалам пешком пойду!».

- А что Вы так нервничаете? – поинтересовалась женщина у Степана, неадекватная реакция которого её очень насторожила.

- Если сказать честно, - решил не лукавить Лопухин, а сказать правду новым знакомым, тем самым, выводя их «на чистую воду». – Я недавно сыграл уже с такими, как вы. И приехал домой в чужой рубахе и ботинках. Так что, меня не проведёшь, не на того напали!

- Ой, что вы говорите? – искренне удивилась женщина. – То есть, если я правильно поняла, то вы приняли нас за мошенников?

- Ни за кого я вас не принял, дорогая дама. Просто я не играю и всё, - резко отрезал Степан.

Мужчины, не говоря в этот момент ни слова, громко засмеялись.

- Молодой человек, - сказал Сергей Владимирович. – Вы правы отчасти. Да, в поездах сейчас ездит очень много мошенников. Но мы не те, за кого Вы нас приняли… Ой, уморил, товарищи!.. – вновь захохотал мужчина. – Мы работники одного из строительных главков Ленинграда. Едем в Свердловск на приёмку очередного заводского цеха, который по плану, должен быть пущен в строй через десять дней… Товарищи, давайте покажем молодому человеку наши документы…

Оба мужчины и женщина достали свои удостоверения и в раскрытом виде подали Степану. Тот посмотрел их, подробно и внимательно прочитав, что в них написано. «По всей видимости, не врут. Вроде, и правда, честные люди…» - подумал Лопухин.

- Вы меня извините, что я принял вас, уважаемые, за аферистов, но играть всё равно не стану… Просто не стану и всё… - решил не рисковать и не испытывать свою судьбу Степан.

Атмосфера в купе постепенно стала разряжаться. Лопухин успокоился. А соседи по вагону, чтобы не напоминать о неприятности, в которой недавно оказался их новый знакомый, решили перевести тему разговора в другое русло, попросив сразу же свою коллегу убрать карты. Вечер прошёл удачно. Попутчики много шутили и смеялись, периодически наливая «по маленькой», что всегда является хорошим «стабилизатором» в завязывании новых знакомств и нахождению общего языка при ведении бесед между новыми знакомыми…

- Товарищ!.. Ну, проснитесь же, товарищ! – толкала Степана проводница, пытаясь его разбудить.

- Чё вам надо? Идите отсюда! – отталкивал проводницу Лопухин.

- Да Вы «зайцем» едите, а сейчас контроль будет. К тому же, Вы ещё и пьяны, - жалобным голоском лепетала хозяйка вагона.

- Каким, к чёрту, «зайцем»? У меня билет есть! Сами Вы пьяны! – начал спросонок возмущаться Степан, судорожно проверяя свои карманы в поисках паспорта, куда был вложен проездной билет.

- Да мы проехали Вашу станцию уже часа два назад, мужчина! Оглянитесь вокруг! – ещё жалобнее залепетала проводница.

Степан вскочил со своей кушетки, как будто его окатили из ведра колодезной водой.

- Мать твою за ногу! – выругался он. - Что же мне теперь делать?

Мысли путались у него в голове. Но он знал точно, что ему надо срочно выходить.

- Девушка, дёрни стоп-кран! – выкрикнул он первое, что взбрело в его голову.

- Какой стоп-кран, молодой человек? Через двадцать минут будет остановка, там и выйдете. Может быть, пронесёт, и контролёры пойдут позже? – старалась успокоить сама себя молоденькая проводница.

- Что случилось, товарищи? – раздался басовитый голос Сергея Владимировича, который спал на второй полке, прямо над Степаном.

- Ничего особенного, товарищ, - суетясь, ответила девушка. – Просто ваш сосед немного проспал. Отдыхайте, не обращайте внимания.

Уже через половину часа Степан стоял на перроне небольшой станции. Внешний вид его желал ожидать лучшего. Он больше походил на какого-то бездомного бродягу, чем на семейного человека. Волосы лохматые, не причёсаны, пуговицы, наспех застёгнутой рубашки не совпадали с дырками, вся одежда была мятой, а ботинки грязные, неумытое лицо было слегка отёкшим. Настроение вновь покинуло Степана. Грусть и тоска, как и в прошлый раз, легли на его душу. Из всего того, что в очередной раз пришлось пережить ему, радовали только девять бутылок водки, лежавшие, хорошо хоть, не в позабытой в быстрых сборах, сумке. Выкурив последнюю сигарету, он пошёл на вокзальчик, напоминающий скорее дровяной сарай, нежели помещение для пассажиров. В это же время на вокзал пришёл мужчина, по всей видимости, муж кассира. Это умозаключение Степан сделал потому, что тот, подойдя к окошку кассы, самовольно открыл окно и сказал:

- Люб, в магазине даже пива нет. А завтра Колян приезжает. Чё делать-то?

Уж чего-чего, а соображения Лопухину не занимать, тем более в вопросах помощи и расчёта за эту самую, оказанную им, помощь.

- Товарищ, - толкнул в локоть мужчину Степан. – Я так понимаю у Вас проблема во встрече большого гостя? Я могу поспособствовать.

- А ты чё, из благотворительной организации што ли? – с некоторым недоумением спросил мужик.

- Вы меня не так поняли. У меня есть то, что необходимо Вам, а мне нужна Ваша помощь.

- Так. Улавливаю ход твоей мысли. Пошли, обсудим, – показал ладонью на выход мужчина.

Степан объяснил свою ситуацию, рассказав о своей первой поездке в Ленинград. В подробностях рассказал и о втором своём посещении города Петра. Описал в тонкостях, что и кто говорил из его нынешних попутчиков, как его разбудила проводница, а так же, как он оказался на, Богом забытой, станции. Непроизвольно так получилось, что весь рассказ сопровождался распитием водки из «бездонной» сумки Степана. Мужик, который представился – «просто Василёк», пообещал посадить нового знакомого на ближайший поезд, чтоб тот смог доехать до своей станции. А так, как любая услуга должна быть оплаченной, то муж кассирши предложил Степану отдать ему литр водки для того, чтобы он достойно смог встретить Коляна, который являлся Васильку «шуриным».

Ближайший пассажирский поезд сообщением «Алма-Ата – Ленинград» проходил в три часа ночи. Два товарища уже стояли на перроне. До прихода поезда оставалось минут пятнадцать. Лопухин, уставший от путешествия, да к тому же, употребивший приличное количество алкоголя со своим новым знакомым, не стоял, а просто висел под мышкой у Василька, который был раза в полтора выше и раза в два шире самого Степана.

Состав шёл по расписанию. Как только поезд остановился и открылись двери тамбура, Василёк, не поднимаясь в вагон, начал запихивать в него полусонное тело Лопухина. Но проводник-казах, с оттенками явно выраженного тюркского диалекта, начал выражать протест по поводу не совсем трезвого пассажира в лице Степана. Василёк, будучи человеком спокойным, хоть и выпившим, но контролирующим не только своё поведение, но и свой внешний облик, спокойно повторил четыре раза:

- Ему недалеко. А вот деньги за доставку.

Но казах не хотел слушать. Тогда Василёк, стараясь держать себя в руках, взял маленького и худенького казаха одной рукой за узел галстука и оторвав его от пола тамбура, вытянул из вагона. Не отпуская, и держа его на весу, он спокойно и очень тихо шепнул, очень испугавшемуся проводнику:

- Это мой шурин. Довезёшь его до станции, какую он назовёт. Вот деньги за доставку. А теперь скажи – ты ведь очень хочешь, чтоб он поехал именно на вашем поезде?

- Осень! Осень! Осень хосю! – дрожащим от страха и ужаса голосом, прошептал казах.

Василёк поставил проводника также тихо и спокойно на то же самое место, откуда его взял. Казах был поражён неимоверной силой выпитого русского мужика, но спорить больше не стал и помог затащить Степана в тамбур вагона.

На следующий день, в первом часу по полудню, Лопухин с раскалывающейся от похмелья головой, трясся в рейсовом автобусе по ухабистой грунтовой дороге домой. В одной руке он держал, полностью опустошённую, большую сумку из-под водки, которую после его приезда, Надежда сразу же, как испорченную, выкинет на помойку. А в другой руке он крепко сжимал подарок жене – сумочку, в которой лежали часы, перстенёк и одна единственная бутылку водки, которую он случайно выронит из рук вместе с сумочкой, когда будет выходить из автобуса на своей остановке, разбив её на мелкие стеклянные кусочки. Часы останутся лежать в шкафу, как дорогой сувенир, потому что весь их механизм был залит водкой. Сумочку Надежда в последствии тоже выкинет, потому что водка, которая пропитала всю её внутренность, отдавала стойким запахом даже после полной её просушки. Как позже скажет Надя женщинам на работе, показывая им свой золотой перстенёк:

- Мой Стёпа специально ездил в Ленинград за перстнем. Получается, что любит, значит?

Глава 5

«АЗИАТСКИЕ ГОСТИ»

Отпуск Степана закончился.

Свой первый рабочий день он начал с технических регламентных работ – смазывал свой трактор, протягивал гайки и начищал его до блеска, находясь в своём тракторном «боксе».

Надежда догуливала последнюю неделю и тоже готовилась к выходу на работу.

Колхоз «Путь имени Ленина» готовился к новым работам – сенокосу. К тому же, наступал период окучивания картофеля, которым в колхозе было засеяно два огромных поля. В связи с планом предстоящих очередных сельскохозяйственных работ, товарищем Александровым был издан приказ, согласно которому все бригадиры и звеньевые должны провести в своих механизированных бригадах и звеньях мероприятия, направленные на подготовку техники, с последующим отчётом о проведении этих самых мероприятий.

- Мужики, а где Лопухин? – услышал Степан, находясь под трактором, голос местной почтальонки Колобовой Серафимы.

- Здесь он, Сима! В своём гараже, - ответил один из механизаторов.

- Тут я, - отозвался сразу же Степан, выходя из своего «бокса», вытирая руки ветошью. – Что случилось?

- Да ничего особенного, Стёпа. Вот, распишись, телеграмма тебе. Гости к вам едут, - вынимая из своей почтовой сумки телеграмму, авторучку и бланк извещения, ответила почтальонка.

- Какие ещё гости? – удивился Лопухин.

Он взял в руки телеграмму и прочитал…

…Гости, которые собирались приехать, являлись для Степана дальними родственниками, проживавшими в Узбекской ССР. Родной брат его деда по материнской линии – Серпухов Илья Самсонович был идейным коммунистом и членом ВКП(б). В 1919 году, когда началась борьба за права трудящихся и установления Советской власти в Туркестане, по решению партии молодой большевик Серпухов был направлен в район города Хивы, в числе полутора десятков таких же, как он, молодых коммунистов. Перед ним и его однопартийцами было поставлено две основных задачи – в составе частей Красной Армии оказать помощь молодому Туркестану в уничтожение банд басмачей под командованием Джунаид-хана, который на тот момент времени имел более полутора тысяч «сабель». После этого Илью Серпухова планировалось перевести на партийную работу, направленную на создание коммун и артелей, всё там же, в Туркестане.

По прибытии в гарнизон его сразу же поставили на должность заместителя командира конного эскадрона. Провоевав там чуть более трёх месяцев, Илья Самсонович познакомился с молоденькой несовершеннолетней девушкой-узбечкой с красивым именем Нафиса, что в переводе означало – «изящная». Их знакомство было не случайным. В одном из боёв красноармейцы отбили гарем Джунаид-хана, в котором на тот момент и находилась девушка. Женщин распустили, заранее, проведя с ними беседу, а Нафиса, понимая, что ей в одиночку не добраться до своего дома, попросила у одного из красных командиров, остаться у них и помогать раненым. Этим красным командиром оказался непосредственно сам «замкомэска» Серпухов. Она очень понравилась ему, а он – ей. В последствии они расписались, сыграв скромную свадьбу прямо в гарнизоне. После окончания войны Илье Самсоновичу были предложены три места для дальнейшей работы – председателем одного из создаваемых совхозов в Узбекской ССР, председателем сельсовета в Туркменской ССР, в том месте, где он воевал с басмачами и председателем колхоза в Красноярском крае. После того, как он посоветовался со своей моло-

дой женой, которая на тот момент была беременна, Серпухов выбрал Узбекистан – родину Нафисы. Муж работал председателем совхоза, а жена – рядовой труженицей в полеводческой бригаде, которая занималась выращиванием хлопка.

Наступил 1941 год.

По всему Узбекистану формировались национальные полки, бригады и дивизии, которые в спешном порядке, при их полном комплектовании, сразу же уходили на фронт. Илья Самсонович сам пришёл в райвоенкомат и потребовал снять с него «бронь» и отправить в числе добровольцев на передовую. Так он был назначен командиром взвода одного из первых, созданных в Узбекской ССР, национальных полков.

На тот период семья Серпуховых, кроме его самого, состояла из пяти человек – жены, трёх красавиц-дочерей и одной внучки, которой только что исполнился годик. Уходя на фронт, он очень просил свою супругу, взяв с неё обещание, что в случае его гибели, она, их дети и внуки будут держать тесную связь с его родственниками в РСФСР. Он оставил подробные координаты своих русских родственников и ушёл на фронт, а через два месяца Нафиса получила на мужа «похоронку». О словах мужа и своём обещании она помнила всю свою жизнь, рассказывая о них сначала своим дочерям, а потом и внукам. И вот, одна из внучек Ильи Самсоновича и Нафисы – Замира, которая приходилась троюродной сестрой Степану, вместе с мужем и двумя детьми решила посетить своих дальних родственников, как завещали дед и бабушка…

- Так… Ясно, - сказал сам себе Лопухин, прочитав телеграмму, которую свернул и положил в нагрудный карман рубашки. – Деньги все ушли на колбасу… Как самим дожить до получки не знаем, а тут ещё и гости… Ох, Надюха мне теперь плешь проест на голове…

К приезду гостей из Узбекистана Лопухины подготовились основательно. Надежда попросила у Константина Егоровича выписать аванс на себя и на Степана. После его получения, они закупили продукты, в основном это были крупы, макаронные изделия и банки с тушёнкой. Вася Козлов ради такого события угостил своих друзей несколькими килограммами свежей свинины. Надежда ещё с вечера наготовила много разной и вкусной еды.

Рано утром Степан быстро встал, умылся, наспех позавтракав, надел на себя приготовленный ещё с вечера, новый польский костюм. Его, по убедительной просьбе Надежды, достала через знакомых в райпо заведующая сельским промтоварным магазином – Светлана Еремеева. Так как гости приезжали на поезде ближе к обеду, то Надежда, выделив супругу деньги только лишь на билеты в рейсовый автобус, строго наказала:

- Стёпа, никаких угощений и выпивок, пока не приедете домой. Я всё приготовлю и накрою на стол. А то ведь я тебя знаю.

- Надюш, всё будет хорошо. Не изволь беспокоиться...

По прибытии на автостанцию, Степан вышел из автобуса и сразу же направился в зал ожидания железнодорожного вокзала. Он никогда не видел своих дальних родственников, поэтому решил искать их по внешнему виду, который, по его мнению, должен очень отличаться от того, как выглядят русские люди. Предположения Лопухина оправдались. В зале, где было много народу – провожающих, встречающих и ожидающих своих поездов людей, чётко выделялись четыре человека, одетые в характерную для народов Средней Азии, одежду. Степан сразу же понял, что это и есть его родня – сестра с мужем и двое их детей. Старшему мальчику было лет шестнадцать-семнадцать, а младший выглядел лет на десять.

- С приездом, - подойдя к семье и протягивая руку мужчине, сказал Степан.

- Здравствуй, Стёпа, - с сильным узбекским диалектом ответила Замира, обняв своего троюродного брата. – Познакомься... Это мой муж Жасур. А это наши сыновья – Улугбек и Фарход.

- Очень приятно, - ответил Степан. – А меня зовут Степан.

Множество сумок, стоявших вокруг них, немного удивило Лопухина. «И чего они там нагрузили?» - подумал он. Но, взяв две из них, он физически ощутил, что сумки имели небольшой вес, а это говорило о том, что в них находятся вещи, а не дыни с арбузами. Обратно домой к Лопухиным вся компания выехала только лишь в четыре часа дня. Так совпало, что в этот день недели по расписанию был только один рейс в сторону деревни Степана. И таких дней было всего два – во вторник и в субботу. В остальные же по их маршруту автобус ходил два раза – утром и вечером.

Надежда, готовясь к встрече гостей ещё загодя, без лишней суеты накрыла шикарный стол, на котором стояли около десятка разных блюд. Она старалась приготовить что-то такое, что было бы ближе для жителей Средней Азии. Так, в состав одних её блюд входил рис, в других преимущество присутствовал изюм, а на десерт были заранее закуплены: виноград, мандарины и яблоки. Из спиртного на праздничном столе стояли три бутылки – «Советское шампанское», «Херес кубанский» и водка «Столичная». Встреча гостей и знакомство Надежды с ними прошли хорошо. Вечер удался. Хозяева постарались не утомлять родственников с дороги, поэтому, сытно и вкусно накормив, они уложили их спать – взрослых в спальне, а детей – в зале, на заранее приготовленные для их сна, постели.

Утром, как обычно, Надежда и Степан встали рано. Стараясь не разбудить гостей, они начали собираться на работу. Степан ушёл раньше. Перед уходом Надежды из спальни вышла Замира.

- Надя, давай я приготовлю плов?

- Как хочешь. А что для этого нужно? – спросила хозяйка у гостьи.

- Ничего особенного. Рис и мясо есть?

- Есть. Рис лежит в шкафу, - показала Надежда на навесной ящик, висевший на кухне. – А мясо возьми в морозильнике. Говядина и кура. Возьми, какое надо.

- И ещё. Казан есть у вас? – уточнила Замира.

- Вот чего нет – того нет… А Кастрюля подойдёт?

- Да, подойдёт. А где можно приготовить?

- Вот плита, - показала на печь с чугунной плитой хозяйка. – На ней и готовь. Сейчас я принесу дрова.

- Прямо на плите готовить? – удивилась Замира.

- Конечно! А на чём ещё? – засмеялась Надя. – Ну, ладно, всё теперь ты знаешь, а я побежала. А то уже опаздываю. Так что, хозяйничай!

Надежда быстро накинула в прихожей на ноги босоножки и выбежала из дома, принесла охапку сухих берёзовых дров и убежала на работу.

Замира попросила мужа принести восемь кирпичей, которые она разложила по кругу на печной плите, после чего поставили большую кастрюлю с водой. Достала рис, мясо, приправы, пачку с лавровым листом. И дело закипело в руках домовитой хозяйки. Она подожгла дрова, которые Жасур наколол маленьким топориком, обложив их мелкой щепой.

Замира встала на кухне возле плиты и начала соображать – а как разжигать огонь? «Прямо на плите?» - думала она. – «Странные они люди, это русские. У них же дым на весь дом будет… Ладно, открою двери и окна… Наверное, они так еду готовят…».

Сначала новая хозяйка набрала из ведра воды в большую кастрюлю. Потом она попросила мужа принести восемь кирпичей, которые сама лично разложила по кругу на печной плите, после чего поставила, приготовленную заранее кастрюлю с водой на кирпичи. Достала рис, мясо, приправы, пачку с лавровым листом. И дело закипело в руках домовитой хозяйки. Она подожгла дрова, которые Жасур наколол маленьким топориком, обложив их мелкой щепой. Густой и едкий дым повалил сразу же, как только берёзовые поленья занялись огнём. Замира, не мешкая ни секунды, распахнула окна на кухне и открыла входные двери. Но дым всё больше

и больше начинал заполнять всё помещение. Из спальни выскочил, до конца не проснувшийся Жасур, и на узбекском языке стал спрашивать жену, что она делает?

- Мы с Надей решили, что я приготовлю плов. А что?

- Да как-то всё это очень странно – что бы приготовить еду, нужно раскрывать все двери и окна. Тебе не кажется так? – глядя на то, что костёр разгорается всё больше, а дым от него становится всё гуще, на родном языке спросил у супруги Жасур.

В это время из залы на кухню вбежали заспанные дети – Улугбек и Фарход.

- Мама! Что это? Пожар? – закричали они.

- Нет, мои дорогие, - старалась успокоить мальчиков мать. – Это я плов пытаюсь сготовить, но, смотрю, навряд ли его получится приготовить.

Копоть и хлопья от обгоревшей берёзовой коры кружили не только по кухне, но уже по всей квартире. Огонь охватил все поленья. Белоснежный потолок стал чёрным, а на стенах и в углах копоть чётко выделила, до этого не видимую человеческому глазу, паутину.

- Надо что-то делать, Замира, - начал паниковать Жасур.

Да и сама Замира тоже понимала, что на печной плите готовить надо как-то по-иному, но не так. Но предпринимать что-то было уже поздно. Дым и копоть встали у всех в горле комом. Их начал давить кашель, вызывающий приступы рвоты. Отец, мать и их сыновья выскочили на улицу. В это время, проходящая по дороге в сторону сельмага Катя Суханова – студентка педагогического института, которая на данный момент приехала к родителям на каникулы, увидев, что из дома Лопухиных отовсюду клубами валит дым, громко завопила на всю улицу:

- Помогите! Пожар!.. Пожар! Помогите!.. Помогите! Пожар!..

Не прошло и десяти минут после того, как Катя начала звать на помощь, а Надя уже узнала о беде…

Она сидела в своём кабинете правления колхоза и что-то писала в журнале. Раздался телефонный звонок. Надежда была более, чем убеждена в том, что ей звонили с какой-нибудь из животноводческих ферм колхоза. Но на самом деле ей позвонил сам председатель прямо из своего рабочего кабинета.

- Владимировна, ты чем занимаешься сейчас? – решил зайти издалека и постепенно подготовить своего зоотехника к новости Константин Егорович.

- Заполняю журналы. Больно уж много информации надо внести в них. А что? – весёлым голоском ответила руководителю Лопухина.

- Да так, ничего особенного… Ты… это… ну-у-у… - не зная, как сказать, начал заикаться товарищ Александров.

- Константин Егорович, да говорите прямо, что случилось-то? – стала уже всерьёз волноваться Надежда.

- Да у тебя, говорят, пожар произошёл… Но уже всё потушили, говорят…

Как только она услышала в трубке телефона слово «пожар», то сразу же, не дослушав до конца своего руководителя, вскочила из-за стола и бегом направилась в сторону дома. Когда Надежда подбежала к калитке, то увидела толпу мужиков и баб, собравшихся во дворе их дома. Они о чём-то шумно спорили. Мужики в разговоре применяли крепкие словечки, которые носили конкретный смысл, но охватывали обширный объём той информации, которую хотел передать тот или иной из собеседников.

- Господи! Матушки мои! Мать моя – женщина! – залепетала Надя, когда увидела своих гостей, сидевших на скамейке во дворе. Они были с ног до головы покрыты сажей, а их лица и руки больше походили на армейскую боевую раскраску.

- Наденька, прости, но я всё сделала, как ты мне велела, - стала оправдываться Замира, подбежав к Лопухиной, как только та вошла во двор.

- Замира, что я тебе велела? – стараясь держать себя в руках, ответила Надя. – Я тебе велела дом спалить?

Надежда вошла внутрь квартиры. Ужас, который она увидела, чуть не обратил её в обморочное состояние. Не только потолок и стены, но и все шкафы и одежда были покрыты толстым слоем сажи и копоти.

- Года ещё не прошло, как был сделан ремонт… - только и смогла произнести хозяйка, ощутив слабость в ногах, села она на закопченный табурет, стоявший в прихожей.

Вечером, не зная ещё о случившемся, Степан вернулся с работы. Войдя в квартиру, он обомлел:

- Мать честная, чё тут было-то?

- Плов готовила твоя сестра, - уже отойдя от инцидента, ответила Надя, встречая мужа в прихожей.

- Стёпа, прости меня, дуру! – теперь уже перед братом начала каяться Замира. – Я думала, что на плите огонь разводить надо. Я ещё удивилась, как вы так готовите?

- Да, ладно, чего теперь вспоминать, - перебила гостью Надежда. – Надо теперь думать, как ремонт новый сделать. Пойду завтра к председателю, ещё аванс спрошу. Не знаю, даст или нет?

- Надюшенька, милая моя, у нас есть немного лишних денег. Мы тебе сейчас дадим, оставим только на обратную дорогу, а когда приедем домой, то я вышлю тебе столько, сколько надо, - сказала Замира.

Утром, не заходя в свой кабинет, Надежда прямиком направилась к товарищу Александрову.

- У себя? – спросила она у диспетчера Паниной Алисы, которая на данный момент времени дополнительно исполняла ещё и функциональные обязанности секретаря.

- Да, у себя. Проходите, Надежда Владимировна, - ответила Панина.

Не успела Лопухина закрыть за собой дверь кабинета и поздороваться, как председатель встал и вышел из-за стола:

- Надежда, ничего не говори, я всё знаю в подробностях. Я так же знаю причину твоего прихода. Значит, так… - почесал затылок председатель. – Я сейчас дам команду бухгалтерии, что бы они выделили тебе необходимую сумму. Выбери, какой нужно день тебе и со Степаном езжайте в район и купите, что надо для ремонта. О деньгах не думай. Дадим, сколько нужно. И машину выделю…

- Ой, спасибо Вам огромное, Константин Егорович! Я всё отдам с получки! Обещаю! – еле сдерживая эмоции, стала благодарить руководителя Надя.

- Не перебивай! – одёрнул её Александров. – Значится так, отдавать ничего не надо. Это, считай, что материальная помощь тебе. У нас есть такая статья расходов. Это первый момент. И второе – сколько нужно тебе человек, чтобы помочь восстановить твоё жильё?

- Нет, нет! Спасибо, Константин Егорович, но никого не нужно! – отказалась от помощи третьих лиц, Лопухина. – Мы всё сделаем сами. Нас пять человек и так – я, Стёпа, сестра Степана, её муж и старший их сын. Так что управимся сами… Спасибо!

- Ну-ну, хватит благодарить! – более строго сказал председатель. – Мы должны помогать друг другу безвозмездно. Ты у меня одна из лучших работниц в колхозе. Степан тоже работник отличный… Ну, бывает, почудит, но, как работником, я им доволен. Да и хозяйство наше – это семья. Не нужно об этом забывать… Погоди, я сейчас…

Он открыл дверь и обратился к диспетчеру-секретарю:

- Алиса, позови-ка ко мне главного бухгалтера.

- Её нет сегодня. Вы же сами её отпустили. Она же на похороны в Ленинград уехала, - ответила девушка.

- А! Ну, да! Я и забыл, - поправился Александров. – Ну, тогда кликни ко мне Васильеву.

- Хорошо, Константин Егорович, - ответила Алиса.

В кабинет вошла полная и громоздкая женщина – Васильева Нона Карповна, работавшая главным экономистом колхоза «Путь имени Ленина». Она была всегда угрюма, не разговорчива и очень строга со всеми, с кем приходилось ей пересекаться в работе. У неё никогда не было ни мужа, ни детей. Главным экономистом в колхозе Нона Карповна работала всего лишь четвёртый год. До этого она проживала в Киеве. Там у неё была своя двухкомнатная квартира, которая находилась в многоэтажном доме, почти в самом центре города – на Крещатике. В «Трудовой книжке» экономиста Васильевой стояли всего лишь две записи – о приёме на работу и увольнение с неё по собственному желанию. Нона Карповна всю свою жизнь отработала бухгалтером-экономистом в следственном изоляторе города Киева. Её переезд в колхоз «Путь имени Ленина» был не случайным. Семь лет назад в среднюю школу колхоза была направлена её двоюродная племянница, которая после окончания педагогического института должна была отработать три года. Пока девушка была на «отработке» Нона Карповна приезжала к ней два раза в гости. Васильевой очень понравилась местность, а особенно люди, которые жили в деревне. Их отзывчивость, доброта и открытость поразили киевлянку. К тому же, она очень устала от городской суеты. Уже в последние годы работы в СИЗО Васильеву стало сильно тянуть в сельскую местность. Но, так как она не имела загородной дачи, а в её распоряжении была всего лишь квартира в центре города, то Нона Карповна решила отписать её племяннице, потому что ближе родственников, чем двоюродная племянница, она не имела. К тому же, так сложилось, что после «отработки» молодая учительница приехала погостить к тёте и познакомилась с молодым лейтенантом милиции, коренным киевлянином, который только что окончил Высшую школу милиции в Москве и приехал в родной город для дальнейшего прохождения службы. Молодые вскоре поженились и переехали в квартиру тёти Ноны, которая в свою очередь, собрала свой небольшой скарб и отправилась в одну из деревень колхоза «Путь имени Ленина». Васильева ехала в конкретное место, будучи твёрдо убеждённой в том, что у неё уже есть работа, потому что, когда она приезжала к племяннице последний раз, то заходила к товарищу Александрову и у них тогда состоялся обстоятельный разговор по поводу её трудоустройства. Когда Константин Егорович узнал, какую она имеет специальность и каков её стаж, то без лишних слов твёрдо пообещал Ноне Карповне хорошую зарплату и отличное служебное жильё, которое останется за ней пожизненно. Если в плане работы она была настоящим профессионалом, то вот в вопросах общения с людьми это был очень тяжёлый и суровый человек. Со временем люди привыкли к такому жёсткому поведению нового главного экономиста, понимая и то, где и с кем она отработала всю жизнь, что по неволе оставляет на человеке огромный психологический отпечаток. Как говорили сами жители: «…Как тут не станешь холодным и суровым, если всю жизнь просидишь в тюрьме!...» - считая её работу в стенах заведения таким же отбыванием срока, как это было у осуждённых.

Если Нона Карповна к женской половине относилась лояльно, то мужчины действовали на неё, как красная тряпка на быка. На протяжение трёх с половиной лет её работы в колхозе, было уже несколько случаев, когда Васильева применяла физическую силу в отношение того или иного колхозника. Она могла столкнуть с лестницы, идущего навстречу, совершенно постороннего ей мужчину. Так же, пару раз проявлялись факты того, как она за шиворот, как шелудивых котят, просто выбрасывала мужчин из конторы правления колхоза. Её неимоверная сила и крупное телосложение вкупе с тяжёлым и жёстким характером, наводили ужас и трепет на мужиков-колхозников. Порой, даже Константин Егорович побаивался своего главного экономиста, хотя старался внешне никаким способом не показывать этого…

- Нона Карповна, нужно помочь людям. У них вчера приключилась беда. Чуть дом не сгорел. Так что, выделите необходимую сумму, которую скажет Надежда Владимировна, что бы они смогли сделать ремонт…

- Ничего себе, - грубо перебила своего начальника экономист. – Года не прошло, как мы там делали капитальный ремонт. Что, опять им выделять деньги?

- Уважаемая Нона Карповна, - старался своим мягким и спокойным тоном снизить градус напряжения, продолжил председатель. – Так зачем на их квартиру? Оформите на другую. Что, у нас мало служебного жилья, через которое мы сможем оформить ремонт у Лопухиных? Ну, да не мне Вас учить, моя дорогая, товарищ Васильева. Вы лучше меня знаете, как это можно сделать…

- Как надоела мне эта бестолковая молодёжь… - выходя из кабинета Александрова, недовольно пробубнила себе под нос главный экономист.

Все необходимые денежные средства для внутреннего ремонта квартиры, как обещал председатель, были выделены в этот же день. В случае, если финансов не хватит, то Александров пообещал дать ещё.

«Главное, - как сказал он. – Чтобы квартира приобрела тот же самый вид, какой была до происшествия…». Так же, Константин Егорович освободил от работы сроком на три дня, своим устным приказом, Степана и Надежду.

На следующий день, рано утром, Лопухины поехали в райцентр, чтобы закупить всё необходимое. Для этого им был выделен колхозный автомобиль УАЗ-«буханка». Покупка растянулась на весь день. Надежда и Степан ходили по магазинам, стараясь найти обои, ткань на занавески, тюль, «водоэмульсионку» и всё остальное, подешевле. Но цены, практически, были одинаковые во всех магазинах города. Разница была в пять-десять копеек.

Вечером, уставшие и голодные Лопухины приехали домой. На их удивление, Замира приготовила очень вкусный ужин, заранее накрыв стол прямо в зале. Меню состояло из шести блюд, что, в первую очередь, очень порадовало хозяина, который ещё по дороге обещал жене съесть все припасы, находящиеся в доме. Хорошо поужинав, хозяева и гости единогласно решили лечь спать пораньше, чтобы встать на зорьке и начать ремонтные работы.

Остальные, отведённые председателем два дня, бригада из пяти человек трудилась не покладая рук, за исключением завтрака, обеда и ужина. Женщины всё капитально намывали, оттирали, варили клей для обоев, а Замира ещё и сшила новые занавески во все комнаты и кухню из той ткани, которую Лопухины купили в райцентре. Мужчины выполняли более сложную работу, чем женщины. Они клеили оби, перетаскивали мебель и вещи, переставляя их из угла в угол, тем самым, готовя стенки для очередной оклейки их обоями. К вечеру третьих суток все работы были завершены. Квартира стала ещё краше и светлее, как отметили сами работники. В процессе всего ремонта в доме раздавался смех и шутки, что очень помогало в совместной работе, а главное – всех сближало. Никаких споров, скандалов и ругани за три дня не было вообще, что играло большую позитивную роль в рабочем процессе. Кульминацией мероприятия стал ужин, который обе женщины начали дружно готовить сразу же после обеда.

На следующий день вечером в дверь квартиры Лопухиных постучался Федька Капустин.

- Чего тебе надо? – недовольно спросила нежеланного гостя Надежда, выйдя из кухни в прихожую.

- Стёпу позовите, - ответил Федька.

- Стёпу тебе? А зачем? Опять хочешь моего мужика втянуть в какую-то афёру? Иди отсюда!

- Надежда Владимировна, какая афёра? Никуда я его втягивать не буду, - взмолился Капустин. – Мне переговорить тет-а-тет надо с ним. Ну, поверьте, честное слово! Позовите его, пожалуйста.

- Стёп, тут к тебе аферюга Капустин пришёл. Выйди. А то ведь не выгнать его будет, - сказала Надежда, зайдя в комнату, где муж и родственники смотрели телевизор.

Лопухин с Федькой вышли на улицу.

- Чё те надо? – грубо спросил Степан.

- Стёп, ну чё ты так? Просто помощь твоя нужна. Честное слово, никакого мошенничества. Мамка к тебе отправила. Не веришь – спроси у неё…

- Ничего ни у кого я спрашивать не стану, - перебил собеседника Лопухин. – А тебе что, опять дрова привезти надо? Или, может быть, ещё один холодильник продаёшь?

- Да, брось, Стёп. Ну, что было, то – было. Как говорят – кто старое вспомнит, тому…

- Ты мне по ушам не езди, умник. Говори конкретно, чё надо?

- Вот это уже другой разговор, - обрадовался Федька. – Короче, у нас в соседнем колхозе «Красный Октябрь» живут родственники – мамкина сестра. А у нас кончилась картошка. Чуток не дотянули… Ну, одним словом, мамка позвонила ей и попросила три мешка. Тётка даёт, без вопросов. Так надо привезти на чём-то. А кроме тебя никто не привезёт. Ты же сам понимаешь, друг.

- Уже «друг»? Я всегда думал, что друзей не обманывают и не подставляют… Ладно. Когда надо привезти?

- Давай в выходные. Мамка сама отпросит тебя у Егорыча. Да, чуть не забыл, она тебе литру поставит…

- Да, пошёл ты, со своей литрой! – выругался Степан. – Если бы не твоя бедная мать, я б тебя на порог не пустил… Ладно, скажи матери, что привезу…

- Спасибо, Стёпа! - обрадовался такому ходу событий Капустин, убегая со двора, пока тот не передумал.

С наступлением воскресенья, он вновь с утра пораньше прибежал к Лопухиным. Степан ещё спал, забыв уже о том, что обещал привезти картошку Капустиным, в связи с чем, решил выспаться в этот день. Громкий стук в дверь разбудил всех в доме. Надежда вскочила с кровати и выбежала на террасу.

- Кто там? – спросила она.

- Это я – Фёдор, Надежда Владимировна. Я за Стёпой…

- Ты что, опять пьяный что ли? Ты на часы смотрел? – заругала она незваного гостя.

- Никакой я не пьяный. А времени уже восемь часов. Это ж не рано, - возмутился Капустин.

- Восемь? – засомневалась Надя. – Ладно, сейчас позову.

Она зашла в спальню и толкнула мужа.

- Стёп, вставай. Там этот взбалмошный пришёл. Тебя зовёт.

- Кто пришёл? – не открывая глаз и до конца, ещё не придя в себя, спросил супруг.

- Аферюга этот. Ну, Федька… Кто ж ещё?

Степан нехотя сел на кровати, только после чего открыл глаза и глянул в окно. Яркие солнечные лучи пробивались сквозь занавески спальни, что уже само за себя говорило о предстоящем жарком дне. Не спеша, надев брюки и рубашку, Степан зашёл на кухню, умылся и только после этого вышел на улицу к гостю, который с нетерпением ожидал его, бегая во дворе из стороны в сторону.

- А ещё говорил, что в армии служил. Полчаса портки надевал… - начал критиковать Лопухина Федька.

- Чё? Ты поговори ещё. Я вообще сейчас развернусь и спать уйду. Понял? – возмутился такой наглости Лопухин.

- Ладно, ладно. Чё ты сразу, Стёп, - изменил тон Капустин. – Я пошутил…

- Только имей в виду, я ничего таскать не буду. Твоя картошка – ты и тягай её сам. Понял?

- О! Интересные дела. Да у неё мешки огромные. Там картошки вмешается больше трёх пудов. Ты чё, Стёп? Мне же не поднять их…

- Это твои проблемы. Если хочет, то пусть соседей зовёт, а я поднимать и таскать ничего не стану, - зевая, резко отрезал Лопухин.

- Слушай, а дай мне в помощь тогда своего родственника. А?

- Какого родственника? – не сразу сообразил Степан.

- Ну, этого, который к тебе из Узбекистана приехал. А чё? Он тебе не откажет, а мне легче вдвоём с ним эти три мешка закинуть, - щебетал прямо на ухо собеседнику Федька.

Степан прикинул, что если там действительно будет некому помочь, то этот прохиндей Федька один не сможет закинуть три пятидесятикилограммовых мешка в тракторную телегу. А ему таскать или поднимать такие тяжести, пусть даже и вдвоём с Федькой, очень уж не хотелось. И он решил последовать совету бывалого, хотя ещё и очень молодого, афериста и пьяницы.

Жасур уже не спал, поэтому, когда, переговорив на улице с Капустиным, Степан вошёл домой, то застал своего родственника ходившим по квартире. Лопухин обратился к сестре, прекрасно понимая, что после того, как они с мужем «приготовили» плов на второй день после своего приезда, она не откажет ни в чём, особенно, если нужна личная помощь Жасура:

- Замира, скажи ему, что нужна помощь. Надо одному «хорошему» человечку три мешка картошки помочь закинут ко мне в телегу.

- Да, конечно, Стёпа! – засуетилась сестра. – Конечно, конечно!

И на узбекском языке обратилась к мужу. Тот заулыбался, глядя на Степана, сразу ответив что-то Замире.

Втроём – Степан, Жасур и Федька отправились в колхозные гаражи за трактором. Там же, на территории мастерских, стояла тракторная телега Лопухина, на которой планировалось привезти картошку. До деревни, где жила Федькина тётка, было чуть более десяти километров, поэтому можно было не торопиться. Степан ехал медленно, потому, как дорога была не совсем хорошей. Всё дорожное полотно было покрыто мелкими ямками и походило больше на стиральную доску, к тому же, то – здесь там, то – там торчали камни и даже булыжники, которые способствовали сильной тряске. Именно по этой причине Федька залез к Степану в его тесную кабину, а Жасура они посадили в тракторный прицеп.

- Привет, племяш! – крикнула тётка из огорода, когда из кабины трактора выскочил Федька.

- Здорово, тётя Зоя! Я за картошкой приехал.

- Да я уж поняла, Федя. Забирайте её. Она на веранде стоит… - не выходя из огорода, сказала тётка.

Степан сидел в тракторе. Жасур, по знаку Федьки, спрыгнул с телеги и направился за ним в дом тёти Зои. Вытащив мешки на улицу, они стали вдвоём грузить их на прицеп. Погрузка прошла нормально, что очень удивило Лопухина. Узнав Капустина близко, особенно, после некоторых афёр, участником и жертвой которых был сам Лопухин, эта поездка за картошкой, даже к его родной тётке, всё равно очень настораживала Степана. Ощущение какого-то беспокойства и тревоги никак не покидало его.

- Всё, дружище! – залезая в тесную кабину трактора, сказал Капустин. – Поехали!

Трактор тронулся с места и покатил по деревенской дороге в сторону дома. В четырёх километрах от деревни тёти Зои дорога переходила из прямой в резкий спуск, который, в свою очередь, имел резкий поворот под прямым углом. Если в летний период только пьяные улетали на этом повороте в кювет, то зимой даже трезвые и опытные водители часто не справлялись с управлением и топили свою технику в огромных придорожных сугробах. Подъехав к началу спуска, Степан нажал на педаль тормоза, чтобы замедлить ход. Но по какому-то странному стечению обстоятельств именно в этот момент педаль тормоза провалилась в пол, и трактор стал быстро набирать скорость на спуске.

- Стёпа, тормози! Улетим же! – запаниковал Федька.

- Педаль завалилась! Чёрт бы её побрал! – начал вслед за пассажиром нервничать тракторист.

До поворота оставалось метров тридцать. Трактор нёсся, как взбешённый. Телегу кидало из стороны в сторону. Жасур, который сидел в ней, вцепившись крепкой стальной хваткой

в передний борт, округлил глаза до размеров пятикопеечной монеты. Он что-то кричал на узбекском языке, но его никто не слышал, а если даже бы и слышали, то до его слов никому не было бы дела.

- Извини, друг, но я выпрыгиваю! – открыв двери кабины и выскакивая из трактора, на ходу крикнул Федька.

Степан, прекрасно понимая всю трагичность ситуации, решил воспользоваться единственным шансом, чтобы не свалиться в глубокий кювет – стал быстро, но плавно тянуть рукоятку ручного тормоза на себя. Трактор послушно резко сбавил ход и всё-таки вписался в поворот. Лопухин остановил машину. Вышел из кабины. Только сейчас он ощутил холодную испарину на лбу и почувствовал влажность на своих ладонях. Жасур, как статуя, вцепившись в борт телеги, замер в мёртвой позе, с вытаращенными и не моргающими глазами. Степан подошёл к нему, но никакой реакции от узбека не последовало.

- Ты живой, Жасур? – спросил родственника Степан.

Тот всё так же молчал и смотрел вдаль, не обращая ни какого внимания на вопрос Лопухина.

- Ладно, отходи, а я пока этого предателя поищу, - сказал, скорее сам себе, чем Жасуру, Степан.

Он пошёл вдоль глубокого кювета, заросшего кустами и камышом.

- О-о-о… О-о-о… О-о-о… - услышал Федькины стоны Лопухин.

Он подошёл к тому месту, откуда доносился голос афериста Капустина. Среди поломанных кустов, в грязной луже, среди камышей, барахталось тело.

- Ну, ты и гад, всё-таки, - с брезгливостью в голосе сказал Степан. – Я бы никогда так не поступил. Взял и бросил всех, спасая свою шкуру… Ну, да Боженька всё видит… Давай, вылезай, полицай!

- Стёпа, не могу-у-у… - продолжал стонать Федька. – О-о-ой, кажись ноги переломал… Помоги-и-и…

- Я говорю, вылезай, симулянт! Я не собираюсь тут стоять над твоей душой и упрашивать. Сейчас сяду и уеду… Слышь, чё говорю? Вылезай!

- Стёпушка-а-а, клянусь, не могу встать! Ноги ломит так, что сил никаких нет… Помоги, брат…

- Во! Уже братом называть начал. Гляньте на него! А десять минут назад извинился и свалил… Последний раз говорю – вылезай, подонок!

Диалог длился ещё минут пять, пока Степан, действительно, не стал всерьёз задумываться над словами Капустина. Он прикинул, что если на скорости, даже с малой высоты выпрыгнуть, не имея при этом никакой сноровки к таким манёврам, то ничего удивительного в том не будет, если действительно ноги окажутся переломанными.

- Лежи пока в луже. Я сейчас своего узбека приведу в чувство, а уж потом мы тебя вытащим с ним вдвоём. А то я же не Геракл. У одного меня силёнок не хватит.

- Хорошо… Только не долго приводи его в чувство. Ладно? А то я помру в этой канаве от боли и вони…

Степан подошёл к тракторному прицепу. Там, всё так же, не моргая и не шевелясь, всё так же, держась за борт телеги, сидел на корточках Жасур. Лопухин понял, что на слова он не реагирует, поэтому постарался разогнуть пальцы его рук:

- Ну, отцепись ты от телеги, басурманин! Чего же ты так вцепился-то? Да уже всё закончилось.

Всё-таки, оторвав руки узбека, Степан начал снимать его с телеги. В ходе этого процесса, тот начал приходить в себя. Он стал что-то быстро тараторить на своём языке, что больше походило на претензии руководства к своему подчинённому. Жасур, размахивая руками, что-

то старался объяснить Степану, громко ругаясь, периодически, вставляя в своё текст нецензурные русские слова, что очень забавляло Лопухина.

- Вот, что же вы все за народ такой? Как разговаривать по-нашинскому, так ни слова не знаете, а вот как материться, так к русскому языку обращаетесь… Странные вы люди…

Тащить товарища из глубокого кювета – это одно. Но вот, совершенно другим является буксировка из канавы человека, у которого есть серьёзные проблемы со здоровьем. Пока Степан и Жасур вытаскивали насквозь промокшего Федьку из кювета, тот орал на своих спасителей и проклинал всё на свете, а особенно тот момент, когда сел в кабину Стёпиного трактора и поехал за этой злополучной картошкой.

Когда погрузка Федькиного тела в тракторный прицеп подошла к концу, Жасур сел рядом с ним на картофельный мешок, стараясь успокоить пострадавшего, говорил он на своём родном языке спокойным и мягким тоном.

Трактор остановился возле дома Капустиных. Степан позвал, стоявших рядом мужиков, чтобы отнести Федьку домой, а за одно и выгрузить тяжёлые мешки с картофелем. Сам он не стал заходить в дом, избегая встречи с Любовью Филипповной, чтобы не стать главным героем большого скандала. Как только разгрузка картофеля и тела была завершена, Степан с Жасуром сразу же уехали. Они оба были уверены в том, что Федька получил сильные ушибы, поэтому ничего страшного с ним не произошло. Но это были только лишь их личные предположения. На самом деле, когда мужики на руках занесли матерящегося Федьку домой, то мать сразу же позвонила фельдшеру Анастасии Матвеевой, которая приехала на автомобиле «Скорой помощи» деревенского медпункта, сразу же диагностировав закрытые переломы обеих голеней.

- Ну, что, Феденька-сынок, видимо, Боженька решил тебя остепенить, что бы ты сделал перерывчик, - услышав диагноз, сказала Любовь Филипповна. – Может грех так говорить матери, но я в какой-то степени рада, что у тебя впереди два месяца трезвой жизни. Да, к тому же и не влипнешь никуда. Я хоть буду спокойна, что тебя положат в больницу и что за тобой уход будет хороший…

Но какие бы слова не говорила и, как бы себя и сына не успокаивала Любовь Филипповна, а сердце матери не камень. С одной стороны она действительно была рада тому, что сын какое-то время не будет пить и болтаться, но с другой – как мать, она по-настоящему ощущала Федькину физическую боль в своих ногах, как будто это она сломала их, а не сын. Очень жалея своего беспутного отпрыска, она вышла из его комнаты, пока фельдшер что-то писала, и дала волю чувствам. Слёзы из глаз матери лились ручьём.

- Любовь Филипповна, - выходя из Федькиной комнаты, обратилась к плачущей матери Анастасия.

- Да, Настя. Я здесь. Что там?

- Мы сейчас отвезём его в район. Там надо сделать рентген и, уже потом, врач скажет, что да как. Но то, что у него переломы, это – факт, Любовь Филипповна, - вынесла свой вердикт фельдшер Матвеева.

Водитель «неотложки» и один из соседских мужиков, живущий через дорогу от дома Капустиных, погрузили больного на носилки и отнесли к машине.

Как и предполагала мать, врач-травматолог районной больницы Авилов Николай Фомич, внимательно изучив рентгеновские снимки, пообещал Федьке, как минимум, полтора месяца покоя.

- А дальше, молодой человек, видно будет… - закончил такими словами доктор.

Наложив два толстых гипса, Федьку положили «на вытяжку», что усложняло само положение больного, так как он должен был оставаться недвижим некоторое время, что само по себе требовало дополнительного ухода со стороны. Кто же, кроме матери, может по-настоящему ухаживать? Поэтому Любовь Филипповна уехала из деревни и поселилась в городе, через

дорогу от больницы, где сняла небольшую комнатку, откуда уходила рано утром и куда возвращалась поздно вечером, чтобы просто переночевать…

…Уже пропели вторые петухи. Солнце вылезало из-за верхушек елей, тех, что росли за пригорком. Вся трава блестела утренней росой. На небе не было ни облачка, и июльский день обещал быть солнечным и жарким, если не сказать – знойным. Жители деревни занимались окучиванием картофеля на своих участках. В этот день многие селяне, не успевшие окончить эту работу, вновь с утра собирались выйти на свои картофельные участки. Окучивание производили везде по-разному – где участок большой, то трактором, а где он был маленьким или находится за избой, то рабочий процесс производился при помощи лошадей, а, порой даже – тяпками вручную.

Рано утром, встав, как обычно, со «вторыми петухами», Степан, стараясь никого не разбудить, подошёл к холодильнику и достал оттуда трёхлитровую банку простокваши. Он очень любил с утра пить её холодную, жадными и большими глотками. После того, как он, не отрываясь, выпил почти целую банку, к нему подошла Надежда, недовольным и сонным тоном, спросила:

- Стёп, когда картошку-то окучивать будем? Главное – трактор ведь есть. Людям проезжаешь, а дома весь участок скоро лебедой порастёт.

- Хорошо – коротко бросил Надежде Лопухин, убирая остатки простокваши в холодильник.

- Что значит «хорошо»? Ты сегодня займись этим делом. Или мне к Константину Егоровичу подходить надо?

- Какой Константин Егорович? При чём тут Константин Егорович? Ты же понимаешь, что помимо своей картошки я ведь ещё и колхозную окучиваю… Ладно, Надюш, всё сделаю сегодня – окучим, не переживай! Ты Улугбека разбуди сейчас. Он просил меня взять его на работу. Хочет на моём тракторе самостоятельно поокучивать. Вчера вечером спрашивал.

- Он тебе наокучивает, - возмутилась супруга.

- А чего? Хочет парень помочь – пусть поможет. Тем более и Замира говорила, что он у них с бахчи дыни вывозит на тракторе уже четыре года. Представляешь, ребёнок уже освоил трактор! Так что, всё нормально будет. Ладно, я пошёл, а ты не забудь разбудить парня…

Степан, порывшись на вешалке, среди своего рабочего белья отыскал брюки. Рядом с ними висела, пропахнувшая насквозь дизельным топливом, рубашка. Как солдат в армии после команды «Подъём!», он быстро натянул всё на себя и, уже застёгиваясь на улице, прихватив в прихожей, приготовленную Надеждой заранее, сумку с обедом, направился за своим трактором в колхозные мастерские. Через сорок минут трактор Степана уже пыхтел, стоя у калитки дома. Улугбек уже был готов и вышел навстречу дяде.

- Ну, что, племяш, поехали? – хлопнув по плечу подростка, с улыбкой сказал Лопухин.

- Да, - в ответ, улыбнувшись дяде, ответил парень.

Весь рабочий день оба родственника не покидали маленькую и душную кабину трактора Т-40, за исключением двадцатиминутного перерыва на обед. Помимо их, на огромном колхозном картофельном поле работало ещё шесть колёсных тракторов. Улугбек практически не знал русского языка, за исключением таких слов, как: «да», «нет», «спасибо», «здравствуйте», «до свидания» и ещё с десяток таких же простых, часто применяемых в быту. Поэтому, находясь вдвоём с Улугбеком, Степан молчал, иногда бросая добрый взгляд на племянника. После работы, возвращаясь с поля в тракторные гаражи уставшими, и изрядно проголодавшимися, родственники остановились по просьбе двух старух-соседок – бабки Розы Мельниковой и бабки Ирины Кольцовой.

- Ой, Стёпушка-батюшко, - перебивая друг друга, запричитали старухи. – Ты вон, глядим, с окучником едешь?

- Ну, и что? – начал подозревать Степан, что от него хотят две бабки.

- Окучь нам картошечку. А то ведь, почитай, все уже окончили, а мы даже и не починали. А лебеда-то через неделю всю картошку накроет. Погода-то, сам, поди, видишь, какая стоит, - продолжала лепетать бабка Роза.

- Да мы же голодные, только с работы едем. Может через два дня всё-таки? Закончим с колхозными полями и тогда уже без вопросов, - постарался увильнуть от подвернувшейся халтуры Лопухин.

- Какие два дня, Стёпушка? – переняла эстафету бабка Ирина. – Не могём мы эстолько ждать… А то, что вы голодные, так чичас решим вашу проблему! Так ведь, Роза?

- Да, решим! – поддержала подруга свою соседку.

- Ну, что, поможем? – спросил Степан племянника, прекрасно зная, что тот ничего не понял.

- Да, - улыбнулся Улугбек.

Лопухин подмигнул парню и обратился к старухам:

- Тогда бегите пока за «продовольствием», а мы, благословясь, начнём, – с видом настоящего руководителя заявил тракторист.

Спустя два часа, на лужайке у колодца, в центре деревни, на траве лежали Степан и колхозный столяр Тютя, дымя сигаретами, пересчитывали заработанные деньги. Вокруг их крутились жители, желающие воспользоваться услугой и окучить картофель на своих участках, кто ещё не успел этого сделать. Рядом с колодцем, на боку лежал Тютин велосипед «Урал», вокруг которого местные жители складывали «жидкую валюту». Напитки, принесённые деревенскими, представляли большую спиртовую гамму. В «коллекцию» входили: портвейн, самогон местной перегонки, водка, пятизвёздочный армянский коньяк, а кто-то даже принёс недопитую в новогоднюю ночь бутылку «Советского шампанского», заткнутую «чопиком», скрученным из куска бумаги, грубо оторванного от одного из предновогодних выпусков районной газеты. Тютя достал из потайного кармана своего старого, модного в послевоенное время покроя, пиджака, упаковку с таблетками. Взяв одну из них, он закинул её себе в рот и запил портвейном, который был наполовину налит в гранёный стакан.

- Ничего себе! Ты чего, таблетки портвейном запиваешь что ли? – удивился увиденному Степан.

- Да. А чёво таково? – в свою очередь, столяр удивился вопросу Лопухина.

- Да нет, ничего. Просто вижу такое первый раз… А таблетки-то от чего? – решил уточнить Степан.

- От сердца. Худо мине стало как-то. Увезли меня в район, в больницу. Врачи поглядели и спрашивают – пьюший я, али нет? Я им говорю, што есть такое дело. А они мне сказали, што сердечко у миня стало, как мочалка и мне нельзя теперь водочки.

- Ну, а зачем пьёшь тогда? Врачи же тебе запретили, - уточнил Степан.

- Так они мне водочку запретили. А я иё никогды и не пил. Вот и верь им, врачам этим – мне врут в глаза, что от водки сердце в мочалку превратилось, а как оно превратится, коли я иё и не пью совсем? А? Вот про что слова не сказали, так это про «портвешок». Только вот таблетки прописали. А с «портвешком» я их попробовал и знаешь, как они хорошо идут? Загляденье!

После окучки очередного картофельного участка, делался перерыв минут на десять, во время которого производилась дегустация напитков. Возлияния производились малообъёмными и, строго контролируемыми, дозами – по стопке, но не более. Перед окучиванием двенадцатого участка Степан понял, что за руль трактора надо вместо себя посадить племянника – Улугбека, потому что количество выпитого за вечер равнялось уже, как минимум, одиннадцати стопкам. На очереди был участок старого идейного большевика, ветерана Гражданской и Отечественной войн – деда Корнея. Старик очень переживал за то, что первую окучку картофеля ему не удалось провести по причине своего отсутствия – он в тот момент лежал в районной

больнице с подозрением на инфаркт. По традиции, дед внёс свой посильный вклад, положив в общую кучу бутылок пол-литровую бутылку своего «первака», а также, подал Степану синюю пятирублёвую купюру. Он сел у колодца, рядом с Тютей, наслаждаясь беседой с хорошими людьми, которые из вежливости к возрасту, сделав исключение, преподнесли деду стопку его же самогона. Старик выпил, сказав перед этим длинный тост, в котором осыпал тракториста Лопухина хвалебными речами:

- Вот, мужички, кажу вам честно, что я Стёпу знаю мало. Но уже много слыхал про его! Деревня, одним словом! Ну, так, вот… Коды я был ишо в дикой молодосте, то был такой жо – помогал всем односельчанам. Был таким жо отзывчивым и внимательным, а особенно, к старикам! – специально громко говорил Дед Корней, что бы все слышали его слова. – Я тожо работал на трахтуре после войны. Вот, гляжу на Стёпу и себя вижу в ём! Трахтурист-то он какой! От Бога! Вот щас окучит и можно до копки на участок не ходить. Да делать там будет нечёво! Ай-да, молодец, парень! Правду говорю, Стёпушко?

- Ладно, дед, совсем захвалил. Сглазишь ведь, - засмущался Лопухин. – Ты меня, конечно, извини, но вместо меня племянник проедет. А то я чего-то устал сегодня. Ты не против такого дала, дед?

- Ой, да буде… Буде тебе! У такого дядьки и племянник хорошой трахтурист! Это сразу видно… Только чой-то узкоглазенькой он какой-то… Не наших кровей, однако, будёт. Нагулянной чё ли? – стал пристально вглядываться в глаза Улугбека старик.

- Не-е-е, не нагулянный. Просто в Узбекистане они живут. Мой дед и его прадед были братьями родными… - начал с улыбкой объяснять осторожному и внимательному старику своё родство с парнишкой, Степан.

В это самое время Улугбек молча сидел рядом с дядей, делая вид, что внимательно слушает, улыбаясь в ответ, особенно в те моменты, когда слышал своё имя.

- Улугбек, окучь последний участок, и поедем домой, - показывая жестами племяннику, сказал Степан, чувствуя, что больше не надо пить, потому что ещё одна стопка будет для него лишней.

Парень, улыбнувшись в ответ, кивнул дяде и, встав, направился к работающему трактору. Хозяин участка – дед Корней, не присутствовал во время заезда трактора на его «картофельник», а продолжал сидеть у колодца, рассыпаясь в хвалебных речах перед Степаном.

- Вот и паренёк у тебя смышлёной, гляжу, хоть и не русской, - продолжал, охмелевший от самогона, дед.

- А мы плохих трактористов и не держим! – испытывая гордость за племянника, поддержал деда, Лопухин.

- Правильно, Степан Сергеич! – с твёрдостью в голосе, протягивая руку для рукопожатия, произнёс дед Корней.

В это самое время на дороге появился трактор.

- Во! Глядите! Едет! Ходкой больно уж на ногу твой племянник, Сергеич! Ай-да, чертяка! – тряс палкой над своей головой и, возводя хвалу Улугбеку, громко говорил дед. – Я думал, что он ешо окучивает, а он уж «в шубе рукав»! – с восхищением и благодарностью, за быстро проделанную работу, воскликнул в добавление к вышесказанному, старик.

Трактор остановился. Из его кабины с испуганным видом выскочил Улугбек.

- Что случилось? – плохо выговаривая слова и, тяжело поднимаясь, на уже порядком ослабевшие ноги, спросил Степан.

Вдруг, из ниоткуда, появился местный пастух Никола.

- Здорово, мужики! Как бизнес? Много денег заработали? – с непонятным ехидством и загадочной ухмылкой, спросил он.

- Чёво, «полковник», выпить захотел? Вот хрен тебе! Понял? – с нескрываемой злобой, показывая кукиш, ответил пастуху, сильно охмелевший дед Корней. – Знаем мы вас, халяв-

шиков! Не твоё коровье дело, кто и сколько заработал! И вообще, пошёл ты отседова! «Полковник» с перегаром – корова без удоя! Слыхал? – отталкивая палкой Николу в сторону, возмущался старик.

- Слыхал, слыхал… - спокойно ответил пастух на агрессию деда. – Да вот только ты посылать участкового будешь, когды тот с допросами придёт.

- Какой участковой? Чёво-то не понял, – начал трезветь старик.

- А такой! – поняв уже своё превосходство над пьяным престарелым человеком, более уверенно, ответил пастух. – Этот вот паренёк столб снёс.

- Чёво? Какой столб? – уже и впрямь испуганным голосом заговорил дед.

- Какой, какой… Костяной, да мясной! Вот какой! – опять съязвил Никола. – Я коров гнал, а этот крендель ехал. Смотрю, кривули наворачивает. Ну, думаю, кучи коровьи объезжает. Пригляделся, а это какой-то новенькой на Стёпином тракторе! Ну, я ему махнул, а он вместо того, чтобы на тормоз нажать, мне так кажется, педали перепутал и нажал на газ. Представь, дед – прямо коровы мои и я, справа – канава, ну а слева – столб. Вот он как, Илья Муромец, дорогу-то и выбрал. Короче, столб он снёс «окучником», напрочь! Вот. Так что сворачивайте свою скатерть-самобранку, да растворяйтесь, кто куды, – закончил свой доклад пастух.

- Сергеич, не слухай ёво! Врёт он со злобы, что не наливаем ёму! – закричал дед Корней.

- А ты, старый, сильно-то не пыли в мою сторону, - на этот раз Никола адресовал свои слова деду. - Ты вообще, судя по всёму, без картошки зимовать будёшь! А ты, Стёпа, я не шуткую, иди, и столб ставь на место, коли твой трактор его своротил…

- Чёво городишь? – закричал на Николу старик. – Как это я зимовать без картошки буду?

- А иди, да глянь сам на свой картофельник. Этот вон тракторист – показал указательным пальцем в сторону, где стоял Улугбек, пастух. – Тебе картошку не окучил, а вспахал! Ха-ха-ха…

- Слышь, Сергеич, надо бы мне домой срочно… М-да-а-а-а… - заметался дед. – Спасибо за угощение и за картошку… Ладно, побёг я, – сорвался с места, как ошпаренный крутым кипятком, дед Корней, как будто, не пивший вообще. Только подтянул, подвязанные каким-то старым кушаком, штаны, сунув клюку под мышку, и резвой походкой засеменил домой.

- Какой столб? – не понимал, о чём говорил пастух, уточнял Степан.

- Какой? Какой? Электрический. Он свернул окучником столб, даже искры полетели. А столб-то световой…

Эти слова Николы, как током прошли через всё тело Лопухина. Он даже протрезвел.

- Ты что натворил, нерусь? – закричал на подростка дядя. – Ёлки зелёные! Вот тебе и приехали гости! То чуть дом не сожгли, теперь ещё и столб свернули! Ты слепой что ли?

- Да, - только и ответил Улугбек, не понимая, о чём говорит дядюшка.

Тютя, от шумных разговоров, мыча и выговаривая невнятным языком, нецензурные слова, цеплялся за угол колодца, и пытался встать, толком не осознавая своего местонахождения.

В этот вечер Надежда выходила на улицу с последней верой на окучку своего картофеля, она вглядывалась вдаль и прислушивалась к звукам работающего дизельного двигателя. Но с каждым разом разочаровывалась в своих ожиданиях и уходила обратно в дом.

Весь обратный маршрут до колхозных мастерских Степан и Улугбек ехали молча. За рулём трактора сидел сам Лопухин. Сделав по пути две остановки, дядя и племянник, наконец-то, добрались до тракторного «бокса». Улугбек помог закрыть гараж и быстрым шагом направился к дому. Степан, не спеша, следовал за ним. Проходя мимо Куропаткиных, живших через два дома от Лопухиных, он непроизвольно повернул свою отяжелевшую голову в сторону их огорода, где, к своей радости, на перспективу немного поболтать, увидел два расплывчатых силуэта – Николая и его жены Светланы. Он подошёл к забору, облокотившись на него, стал приветствовать хозяйку, которая стояла, согнувшись над одной из грядок:

- Здравствуй, Света! – проявляя уважение к соседке, произнёс Степан. – Чё молчишь-то? Привет, говорю! – поприветствовал он ещё раз женщину, после некоторой паузы, сопровождаемой полным молчанием со стороны соседей на его приветствие.

Удивляясь такому хамству, которое заключалось в полном игнорировании Лопухина не только как соседа, но и как личности, он достал последнюю, разорванную в четырёх местах, сигарету, закурил и продолжил свой диалог дальше, но уже с нескрываемой обидой в голосе:

- Да ты чё, в натуре, Светка, обиделась на меня, что ли? Коль уж не хочешь здороваться, тогда так и скажи, а то отвернулась и стоит, как мумиё египетское! Тьфу! – не скрывая своё недовольство, плюнул в сторону силуэтов, Степан.

Помолчав ещё несколько минут, докурив сигарету, плюнул на окурок, тем самым затушив его, он продолжил:

- Да я тебя теперь, Светка, больше знать не хочу! И больше, чтоб твоей ноги у меня в доме не было! Пошла ты, дура! Тьфу! А ты, Коля, чего стоишь и молчишь? Или у тебя в доме баба хозяином является? Не знал я, что ты «подкаблучник», сосед! Ох, не знал… Ладно, и ты тоже пошёл, куда подальше! Тьфу, на вас! – ещё раз сплюнул Степан, уже с нескрываемой обидой на соседей и направился к своей калитке.

В этот самый момент на крыльце своего дома давились от смеха сама Светлана и её муж. Пока Степан вёл разговор с чучелами, те сидели на крыльце и наблюдали за проходящим диалогом. О том, что в огороде были поставлены два чучела, одетых, как специально, одно – в одежду Светланы, а второе – имело облик мужчины, одетое в одежду Николая, Степан даже и подозревать не мог, потому что Куропаткины поставили их за пару часов до прихода Лопухина. Чучела являлись единственным способом для их семьи, чтобы оградить грядки от полчища огромных ворон.

Солнце быстро поднималось из-за крон деревьев. На траве лежала утренняя роса. Через марлю, вставленную во фрамуги окна и облепленную мошкой и комарами, раздавались разноголосое птичье пение. Природа радовалась теплу и солнечным лучам. Степан, традиционно, открыл глаза после вторых петухов. Состояние души и тела было прежним. В голове крутились вопрос: «Что было вчера?». Он встал с кровати и подошёл к холодильнику, достал из него простоквашу, которую он пил, крепко держа трёхлитровую банку дрожащими, «после вчерашнего», руками.

«Как-то странно – Надюхи нет дома…» - закралось какое-то подозрение в голову Степана. – «А-а-а, обиделась из-за картошки… Понятно…», - успокоил он сам себя. Но только он успел так подумать, как с улицы в дом зашла Надежда и как бы невзначай, мимоходом бросила:

- Вчера вечером ГАИ приезжало к Николе.

- Да? – не понял намёка Лопухин. – А зачем это? У него мотоцикла даже нет.

- Да, говорят, вчера он видел, как какой-то молодой парень на твоём тракторе картошку у них в деревне окучивал. Да так наокучивал, что у деда Корнея вместо окучки участок поперёк пропахал. К старику фельдшера медпункта Настю Матвееву на «Скорой» привозили. Ведь чуть было не помер, бедолага, когда участок свой с вывороченной картошкой увидал. А, главное – столб снёс, да так, что сгорело четыре телевизора и семь холодильников в деревне. Вот попал кто-то. Жалко. Но, непонятно одно – кто это был? А ведь ещё и угон трактора припишут. Одним словом, тюрьма парню будет, когда его найдут. Кстати, участковый уже с утра ездит на мотоцикле своём и показания собирает. К нам приезжал, тебя спрашивал. Я сказала, что спит пьяный. Он сказал, что заедет потом. Вот такая нехорошая картинка вырисовывается, Степан. Ну, да пусть отвечает тот, кто это сделал. Правда? Ладно, хоть ты ту не при чём…

Степана пробила дрожь. На лбу выступила не просто испарина, а появились крупные капли пота.

- И что говорят люди, Надюш? – с надеждой, что жена хоть как-то успокоит его, спросил он.

- А ничего. Ладно, хоть ещё Константин Егорович в командировку позавчера уехал на неделю. А тот, кто угнал у тебя трактор – пропал, однозначно!

Внимательно выслушав все ужасы своей супруги, Степан прошёл в комнату, включил телевизор, сел в кресло и просидел молча до самого позднего вечера, не сказав никому ни слова. Гости, понимающие, что что-то случилось, старались не подходить к нему, а тем более, ничего у него не спрашивать. Они считали, что, если нужно будет, он сам всё им расскажет. Надежда всё прекрасно знала – кто окучивал деду Корнею картофель, и кто сбил столб. Ей в подробностях всё рассказали сами свидетели – жители той самой деревни, где Степан провёл весь свой вчерашний вечер. Она знала и о том, что местные электрики, из-за уважения, непосредственно к самой Надежде, своими силами поставили столб и восстановили подачу электричества. Начальник местного энергетического участка сам позвонил Наде. Он сказал, что многие, не совсем порядочные жители деревни, свои старые сгоревшие телевизоры и холодильники решили списать на Степана. А так же добавил, что бы она не переживала по этому поводу, так как он уже договорился в районе с одним из опытных мастеров по электроприборам, который приедет и каждую единицу проверит на истинную причину поломки. На основании проведённой экспертизы, специально созданной комиссией, было признано, что всего по причине аварии, сгорело два холодильника и три телевизора, за ремонт которых помог рассчитаться председатель колхоза товарищ Александров. Что касалось конкретно ГАИ, то инспектора, действительно, приезжали, но, выяснив причину аварии, сказали, что это не дорожно-транспортное происшествие и поэтому это не их дела. Но что-то говорить мужу обнадёживающее Надя не хотела. Она посчитала, что правильным будет - молчать, чтобы Степан понял свою вину и прочувствовал её сам. Когда, через неделю после всего случившегося, начался разбор в кабинете Константина Егоровича, Лопухин взял всю вину на себя и про племянника не сказал ни слова. Хотя он и не был пьяницей, а имел, наоборот, репутацию ответственного работника, но всё же, после этого случая он не брал в рот ни грамма спиртного более трёх месяцев.

Тютя так и не понял, с кем был связан этот переполох, и, вообще ему некогда было вникать в это дело. Он постоянно пил портвейн, периодически запивая им, прописанные ему терапевтом, таблетки, а поэтому у него были более важные дела – поиск халтур, благодаря которым он имел отличную возможность покупать этот самый портвейн.

Дед Корней целый месяц пролежал дома. У него был сердечный приступ, который диагностировали, как предынфарктное состояние. Но в районную больницу он ехать отказался, поэтому весь курс лечения, по строгому предписанию районного терапевта, проводила фельдшер деревенского ФАП Анастасия Матвеева. Он пообещал оторвать племяннику Степана голову, когда прочно встанет на ноги.

Понимая всю сложность сложившейся ситуации и то, что своим пребыванием в гостях у своих родственников, семья Рашидовых нанесла огромный ущерб Лопухиным, Замира, посоветовавшись со своим мужем Жасуром, вечером за ужином, решила сама начать неприятный для неё самой, разговор, который рано или поздно, кто-то должен был начать.

- Надя… Степан… - волнуясь, обратилась к брату и его жене, Замира. – Я хочу извиниться перед вами за то, что я со своим семейством создала вам большие проблемы и причинила вам материальный ущерб… Вы – люди очень добрые и вместо того, чтобы выгнать нас ещё после приготовления этого злосчастного плова, вы продолжаете терпеть наше присутствие… Сегодня мы с Жасуром посоветовались и решили, что больше не можем причинять вам бед, поэтому завтра мы поедем к себе… Что касается возмещения ущерба, который вам причинили, то мы вышлем вам все деньги сразу же, как только приедем домой… Только прошу вас, Стёпочка и Наденька, не держите на нас обиду и злость… Мы всё сделали не специально… Так ведь, Жасур? – толкнула она мужа в плечо, требуя тем самым поддержать её.

Жасур, не зная ни одного русского слова и, не понимая, о чём идёт речь, с улыбкой на лице просто кивнул головой в знак согласия с женой.

- Да ладно вам, - махнула рукой Надежда в ответ. – Ремонт, столбы, участок деда Корнея, всё это ерунда, Замира. Деньги, тоже не главное в жизни. Слава Богу, выкрутились и со всеми рассчитались. Да и на столе есть, что покушать. Через неделю получку получаем, так что, считай, что ничего не было. Главное в нашей жизни – родственные связи. Вот, вы молодцы, что приехали! Теперь ваши дети будут знать, что у них есть русские родственники. Будут рассказывать своим детям о нас. Когда у нас со Степаном появятся свои ребятишки – мы будем рассказывать о вас… Вот, что самое главное, Замира…

- Точно сказала, Надюш! – поддержал супругу Степан. – А деньги и всякие там затраты – это мелочи! Хотя, вообще-то, товарищи, надо стараться их избегать…

После этих слов, все сидевшие за столом родственники, дружно и громко засмеялись, что очень разрядило обстановку, которая держала в напряжении всех обитателей дома в последние дни…

Собрав все вещи заранее, узбекские родственники Лопухиных легли спать сразу же после ужина, чтобы утром встать пораньше и ещё раз, не спеша, проверить все свои документы и вещи перед отъездом. В этот раз Степан остался дома и не поехал провожать родню до райцентра. Да и сами Рашидовы не хотели докучать своим отъездом Лопухиным, поэтому сами предложили родственникам не беспокоиться, уверив тех в том, что доберутся до железнодорожного вокзала и спокойно уедут до Москвы, чтобы там сделать пересадку уже на поезд до своего дома – города Ташкента.

Степан и Надежда остались одни. У них появилась прекрасная возможность уйти в работу «с головой». Теперь не нужно беспокоиться о том – что и как приготовить гостям, чем занять их, пока хозяева на работе, и вообще, приходя, после тяжёлого трудового дня, не нужно остерегаться того, что придёшь не к дому, а тлеющим головешкам, оставшимися после пожара, который случайно могут произвести эти самые гости.

После отъезда семьи Рашидовых, Надежда вздохнула с облегчением, о чём даже поделилась с мужем:

- Стёп, а всё-таки, хорошо, когда мы вдвоём. Правда? Ведь когда гости, испытываешь какую-то ответственность. У тебя есть такое чувство – чувство ответственности?

- Не знаю, - пожал плечами Степан. – Но то, что без гостей мне лучше, это уж точно!

Колхоз окончил все работы на картофельных полях. Подходила к своему завершению и пора сенокоса. Оставалось всего лишь два дня до его завершения, согласно утверждённому плану.

У Степана и его напарника Феди Цветкова оставалось ещё две «карты», которые они должны были докосить и вывезти на «сушилку». Поэтому вставать обоим трактористам приходилось в четыре утра и приходили домой они в одиннадцать вечера. И так продолжалось чуть более недели. Напарники очень боялись одного – если вдруг один из двух тракторов сломается. О том, что могут поломаться обе машины – такой вариант не брался в расчёт вообще, потому что бригадиром была поставлена конкретная задача, а как она будет выполнена и на чём, это уже никого не касалось. Как сказал на одной из «полевых летучек» сам товарищ Александров:

- Сломаются ваши трактора – будете косить косой… Но «карты» что бы были скошены к, утверждённому Планом, дню!

Лопухин ждал того момента, когда закончится колхозный сенокос, и вся техника будет готовиться к уборочной страде. За последнее время он очень вымотался – то родня со всеми этими проблемами, то работа в хозяйстве, на которой все механизаторы находились почти круглосуточно. Ему хотелось поскорее загнать трактор в «бокс» и заняться в нём спокойно, без лишней суеты и беготни, техническими регламентными работами, то есть, смазывать механизмы, подтягивать гайки, чистить трактор…

И вот, это время пришло!

Сенокос в хозяйстве был официально окончен. По поводу этого наиважнейшего события в колхозном клубе было проведено открытое колхозное собрание, где до всех колхозников доводилась подробная информация о проделанной работе, а также подведены итоги по общим результатам этого грандиозного мероприятия. Но, так как любая работа с итоговыми отличными показателями всегда хорошо поощрялась во всех советских учреждениях, предприятиях и организациях, то и колхоз «Путь имени Ленина» не стал этому исключением и тоже строго придерживался данного «правила».

Как требовали традиции того исторического периода, сначала была проведена процедура открытия собрания. Сделал это секретарь, который в самом начале объявил повестку всего мероприятия. После этого он дал слово руководителю хозяйства – председателю колхоза «Путь имени Ленина» товарищу Александрову, который выступил с развёрнутым докладом перед колхозниками. Речь Константина Егоровича неоднократно прерывалась бурными и продолжительными аплодисментами, что не могло не радовать самого докладчика. Пока зал громко хлопал, председатель успевал налить из графина в гранёный стакан воды, выпить его, а потом, достав из кармана брюк большой голубой носовой платок, вытереть, покрытые крупными каплями пота шею и лоб, после чего зал замолкал, а оратор продолжал читать.

- Товарищи! Сейчас переходим к приятной части нашего собрания – награждению колхозников, отличившихся в работах по заготовке сена, - объявил секретарь, после того как руководитель закончил доклад.

В числе награждённых был и Степан. Ему вручили «Почётную грамоту» и выписали премию в размере пятидесяти рублей к зарплате. Надежде, сидевшей в президиуме, рядом с председателем колхоза, было приятно наблюдать за тем, как отметили её мужа, а особенно она испытала чувство гордости за него в тот момент, когда Степану вручал грамоту первый заместитель председателя райисполкома, специально приехавший на колхозное собрание из райцентра. «А всё-таки, мой Стёпа очень хороший…» - подумала Надежда, не отводя взгляда от супруга, незаметно для посторонних, подмигнув ему.

Последним пунктом в повестке был определён концерт для всех присутствующих. В нём приняли участие, как местные артисты – работники клуба, приготовившие для земляков музыкальные номера с танцами и песнями, а также артисты из районного дома культуры, которые показали небольшой спектакль на сельскую тему.

Вечер для тружеников закончился шикарным гулянием в колхозной столовой, в которой был накрыт стол для всех желающих.

Глава 6

РЫБАКИ

Одним из последних из-за стола пытался встать Степан. Стрелки часов показывали половину шестого утра.

Надежда, посидев в столовой чуть более часа, и то только лишь потому, что этого требовал этикет, перед тем как уходить, подошла к мужу со спины и, наклонившись, спросила у него шёпотом:

- Стёпа, я пойду, а ты ещё останешься?

- Да, Надюш, я посижу немного, - так же тихо ответил супруге Лопухин. – Некрасиво уходить. Ведь, посмотри, здесь же вся наша бригада.

Она решила не настаивать на уходе мужа, понимая, что это будет, действительно, не очень красиво, если стол покинут они оба. Да и в последнее время Степан очень много работал, поэтому, по убеждению Нади, он имел полное моральное право хорошо погулять, тем более что мероприятие имело официальный статус, а не носило характер банальной беспричинной пьянки, где-то за углом, непонятно с кем.

- Стёпа, поздравляю с грамотой и премией! – крикнул Лопухину через стол, его недавний напарник по сенокосу, Фёдор Цветков.

- Спасибо, Федя! И тебя тоже поздравляю! – сказал Степан, поднимая стопку вверх, предлагая Феде тем самым, выпить за данный тост.

Если в начале застолья было тихо и все присутствующие в основном, шептались, то после двух первых бокалов голоса гостей начинали звучать уже значительно громче. Перебивая друг друга, что-то крича наперебой, через головы сидевших рядом, а, порой, даже обращаясь к собеседнику, который находился вообще за соседним столом, колхозники и колхозницы, таким образом, начали бурное общение между собой…

Степан проснулся за столом в половине шестого утра, замёрзший от похмелья и «утренника», который нёс холодный воздух внутрь столовой через распахнутую, кем-то из уходивших, входную дверь. В ногах у него сидела их молоденькая собака-дворняга, которую Надежда подобрала на одной из скотоводческих ферм. Собака носила кличку Гемангиома. Так её назвал Степан. Это замысловатое слово он случайно вычитал в каком-то из медицинских справочников. Оно ему очень понравилось и поэтому врезалось в память. А когда Надя привезла с фермы подкидыша, который к тому же ещё оказался и девочкой, то вопроса по поводу имени новому члену семьи даже не возникло. Собаке на вид было месяцев четыре-пять, но она уже проявляла жёсткий характер в отношении посторонних, но, в то же самое время, она не скрывала своей верности и преданности молодой чете Лопухиных. Видимо, по природе своей, как и любая собака, она выбрала себе хозяином представителя противоположного пола, кем стал Степан. Гемангиома всегда и везде старалась следовать за хозяином. Исключением была только его работа, когда Степан ездил на тракторе.

Надежда, услыхав во дворе собачий лай, встала с кровати и, отодвинув оконную занавеску, увидела медленно идущего мужа, а рядом с ним, виляя своим мохнатым хвостом, бежала Гемангиома.

- Стёпа, ты где был? – взволнованным голосом спросила Надя, когда супруг вошёл в дом.

- Надь, я уснул в столовой, прямо за столом, - спокойным тоном ответил жене Степан. – Я там не один был…

- А с кем? – уже строгим голосом уточнила Надежда.

- Да, там ещё четверо спали. Иваныча видел. Ну, этот, который «приёмыш» у тёти Маши Смирновой… Потом, Колька с Мишкой шевелились, видел…

- Понятно, - успокоилась жена. – Иди, спи. А я пока собаку покормлю. Не зря же встала…

Степан проспал целый день и проснулся только лишь под вечер. Он встал, поел и снова лёг спать. Накопленная усталость за несколько рабочих недель, а также многочасовое «расслабление» сделали своё дело – Лопухин в общем целом спал почти двое суток. Надежда, наблюдая за всем этим, очень озаботилась состоянием его здоровья, и пока муж был в забытье, она сбегала к фельдшеру Матвеевой.

- Настя, скажи, если человек спит больше суток, это нормально?

- Он не просыпается вообще? – уточнила фельдшер.

- Нет, конечно, просыпается!

- Ну, и нечего тогда беспокоиться. Просто организм переутомился и ему нужно набрать определённое количество энергии. Вот и всё, - успокоила медик.

После разговора с Анастасией на душе у Надежды стало как-то спокойнее. «Устал он, конечно же… Пусть отдыхает сколько хочет, да хоть, неделю пусть спит…» - решила она про себя. Но её мыслям и желаниям не суждено было сбыться…

К вечеру вторых суток Степан, основательно отдохнув, пришёл в себя и уже доедал вторую огромную миску борща, который Надя сварила утром специально для такого события. Во входные двери кто-то постучал.

- Ну, кого там опять несёт? – недовольно, бросив свой взгляд на Степана, сказала жена.

- Не знаю, - ответил он.

Надя вышла в прихожую и включила свет. Дверь открылась и в проёме появились две мужских фигуры.

- Ну, привет, молодожёны!

«Господи! Когда же это кончится?» - мысленно взмолилась Надежда.

- Да уж не молодожёны теперь, - ответила она на приветствие гостей.

В квартиру вошли друзья Степана – Пашка Новиков и Сашка Фомин.

- О! Какие люди! – искренне, в отличие от жены, обрадовался Лопухин. – Вы какими судьбами?

- Мы домой из Ленинграда едем, - начал пояснять причину приезда Пашка.

- В отпуск едем. Так совпало, представляешь? – перебил друга Фомин. – Вот и решили заскочить к вам.

- Вот и ладно! Заехали – и молодцы! Раздевайтесь и проходите в комнату, - скрывая своё недовольство, сказала хозяйка.

Так как наступил уже вечер и гости были с дороги, то встреча закончилась скромным ужином, после которого Надежда расстелила две постели в соседней комнате, и все улеглись спать.

- Стёп, а на сколько дней они приехали? – шёпотом спросила Надя, когда они со Степаном уже легли.

- Я не знаю. А почему ты спрашиваешь?

- Да я ничего против ребят не имею, Стёп. Просто я очень устала от гостей. Думала, что хоть теперь отдохнём. Так нет же. Ни раньше, ни позже приехали.

- Ты чего мне предлагаешь? - начинал нервничать Лопухин. – Если я тебя правильно понимаю, то ты хочешь, чтобы я взял и выгнал их на улицу? И как ты это себе представляешь?

- Да я же не говорю, что бы ты выгонял своих друзей из нашего дома. Я говорю тебе о том, что бы никаких празднеств ты не планировал. Ой, даже не знаю, что и придумать. Они же не будут дома сидеть целый день. Ума не приложу, что делать?

- А ничего. Пока у меня отгулы я их на рыбалку отвезу. На ночь хотя бы. Или на две... Там комары их заедят, так они сами потом уедут. А? – тихо, в кулак засмеялся Степан.

- Ну, не знаю. На рыбалку? Может быть и правда, так и сделать, Стёп? – взбодрилась Надя.

Супруги ещё долго шептались о том, что делать с нежданными гостями, пока Степан внезапно не захрапел, после чего Надежда отвернулась к стенке и ещё некоторое время размышляла над сложившейся ситуацией.

- Парни, вставайте! – заходя в комнату, где спали друзья, сказал Степан.

- Зачем? – пробормотал сквозь сон Пашка. – Дай поспать ещё немного, Стёп.

- Давай, давай! Выспишься на том свете! Ха-ха! Поедем сейчас на рыбалку… С двумя ночёвками! Пока собираться будете, я схожу к соседу Ваське Козлову, а потом уже двинем на озеро.

Отлично зная Степана, его друзья поняли, что он не отвяжется от них, пока те не встанут со своих тёплых и мягких постелей. А значит, надо подниматься и делать то, что сказал Лопухин.

- Стёпа, мы вчера забыли сказать, - вставая с кровати, сказал Сашка. – Мы же тебе гостинец привезли из Питера. Но не стали заносить, а оставили во дворе, под кустом…

- Только не говорите, что привезли ящик водки, - перебил Сашку Степан.

- Какая водка, братишка? – возмутился Пашка. – Мы тебе привезли сумку «мальтозы». Пива наваришь. Главное, что – настоящая! Свежая! Ленинградская!

- А! Ну, это вы сделали правильно! «Мальтоза» - хорошая штука! Это правильно, что вы её оставили во дворе. А то Надюха очень недовольна была бы. Мы тут и так от гостей устали. Но вы к таким не относитесь. Да и я за год тут столько дел натворил по-пьянке, что даже рассказывать не стану. Так что, всё отлично, братишки! – довольный тем, что друзья всё сделали правильно, сказал Степан.

После этого, развернувшись в комнате, где временно были размещены его товарищи, Лопухин вышел на улицу и пошёл к своему другу-рыбаку. Он подошёл к дому и постучал в одно из окон.

- Привет, Вася!

- Привет! Чего рань-то такую? – потирая сонные глаза, выглянул в оконный проём Козлов.

- Да у меня внештатная ситуация образовалась, дружище, - стал объяснять суть проблемы Лопухин. – Представляешь, вчера вечером прикатили в гости два моих армейских друга. Надька выражает недовольство по поводу их приезда. Но я же их не выгоню – правильно ведь? А оказавшись между двух огней, решил найти компромисс…

- Так, а это уже интересно, - перебил товарища Козлов. – Сейчас погоди меня, я тапки накину, возьму папиросы и выйду…

Когда Вася вышел на крыльцо, то закурил сам и подал папиросу Степану:

- Ну, и что за компромисс?

- Я решил съездить с ними на рыбалку с ночёвкой, а лучше – на две ночи. Вот уже три дня пройдёт. А там уж видно будет. Мне надо, что бы Надька успокоилась.

- Да-а-а, я её прекрасно понимаю, Стёпа, - искренне посочувствовал жене товарища Василий. – Один плов сколько денег съел у вас. А картофельный участок старика-Корнея сколько ей нервов испортил? Так что, ты прав – надо ехать на рыбалку! – утвердил версию Лопухина Василий.

Поставив точку в данном вопросе, мужчины перешли к теме рыбалки. Так как, было лето, и рыба клевала не совсем хорошо, то Козлов предложил Степану помимо червя, взять ещё и опарыша - личинку мухи. Василий знал это из многолетней рыболовной практики – если не будет брать на дождевого червя, то уж на опарыша клевать обязательно станет, особенно, крупная рыба, такая как лещ или язь.

- Червя я наберу у фермы, а где мне набрать опарыша? – поинтересовался Лопухин у наставника.

- Не переживай, я тебе намою, - засмеялся над наивным вопросом друга Василий.

- Хорошо. Тогда я поехал за червём. Дашь мне своего мотоцикла?

- Бери, - ответил Козлов и выкатил «Ковровец» из сарая.

Так, решив все вопросы, Степан поехал на скотоводческий комплекс, чтобы накопать на силосной яме червей для рыбалки. Копать их не приходилось. Он отворачивал руками спрессовавшиеся естественным путём толстые слои, частично истлевшего, прошлогоднего силоса. Червь в таких местах был очень большой в длину и ширину, а также, кроваво-бордовый по цвету, что сулило рыбакам хороший улов. Насобирав половину литровой банки, Степан вернулся обратно. Вернул мотоцикл Василию, который уже намыл целлофановый пакетик опарыша и передал его Лопухину.

- А куда поедете рыбачить? – спросил Козлов.

- Не знаю пока. Хотел с тобой проконсультироваться.

- Я бы посоветовал тебе сходить к дяде Вале Кожевникову. У него есть самодельный тракторок, на котором вы с ним смогли бы поехать на Глухозеро. Всё равно ему делать нечего сейчас, поэтому он с вами с превеликим удовольствием порыбачил бы тоже. Тем более, что у него там, на озере, есть личный четырёхместный ялик, который ему привезли из Ленинграда, с лодочной станции. У него родная сестра замужем за начальником той самой станции. Вот и приобрели ему списанную лодку. Хотя, я его видел, он, как новый. Главное, что лёгок в ходу и очень вместительный. А то на этих «комягах» и «долблёнках» пока крутишься… Тем более, что и перевернуться на них можно. Больно уж неустойчивы, заразы. А вы ещё и без навыка все… Так что, лучше к нему. Да, пока не забыл! Он недавно там охотничий домик срубил. Специально для охотников и рыбаков. Так что, друзьям твоим очень понравится. Однозначно!

- Я понял. Спасибо. Так и сделаю. Мне-то без разницы, куда ехать. Главное, чтобы Надюху не злить.

Лопухин взял банку с червями и пакетик с опарышем, положил их в свою рыболовную сумку, которую взял в сарае перед тем, как направиться к Василию. Войдя на свой двор, он прямиком направился к сараю. Там, у его дверей, он стал складывать рыболовные снасти. Потом вынес из него две корзинки под рыбу, которые положил рядом с удочками и спиннингом. Покопавшись в настенном ящике, он достал запасные крючки, три мотка лёски разной толщины, коробочку со свинцовыми грузилами. Все это, сложив в одну кучу, он ещё раз проверил весь свой рыболовный скарб, чтобы что-нибудь не забыть. Друзья в это время уже встали, умылись, перекусили тем, что стояло на кухонном столе, приготовленное заранее Надеждой специально для гостей и накрытое льняным полотенцем.

Рыбаки, собрав всё необходимое в два рюкзака, прихватив удочки, выдвинулись в сторону дома, где жил дядя Валя.

Две больших лайки, привязанных на цепь при входе в дом, скалясь, рыча и звонко лая на подошедших к дому незнакомцев, подавали знак своему хозяину, что во дворе появились чужие. Створки окна открылись. Раздвигая оконную тюль в мелкий кружевной рисунок, из окна выглянул сам хозяин, держа в зубах дымящуюся самодельную цигарку, плотно набитую табаком-самосадом, который он сам и выращивал.

- Здорово, Степан! Здорово, мужички! – поприветствовал односельчанина и его спутников Кожевников.

- Здорово, дядя Валя! А мы к тебе, - ответил Степан.

- Ну, давайте, заходите… А ну, нишкните, заразы! – прикрикнул он на собак.

Трое друзей, сняв сапоги на террасе, прошли внутрь жилища…

Планировка дома дяди Вали была типичной. На входе перед гостями раскинулась большая просторная прихожая, которая играла роль зала. Никаких стенок и переборок между ними не было. Это была одна огромная комната. Справа стояла большая «русская печь», за которой находилась ещё одна комната, являвшаяся для хозяев спальней.

Дядя Валя – невысокий и худощавый мужичок, с крепкими и жилистыми руками, привыкшими к любой работе. Всю свою жизнь он проработал на земле и прошёл путь от мальчишки-батрака до бригадира колхозной бригады. С последней должности он и ушёл на пенсию всего лишь два года назад.

По своему характеру дядя Валя был весельчаком. Как настоящий рыбак и охотник, он очень любил рассказывать разные лесные истории, которые приключались с ним, иногда, как это делают профессионалы своего дела, он значительно преувеличивал в своих рассказах, что само по себе, рассказываемую им историю, превращало в байку. Он очень любил шутить. Шутил, как над собой, так и над своим собеседником. Его юмор был безобидным и не походил на злобную иронию или сатиру. И такой весёлый нрав его был от рождения. Судьба ещё в первую неделю его жизни сыграла с ним злую шутку…

…Было это в далёком 1911 году.

Мать дяди Вали – Евдокия Кожевникова на тот момент была беременна восьмым ребёнком. Они с мужем – Иваном, работали батраками у помещика Ильи Андреевича Кулябина, который имел огромные посевные площади и был в округе одним из самых зажиточных землевладельцев. Одних работников у него было почти полтораста «душ». Он был очень жёстким, отчасти, жестоким хозяином. Зачастую, самолично избивал батраков за любую, даже самую мелкую, провинность, постоянно заставлял работать круглосуточно, а беременные женщины трудились у него до последнего дня – их увозили на телегах, таратайках и санях рожать прямо с работ. Так получилось и с Евдокией. Когда подошёл сам процесс деторождения, её посадили на гужевую повозку и отправили в уезд. По прибытии в больницу, её отнесли сразу же в «родильную», где через час на свет появился мальчик. А так как Илья Андреевич велел извозчику Потапычу ожидать ответа – кто родится, то тот, чтобы не тратить времени зря, заехал в ближайший трактир и пропустил «графинчик» водки и одну бутылку водки он взял с собой в дорогу. В не совсем потребном виде он подъехал к больнице. Там ему сказали, что родился мальчик. Потапыч, радостный от такой новости, как будто это у него появился ребёнок, отправился домой. По пути он выпил всё, что было взято в трактире. К избе Кожевниковых извозчик подъехал в полуживом состоянии. На крыльцо вышел глава семьи – Иван Кожевников.

- Потапыч, ну, кого принесла мне в этот раз Дуська?

- Погоди, ща вспомню, - чесал голову Потапыч, вспоминая, о ком сказали ему в больнице. – А! Вспомнил! Дочку!

Ожидая сына, Иван очень расстроился, потому что у него и так уже было семь дочерей. Но делать нечего – дочь, значит, дочь.

Не дожидаясь возвращения жены с новорождённым, он сходил в волостную управу и оформил ребёнка, дав ему имя – Валентина.

Так, в семье Кожевниковых появился мальчик с документами на имя – Кожевникова Валентина Ивановна. Ошибка пьяного извозчика Потапыча была исправлена только тогда, когда мальчик Валентина получал паспорт. Но имя Валя так и осталось за ним. Никто в деревне его никогда не называл Валентином или Валентином Ивановичем, а обращались либо – Валя, либо – дядя Валя.

С самого далёкого детства Кожевников имел два любимых увлечения – охоту и рыбалку. Он пропадал на озёрах и в лесу всегда, когда появлялось у него на то свободное время. Помимо рыбалки и охоты он занимался сбором серы, драл лыко на сдачу, от чего имел неплохой доход, сначала к зарплате, а позже – к пенсии. Один раз он ушёл в лес на весь период своего отпуска, где в общей сложности прожил три недели. Его жена – Галина Семёновна, привыкла к такому образу жизни своего мужа. Зачастую ей приходилось оставаться одной с детьми, особенно в периоды открытого сезона охоты.

В семье Кожевниковых было трое детей – две дочери и сын. Отец всех приучал к лесу с малолетства. Как только детям исполнялось три-четыре года, он начинал брать их за ягодами.

Собирали всё – землянику, бруснику, чернику, морошку, клюкву. Таким образом, дядя Валя научил своих ребятишек отлично разбираться в грибах. Став чуть постарше, они уже самостоятельно ходили в лес и возвращались оттуда с целыми корзинками «белых» и «красноголовиков». Если дочери очень любили рыбалку, то сын, в отличие от своих сестёр, больше предпочитал охоту. Когда Галина Семёновна делала замечания мужу по поводу того, что в период учебного года надо заниматься уроками, а не бегать по лесам и озёрам, муж всегда отвечал ей:

- Если они не станут академиками, то это не страшно. Страшно будет, когда в голодный год они не смогут раздобыть себе пропитание… Так что, мать, не лезь в воспитательный процесс!

Но Галина Семёновна зря переживала за своих детей. Они успевали всё – помогали родителям по хозяйству, хорошо учились в школе, собирали ягоды, увлекались, как и их отец, рыбалкой и охотой.

Со временем они выросли. Успешно окончили школу. Старшая дочери Марине на выпускном вечере бала вручена «золотая медаль». Все трое получили высшее образование, устроились на хорошую работу и обзавелись семьями. Каждое лето большая семья собиралась в отчем доме, который был заполнен детскими голосами внуков. По окончании отпусков все разъезжались, и дядя Валя с Галиной Семёновной вновь оставались одни, в ожидании следующего лета…

- Дядя Валя, а как у тебя со временем? – спросил Степан.

- Со временем? – с ухмылкой переспросил Кожевников, скручивая цигарку. – Теперь ребятки время всё моё. Куда хочу, туда его и деваю…

- Так это же хорошо. Может быть, на Глухозеро сгоняем с двумя ночёвками? – предложил Лопухин, будучи твёрдо уверенным в том, что дядя Валя согласится.

- А чё не сгонять? Сгоняем, Стёпа. Тем более, что мне туда самому надо. Вот, думал, когда бы поехать – сегодня или завтра? А тут, вижу, вопрос решился сам собой…

- А чего тебе там надо? Ты там бражку, что ли поставил? А? – услыхав о каком-то тайном деле мужа, строго спросила Галина Семёновна, выйдя из кухни.

- Ну, ты, мать, опять о своём, - отмахнулся от жены дядя Валя. – Вот, ребята, с кем живу, представляете? Одни мысли о выпивке. Алкоголичка какая-то…

- Ты чё городишь? – всерьёз восприняла шутку супруга Галина Семёновна. – Ты чё меня перед людями-то позоришь? Я вообще не пью!

- Вот, поэтому мысли-то эти гнусные и вынашиваешь, - засмеялся хозяин.

Галина Семёновна была не только ровесницей дяди Вали, но более того, они родились ещё и в один день. По сравнению с мужем она выглядела значительно крупнее и выше, что само по себе уже говорило о том, кто в доме хозяин. Основную часть своей жизни женщина отработала заведующей фермой, где заработала огромный авторитет и безупречную репутацию, как в глазах коллектива, так и среди своего начальства. Как руководитель, Галина Семёновна являла собой образец строгости, честности и справедливости, чем и заработала такое уважение к себе. Одним из основных её качеств характера был талант юмориста. Она в нужный момент могла разрядить обстановку, в нужный момент вставив какую-нибудь шутку, вне зависимости от того, возникала ли напряжённая обстановка в быту или на колхозном собрании. Но никто никогда не видел её смеющуюся. Даже сам супруг за всю их совместную жизнь всего лишь несколько раз смог заметить улыбку на её лице. Но это не мешало слушателю хохотать в голос и до слёз над её высказываниями. Поэтому, в доме Кожевниковых всегда царила лёгкость, смех и непринуждённость, что сыграло даже в процессе воспитания детей огромную роль, которым тоже передалось это тонкое чувство юмора.

Сборы дяди Вали заняли не более десяти минут. Он, как настоящий хозяин, всегда любил порядок во всём. Приходя из леса, он никогда не бросал вещи, а аккуратно всё раскладывал по своим местам – рыболовные снасти в одно место, ружьё и патроны – в другое. Одежду и

сапоги он просушивал и проветривал в обязательном порядке, вне зависимости от того, было ли всё мокрое или сухое.

Залив в тракторок дизельного топлива, заведя его, отстегнул с цепи своих лаек и скомандовал:

- А ну, холеры, по местам!

Собаки, виляя от счастья своими мохнатыми хвостами, в один миг очутились на тележке, громко гавкая, давали понять Кожевникову, что к отъезду готовы.

Дядя Валя отозвал в сторону Степана.

- Стёпа, отвлеки мою Галку.

- Зачем? – не понял Лопухин.

- Вопрос считаю неуместеным. Если сказал, значит, так надо.

- А как я её отвлеку?

- Просто. Зайди в избу и скажи, чтобы она мне котомку на пару дней собрала.

- И всё?

- И всё, - хлопнул по плечу Лопухина дядя Валя.

Пока Галина Семёновна собирала сумку мужу, находясь на кухне, Кожевников вытащил во двор из дома, через сени и хлев, огромный длинный рулон, завёрнутый в толстую парниковую плёнку, туго перевязанную капроновым фалом. Протащив рулон по всему огороду, он перекинул его через забор, бросив рядом с дорогой. Лопухин, Пашка и Сашка стояли в недоумении от действий дяди Вали, внимательно наблюдая за ним. Тот, в свою очередь, молча вернулся назад, проверил, как прикреплена двуосная тележка к тракторку, сел в маленькую кабину самодельного транспортного средства и, объехав дом, остановился в том самом месте, где лежал загадочный рулон. Друзья проследовали следом.

- Залезайте в кузовок, а я вам сейчас подам ковёр, - скомандовал дядя Паля.

- Ковёр? – переглянулись между собой друзья.

- Да, ковёр, - ответил Кожевников. – А чего вы так удивляетесь? Ничего странного я в этом не вижу.

- Да нет, ничего. Просто я первый раз еду на рыбалку с ковром, - пояснил Лопухин.

- А ты ещё очень молод, Стёпа. И рыбак начинающий. Ты думаешь, что на рыбалку ездят только рыбу ловить и водку пить?

- А зачем ещё?

- Эх, молодёжь! Поживёшь с моё – не то ещё узнаешь! – усмехнулся в ответ дядя Валя, запрыгивая в кабину.

До Глухозера, куда они поехали, было девять километров. В основном, летом Кожевников ходил туда пешком, а зимой – на охотничьих лыжах. По дороге он вырубал кусты, которые росли, как казалось самому дяде Вале – не по годам, по дням, а иногда даже – по часам. Вроде недавно срубил куст, а он уже вновь вырос. Рубил он их с одним умыслом – делая тем самым просеку для свободного проезда. Кроме него на Глухозеро, практически, никто больше не ездил, потому что, кто знал нрав дяди Вали, никто не осмеливался ставить там сети. А в основном рыбаки ездили только с одной только целью – поставить сетки и отдыхать на берегу, для чего набирали с собой много спиртного и соли. Так как туда ездило очень мало рыбаков, то и рыбы в озере было относительно много. К тому же, в озеро впадала река Межа, в которой тоже водилась рыба. Поэтому, когда на озере прекращался клёв, то можно было на лодке перебраться в устье реки, где был шанс собрать, поймав на удочку, неплохой улов крупных лещей и язей.

Если у большинства рыбаков присутствует одна особенность – уезжать на рыбалку подальше от мест своего проживания, даже в случаях, когда водоём находится в самой деревне, где проживает рыбак, то дядя Валя никогда не изменял своему озеру. За что, скорее всего, оно платило ему добром, в виде отличного клёва и хорошей погоды во время рыбной ловли.

Компаньоны подъехали к реке, которая втекала в огромное озеро.

- Ва-а-ах! – толи сделал выдох, толи таким звуком выразил своё восхищение Сашка по поводу чистоты воздуха и, окружившей их.

- Ну, мужики, сейчас достанем шмотки, отстегнём лодку, погрузим в неё всё наше добро и надо поздоровкаться с озером, - сделал вводную на правах командира дядя Валя.

Когда все вещи, собаки и трое друзей находились в ялике, Кожевников оттолкнул лодку от берега и сам легко, по-молодецки, последним запрыгнул в неё. На вёсла сесть сам вызвался Пашка. Все рыбаки разместились в ялике, кому как было удобно. Собаки, зная свои места, сразу же улеглись на дно небольшого судна и, щурясь на ярком солнце, стали следить за незнакомцами. В это время дядя Валя достал из своего вещмешка, подаренного ему на «День рыбака» старшим затем, который служил офицером в армии, бутылку водки и начал разливать маленькими дозами по железным кружкам, которые специально для этого случая взял дома.

- Здравствуй, Глухозеро! Здравствуй, Хозяин! Поделись с нами своими недрами и богатством! – скороговоркой, как заклинание, громко произнёс свой тост Кожевников.

Все присутствующие молча выпили.

- Ну, ребятки, теперь должно быть всё хорошо. Хозяин принял нас.

- А кто такой «Хозяин»? – поинтересовался Фомин, закусывая малосольным огурцом.

- Хозяин? – почесал затылок дядя Валя, прикидывая в мыслях, как проще и доступнее объяснить молодому парню суть данного слова. – «Хозяин» – это хозяин… Вот, глянь вокруг себя. Видишь всю эту красоту?

- Да, вижу.

- Так Бог создал всё это, а Хозяин, как охранник стережёт её от всяких нехороших людей. Вроде таких, как браконьеры. Понимаешь? Это как на рынке – ты деньги, а тебе товар. Понял?

- Относительно, - не совсем понимая, что имеет в виду бывалый рыбак, ответил Сашка.

Дядя Валя не стал больше что-то объяснять, а поставив кружки перед собой, вновь разлил водку. Потом они поздоровались с рекой… Потом с лесом… Потом с кустами… Потом снова с озером... После чего, выбросив в прибрежные кусты две пустых бутылки, рыбаки собрались проверить клёв в устье Межи. Течением челн, с подвыпившими друзьями, медленно двигался по реке. Пашка изредка шевелил вёслами, направляя лодку на верный курс. Не привыкший к таким дозам и традициям, поменявшись местами со Степаном, Новиков улёгся на днище ялика, свернувшись клубком. Остальные рыбаки бурно вели беседу, которая сопровождалась нецензурными словами и отдавалась эхом по всей реке. Собаки сидели в носу ялика и наслаждались прохладой встречного ветерка.

Внезапно Фомин прервал общую беседу, сообщив о том, что у него скоро лопнет мочевой пузырь и, не дождавшись ответа компаньонов, схватился за вёсла и стал пытаться повернуть ялик к берегу. Степан оттолкнул друга и, не совсем уверенными движениями, поворачивал лодку к ближайшим зарослям камыша. Въехав в них, мужчины, цепляясь за растительность, подтянулись одним бортом к берегу. Стараясь быть аккуратным, Сашка начал перелезать через борт. Но, по какому-то злому року судьбы, Пашка во сне резко начал переворачиваться. Лодка накренилась именно на тот борт, через который лез Фомин. С матами, обращёнными в адрес своего лучшего друга и всех его родственников, он с громким шумом, держа одну ногу в лодке, а другой, цепляя прибрежный край почвы, плавно стал съезжать в воду, будучи уверенным, что мужики, контролирующие его действия, не бросят своего товарища в столь трагический час. Собаки в один миг очутились на берегу, бегая вдоль которого, они звонко лаяли, подозревая взрослых людей в какой-то новой интересной игре, которая, по всей видимости, очень забавляла двух молодых и шустрых лаек.

Паника посетила друзей раньше, чем самого Сашку, поэтому, кроме крепко спящего Новикова, Степан и дядя Валя решили без промедления покинуть судно. Так как действия всех присутствующих не были согласованы, и каждый выпрыгивал из ялика по мере своих возмож-

ностей, то через мгновение старый рыбак и его односельчанин Лопухин остались стоять по пояс в воде, а Сашка оказался в воде целиком. К счастью, трагедия обошла всех стороной, потому что больше всех мог пострадать Новиков, потому что он тоже вывалился спящий из лодки и чуть вообще не утонул. Он пришёл в полное сознание и стал понимать своё местонахождение только после того, как его вытащили на берег из холодной проточной воды. Дядя Валя, Степан и Сашка собрали сушняк и развели костёр. Пашку, раздев донага, положили около огня, «на дым», что бы тот смог согреться, а также, что бы его не заели огромные лесные комары.

- Мужики! Идите сюда! Гляньте, что я нашёл! – закричал Степан из-за стоящего стога сена, который находился в полусотне метрах от места, где рыбаки сделали привал.

Все, как по команде вскочили и побежали к стогу. Лопухин уже вытаскивал сорокалитровую металлическую флягу. В крышке были проделаны два небольших отверстия. Степан, дрожащими от волнения руками, открыл сосуд. Он был целиком заполнен какой-то мутной жидкостью.

- Ёлки зелёные! – выскочило из уст дяди Вали. – Как профессионал, даю голову на отсечение, что это спиртосодержащий продукт! Вон как пахануло из фляги! Мутная… Неужели бражка?

- Да, ты прав, похоже, что брага. Обалдеть! – понюхав жидкость, подтвердил выдвинутую версию Кожевникова, Сашка.

- А что такое брага? – поинтересовался, подбежавший к друзьям, совершенно голый Пашка.

- Сейчас не только узнаешь, брат, а ещё и попробуешь! – с радостной ноткой в голосе пояснил Фомин.

Недолго думая, рыбаки схватили флягу и потащили к костру.

- Мне кажется, эта фляжка Толика Мусина. – высказал своё мнение дядя Валя. – Здесь он сенокосит постоянно. Вот, наверно, поставил и сам забыл.

- С чего ты взял? – спросил Степан.

- А с того, что фляга стояла за стогом, а сенокосит Мусин здесь, я же говорю. Не будут же посторонние рыбаки под чужие стога брагу ставить. Да, и хрен с ними! Была ваша – стала наша! Кто нашёл, тот и хозяин. Верно говорю, братцы? – толкнул Кожевников в плечо нагого Пашку.

- Да, конечно. – до конца не осознавая ещё, что это и что с этим делать, поддержал тот.

Рыбаки быстренько расселись у костра, достав заранее кружки, закуску и начался процесс дегустации напитка. Бражка была либо не до конца «выхоженной», либо плохо затворена, потому что банкет продлился недолго. А всё потому, что друзья опьянели только после того, когда выпили, чуть ли не по ведру напитка на брата. Хорошо посидев, закусив и полностью высохнув, компаньоны начали сборы.

Совершив один раз ошибку, они решили на этот раз затащить лодку на полкорпуса на берег. Потом уложить в неё все свои вещи, а уж после этого загружаться. Сначала трое, а четвёртый, кто крепче стоит на ногах, подтолкнув челн, запрыгнет уже сам. Как решили, так и сделали. Посадка в сравнении с высадкой была более удачной. Степан, как самый трезвый, вновь сел за вёсла. День уже быстро подходил к вечеру. Ялик с рыбаками входил в устье реки, которое резко переходило в озеро. Теперь стояла одна единственная и последняя на сегодня, задача – проплыть всё озеро и причалить к охотничьему домику дяди Вали, где нужно было остановиться на ночлег. Размеры озера по-настоящему впечатлили Сашку и Пашку, которые никогда в живую не видели таких красивых и огромных озёр. Больше всего молодых людей впечатлил сам природный ландшафт. Пейзаж, который раскинулся перед изумлёнными взорами горожан, представлял из себя завораживающую картину – высокие, но пологие песчаные берега, покрытых, как снежным покрывалом, белым мхом. Высокие и стройные сосны, растущие друг от друга на приличных расстояниях, придавали ощущение размаха и бескрайности.

И вот, ялик вышел в открытое озеро. Солнце, пройдя свою пиковую дневную точку, начинало опускаться. Было ещё жарко. Но прохладный озёрный ветерок отвлекал рыбаков от ощущения упари и зноя.

Пройдя треть маршрута по озеру, Сашка обратился к присутствующим:

- Я, конечно, прошу прощения, но мне нужен берег, мужики. Стёпа, поворачивай.

- Ты чего, Сань, шутишь? Зачем тебе на берег? Ты только посмотри, до ближайшего мыска километра полтора будет! – стал возмущаться «рулевой».

- Зачем, зачем? А затем, что у меня что-то живот прихватило! Или может мне свои проблемы здесь решать?

- Стёпа! Поворачивай вон туда! – почти в противоположную сторону показал рукой дядя Валя, понимая неотвратимость происходящего.

- Да идите вы все в баню, начальники! Садитесь сами за вёсла и гребите, куда хотите! – огрызнулся Лопухин.

- Давай, греби! Не будем же мы сейчас посреди озера местами меняться. Правильно, мужики? – искал поддержки у остальной компании Фомин, крутясь на лавке, как на иголках.

- Добро. Но потом за вёсла не сяду. И так уже замучился грести. Верите? Тьфу! – разворачивая лодку, сплюнул через борт Степан.

Когда ялик подошёл к берегу, Сашка встал со своего места, вытянулся в полный рост, выплясывая какой-то своеобразный танец, матерился и проклинал ту минуту, когда выпил первую кружку странного напитка, найденного под стогом сена. Лодка не успела ещё до конца причалить к берегу, как страдалец прыжком, похожим на прыжок кенгуру, выскочил из челна и бегом, похожим на бег страуса, расстёгивая штаны на ходу, спрятался в ближайших прибрежных кустах. Остальная компания сидела и хохотала над слабой работой Сашкиного кишечника, сопровождая свои реплики разными нецензурными прибаутками.

Через пятнадцать минут Фомин, с жестокостью искусанным комарами задом, вернулся к друзьям.

- Фу-у-у, - выдохнул счастливый Сашка. – Спасибо вам, други мои. Даже ума не приложу – от чего же так круто прихватило?

- Слабаки городские! Ха-ха-ха! – громко засмеялся дядя Валя, отдав команду Сашке, который в этот раз был посажен за вёсла, к отплытию.

Проходя тот же самый участок озера, на котором пришлось разворачиваться из-за Фомина, общее молчание прервал Пашка:

- Слышь, Сань, давай, табань… Я хочу на берег…

- Это шутка или издеваешься? Ты из нас самый молодой, поэтому потерпишь, – ответил за всех Степан.

- Давай, говорю, поворачивай! А то наделаю дел прямо в лодке! Живот скручивает, ёлки-моталки! Ты человек или фашист? – закричал на Новиков на Сашку, не обращая никакого внимания на мнение Лопухина.

- Тьфу! – плюнул Фомин, резко меняя курс в обратную сторону.

Пока лодка двигалась к тому же берегу, где выходил Сашка, Пашка скулил, как голодный пёс на помойке. При сближении судна с берегом, картина была той же самой, что и при высадке первого рыбака. Сделав наконец-то своё «дело», с улыбкой во всю физиономию, из прибрежного ивняка вылез Пашка. Заправляя рубаху в штаны и застёгивая их на ходу, он двигался к друзьям, напевая известную всем песню «Шаланды полные кефали…». Только вместо имени Костя, он вставлял – Пашка.

- Давай, Бернес, залезай скорее, а то уже вечереет, а у нас ещё и удочки не размотаны, не говоря уже о первой поклёвке. – поторапливал Новикова дядя Валя, пересадив Сашку, пока тот был в кустах, освободив для «провинившегося» место главного вёсельщика. Довольные тем, что всё прошло без эксцессов, рыбаки двинулись обратно к центральной части этого гро-

мадного озера. Пройдя по озеру приличное расстояние, но, не дойдя немного до его середины, толи по воле злодейки-судьбы, толи по какой-то иной причине, в лодке начал суетиться Степан. На этот раз уже бурной реакции дяди Вали не было границ:

- Да вы, что, засранцы, вообще обнаглели? Мы сюда зачем приехали? Рыбу удить или берега поганить? Ты, Стёпушка, как хочешь, но поворачивать мы на сей раз не будем! – категорично заявил бывалый рыбак.

- Сань, Паш, хотя бы вы скажите ему, что это просто издевательство. – взмолился Лопухин.

- Действительно, дядя Валя, ему что, в лодке удавиться теперь? Давай высадим его. Не вытерпит же, – стал Фомин уговаривать Кожевникова.

- Итак, слушайте все! Хорошо, вернёмся, но в последний раз! Больше никаких берегов, пока не доберёмся до домика! Договорились? Я приехал, чтобы рыбы наловить, а не вас, чертей, по кустам развозить, – уже более спокойно ответил друзьям хозяин ялика.

Проделывая в третий раз одно и тоже действие – высадку пассажиров в том же месте, пока Степан делал свои важные «дела», дядя Валя, скрутив самокрутку, нервно дымил ею, матерился и плевал в озеро. В своей недовольной, всем происходящим, речи, обещая больше не ездить ни с кем из представителей данной компании на рыбалку. Так же, добавив, что на будущее не станет иметь никаких общих дел с «девчонками», в обличие мужиков. Все эти нецензурные пояснения, которые летели со скоростью автоматной очереди из уст Кожевникова, были слышны на сотни метров по всей округе.

Счастливый Степан занял место за вёслами. Теперь всё шло к тому, что, наконец-то, рыбаки начнут заниматься тем, ради чего они прибыли на озеро. Осталось дойти до стана, наловить рыбёшки на уху и на наживу, чтоб поставить «крюки» на щуку, но, если бы не одно «но». «Но» счастье не бывает долговечным, оно похоже на миг.

Уже начинало смеркаться. Ветер затих полностью и на озере стоял полный штиль. Вроде бы уже стемнело, но чёткие контуры берегов, имевшие зубчатые очертания на фоне небосвода из-за верхушек высоких стройных сосен бора, хорошо просматривались в быстро наступавшей темноте. Одинокая лодка, с четырьмя рыбаками и двумя собаками в ней, в четвёртый раз отчаливала от одного и того же берега. Приступ, который приключился с дядей Валей, в этот раза уже чуть не стоил ему жизни. Когда Кожевников попытался культурно объяснить всем присутствующим, находясь почти в самом центре озера, о том, что необходимо повернуть к берегу, друзья-рыбаки, разогретые некачественной брагой из сомнительной фляги, чуть было не накинулись на него, испытывая огромное желание выкинуть его за борт. Но как бы они не распылялись в своих выражениях и угрозах, а повернуть к берегу всё равно пришлось.

Отчалив в очередной раз от берега, где компаньонами по рыбному промыслу в камышах была натоптана широкая тропа, уставшие и вымотанные таким плаванием, они сидели молча, думая каждый про себя: «Чтоб я ещё с этими кадрами поехал куда? Ни за что! Это не рыбалка, а – каторга! Хуже детей малых…» - думал Степан. «Ёшкин-кот! Зачем я, старый дурак, пил эту гадость? Ведь знаю, что затворена была на речной воде, и кроме поноса, будь он неладен, ничего хорошего от её употребления, не ожидает… А ведь всё равно пил, старый идиот!» - размышлял дядя Валя. «Да и чёрт с ним, что потеряли день, зато сейчас на стане сообразим супчику горячего, а уж потом и порыбачим…» - успокаивал сам себя надеждами на счастливое заключение этого круиза, Сашка. «Как хочется кушать… А Надя говорила, что ближе к вечеру она сготовит борщ по-украински», - мечтал о еде Пашка.

Только лишь пройдя чуть больше половины огромного озера, первым молчание прервал Фомин, заходя из далека:

- Мужики, может, поднажмём? А то ведь мало ли что?

- Да, да! Надо поднажать! – поддержал Сашку дядя Валя. – Если «мало ли что», то рассаживаться будете по бортам лодки. Понятно? А то ведь это не рыбалка получится, а чёрт

знает что. Мы и так на вечерний клёв уже опоздали. С такими темпами хоть бы на утреннюю рыбалку теперь успеть…

- А ты к чему клонишь, Санёк? – поинтересовался Степан у своего друга.

- Да, не помешало б побыстрее чуток. – с опаской, поддержал Пашка.

- Если вопрос ставится таким образом, то я целиком и полностью тоже за скорейшее прибытие. Только вот лодка наша что-то медленно идёт, вроде, - сказал Лопухин.

- Если кто-то не доволен скоростью моей яхты, не вопрос – можете добираться самостоятельно вплавь, – нервно произнёс хозяин лодки.

- Нет, нет, мы не против. Просто мне кажется, что я всё равно не доеду до стана. – показывая на свой злосчастный живот, сказал Сашка.

- Не понял. У тебя опять начинаются проблемы что ли? – строгим тоном старшего спросил Кожевников.

- Ну, в принципе, я не отказался бы… - в полголоса, стараясь не нарваться на неприятные комплименты в свой адрес, пробормотал Фомин.

- Да и я тоже… - поддержал своего друга Пашка.

- Ну, коли так, тогда давайте рассаживаться по бортам – по два «носа» на борт. Только, мужики, аккуратно, – дал в заключение своё согласие на «пакостное дело» дядя Валя, понимая, что и его тоже стало «поджимать».

На самой середине озера стояла одинокая лодка, на бортах которой сидели четыре мужика, в центре стояли и радостно виляли хвостами, наблюдая такую сцену впервые в жизни, две огромные лайки. Эхо разносило по озеру, прячущегося в вечерней пелене тумана, голоса и смех друзей, которые наперебой хвалили друг друга за понимание ближнего. И как обычно бывает в таких случаях при решении данной глобальной проблемы, весь этот «круглый стол» сопровождался отборным русским матом…

Сумерки начинали окутывать всё кругом. Лодка причаливала к берегу.

- Мужики, сейчас будем действовать следующим порядком, - единолично назначив себя на роль старшего, распорядился Кожевников. – Первым делом нужно будет взять кому-то ковёр и повесить сушить. Там есть перекладина. Я покажу. После этого, вынимаем все свои вещи прямо в стане, а рюкзаки тоже на просушку… Хотя, они уже почти высохли, - сделав паузу, осмотрев свой вещмешок, заключил дядя Валя.

Уставшие и голодные рыбаки, чувствуя полностью вымотанными за день, начали в спешном порядке покидать свои насиженные места. Заранее определив обязанности, друзья без промедления приступили к их исполнению. Степан, как самый старший был ответственным за разгрузку и раскладку инвентаря, в который входили вещи, снасти, провиант, а главное – спиртное, которое он взял так, «на всякий случай», но никому об этом не сказал, чтобы не сорвать процесс рыбной ловли раньше времени. За заготовку топлива, а конкретно – дров, ответственность лежала на Сашке. Дрова, разумеется, были. Причём, четыре больших поленницы. Но, дядя Валя пояснил, что дрова, которые уложены в поленницы – для отопления помещения. А вот для костра Фомину он велел насобирать хвойный «сушняк», сбор которого не составлял никакого труда, потому что сухих сосновых веток было полно по всей округе. Общественность посчитала, что человек, проживающий основное время своей жизни в лесу, должен знать и уметь, как быстро разжечь костёр и растопить печь в домике. Этим человеком стал сам Кожевников. Пашке же отводилось не менее важное дело – выкурить всех комаров и остальной лесной гнус из стана, путём задымления всего жилища.

Перетаскав все вещи из ялика в стан, Степан вернулся обратно, чиркая спички, он заглядывал под лавки, что-то бубнил себе под нос.

- Ты чего там, Стёпа? Потерял чего? – ухмыляясь спросил Кожевников, дымя «самокруткой».

- Да я не могу никак банку с червями найти. В рюкзаках поглядел, тоже нету… Куда же она делась? Я же помню, что она была – сам же положил на дно лодки…

- Чего потерял? Банку с червями? – краем уха услыхав разговор Лопухина и Кожевникова, спросил Сашка, сваливая в кучу очередную охапку «сушняка».

- Да, банку. А ты её видел? – взбодрился Степан.

- Мужики, вы только поймите правильно… - замялся Фомин. – Когда мы кувырнулись на реке… Короче, банка на поверхности воды плавала. Я подумал, что это чья-то чужая… Тем более, что внутри грязь была…

- И чё? – строго спросил дядя Валя. – Ты короче можешь сказать?

- Одним словом, я её выкинул подальше от берега… - повесив виновато голову, заключил Сашка.

- Да-а-а, рыбачки, мать вашу! Тьфу! Это не рыбалка! И стоило ехать сюда, соляру жечь… Хотя, хоть ковёр привёз…

- Ладно, мужики, Васька, видимо подразумевал всё это, поэтому намыл мне пакет опарыша. Если я правильно его понял, то червь сейчас здесь не совсем востребован рыбой. Она предпочитает опарыша…

- Чё? Как не востребован? Червь всегда и везде востребован! – ударил кулаком по столу, наводя искусственную строгость, заявил дядя Валя. – Да, Васька – рыбак знатный, хотя ещё молодой. Но, молодец! Понял, что за контингент со мной поедет. А я, старый дурень, ещё понадеялся на вас. Как дети малые, честное слово…

Когда первая часть заданий была исполнена всем коллективом, дядя Валя перешёл ко второму этапу.

- Так, слушаем приказ, бойцы! Как мы все понимаем – рыбы мы не наловили, а значит, ухи на ужин не будет. Поэтому смотрим, что мы имеем в моих запасниках.

Он зашёл в стан, где зажёг две керосиновых лампы «Летучая мышь» и достал из своего рюкзака два целлофановых пакета. В одном находилась манная крупа, а во втором – готовая кашица. Когда следом зашли все остальные, Кожевников открыл деревянный ларь, стоящий внутри домика, справа от входной двери.

- Итак, пятилитровый котелок, - доставая инвентарь и продукты, он выкладывал всё на стол. – Картошка, лук, соль, пакет вермишели, хлеб, консервы… Короче говоря, разберётесь, не дети. А мы со Стёпой сейчас поедем вдоль кужлей прокатимся, где разбросаем кашицу с крупой для прикормки большой рыбы. А вы остаётесь тут – еду готовить будете. Утром рано на настоящую рыбалку выдвинемся…

- Поняли. Всё будет в лучшем виде, дядя Валя! – воскликнул Сашка, ощущая где-то внутри себя огромную вину перед всеми за выкинутую по незнанию, банку с червём, но особенно ему было очень неудобно лично перед Кожевниковым.

В это самое время Лопухин разбирал свои вещмешки, преследуя только одну цель – вложиться в «общий котёл». Оттуда он достал весь имеющийся провиант. Пакет с опарышем, который лежал в рюкзаке, он, не обратив особого на то внимания, положил так же на стол, рядом с остальными продуктами.

Перед тем, как Степану и дяде Вале отправиться подкармливать рыбу, а Сашке с Пашке заниматься приготовлением ужина, единогласно всей компанией было принято решение – «пропустить по стаканчику». Но, выпив по одной, друзьям трудно было остановиться. В процессе выкуривания комаров из стана и чистки картофеля для супа, компаньоны мало-помалу производили возлияния. В ходе данного процесса дядя Валя, по просьбе Степана, рассказывал разные небылицы из своей рыболовно-охотничьей биографии.

- Дядя Валя, мужики в деревне рассказывали, что ты, как охотник, бывал в разных передрягах и интересных ситуациях. Расскажи что-нибудь нам. А?

- Да, Стёпа, мужики в нашей деревне попусту языками чесать не станут. Историй приключалось со мной много. Нам одной ночи не хватит, чтобы все их рассказать, - дымил очередной цигаркой Кожевников.

- Ну, а всё-таки, расскажи нам, городским. Правда, нам очень интересно! Скажи, Сань? – взмолился Пашка.

- Да, да! Расскажи! – поддержал друзей Фомин.

- Ну, тогда слушайте, - развалившись на кушетке начал свой первый рассказ бывалый охотник. – Дело было два года назад. Зимой. Аккурат, перед Новым годом. Зима выдалась снежной и морозной. Волков на ту зиму очень много было. Проходу не давали, так сказать. В одной из деревень съели женщину средь бела дня. Она пошла на реку за водой, а мужик её печки топить остался. Полчаса проходит – её нет. Час проходит – её нет. Два часа проходит – её опять нет. Он пошёл искать, а от неё полушубок и валенки остались… Вот так вот…

- Так, а ты-то здесь при чём? – решил Сашка уточнить роль Кожевникова в этой истории.

- А при том, что кроме меня в деревне вечером на улицу никто не выходил – волков боялись. Так вот, - сделал глубокую затяжку цигаркой дядя Валя, кашлянул и продолжил свой рассказ. – Я поехал на следующий день в ту самую деревню, чтобы глянуть на волчью тропу. Они обычно ходят по одному и тому же месту. Прикинул, где можно их ожидать. И обнаружил рядом с тропой стог сена. Ну, значит, сгонял домой, взял всё, что нужно. Бутылочку прихватил. Мороз ведь. И в ночь поехал туда. Забрался на стог. Лежу. А ночь выдалась облачная. То луна вылезет, то туча её закроет. Часа в четыре утра, почти допив бутылку, только хотел закурить, вижу, а в направлении меня кто-то движется. Прищурился, значит, вглядываюсь, а к стогу лёгкой трусцой бежит собака. «Ты куда бежишь, зараза?» - думаю. Я волков караулю, а тут собака деревенская нарисовалась. Подбежала и давай скулить. Бегает вокруг стога и пытается ко мне наверх запрыгнуть. Я её прикладом ружьишка своего отгоняю. «Кышь!» - говорю. – «Иди отсюдова домой!». А она ни в какую! Короче говоря, я так её гнал минут сорок. Она попрыгала, попрыгала и побежала дальше. Я допил бутылку, покурил ещё и чую, что замерзать начинаю. Небо озаряться стало. Глянул на часы, а уже семь утра почти. Ну, что делать? Нету сегодня волков, значит. Слез со стога и решил следы поглядеть. Показалось мне, что больно уж собака-то большая. Глянул, а след-то волчий. Вот тебе, бабушка, и Юрьев-день! Меня волчара чуть в дёсны не поцеловал, а я его прикладом отогнал… Во, как бывает, братцы!

- Ха-ха-ха! – засмеялся Степан. – Да-а-а, интересно, а волк в тот момент чего подумал?

- Ну, это ладно, - продолжил Кожевников после того, как вся компания выпила по стопке за первую историю. – Так, что-то душно здесь... Берите всё и пошли на улицу.

Собрав всё со стола, компания вышла на улицу, расположилась у костра и замерла в ожидании дальнейших рассказов бывалого.

- А вот, годков пяток назад была тоже ситуация, так сказать… - продолжил дядя Валя. – Была опять-таки зима. Год не волчий, но тропу обнаружил случайно. За колхозной автомобильной заправкой проходила. И тропа-то уже была натоптана порядком. Значит, ходят зверюги постоянно. Стал я тогда прикармливать серого брата отходами. У кого требухой разживусь. Поросят много кто колет в это время. Кто шкуру телячью даст. Так вот, утром схожу накидаю, а в ночь на заправку залезаю по пожарной лестнице и караулю. Одна ночь прошла в холостую. Другая ночь так же порожняком прошла. А на третью ночь, гляжу – идёт трое. Большой, средний и поменьше. Семья в полной комплектации, тобиш. А у нас как получается? За сданную государству шкуру кобеля дают десять окладов. А за шкуру суки – четырнадцать. Я ж не дурак, понимаю, что надо в данном случае брать на мушку среднего. Сука же, однозначно! А коли шустрее их окажусь, то ещё и кобеля застрелю. Вот, значит, подпустил поближе и жахнул по среднему. Большой и маленький как встрепенутся и наутёк. А сука только взвизгнула и упала замертво. Я сполз с крыши заправки и к телу. Издали-то сука небольшой казалась, а как только попытался поднять – чую, здоровая попалась! Не могу поднять на спину и всё тут!

Пришлось тащить к заправочной колонке. Там приложил доску и только по ней затащил волчицу уже на саму колонку. А уж потом на спину взвалил. Принёс домой. Скинул на веранде. Галке говорю: «Ну, мать, чего на четырнадцать окладов купить тебе?». А она мне отвечает: «Ты сначала получи эти четырнадцать окладов!». Сглазила ведь, зараза! Представьте, с соседом на следующий день обмыли эти запланированные оклады, а на третий день, когда начал шкурать обнаружил мужское достоинство – кобель же оказался! Так и получил вместо четырнадцати только лишь десять…

- А Семёновне чего купил на них? – поинтересовался Пашка.

- А ничего! Она мне тоже вопрос задала, что ей я покупать буду? Шиш ей, с маслом! Я сразу сказал, что ничего ей не отвалится! Сглазила? Вот и пусть на своём окладе сидит, который ей был на ферме определён…

- Дядя Валя, а что за история была, когда тебя похоронили? Я слыхал про неё от мужиков в мастерских, но так и не понял, - спросил Степан.

- А-а-а, да, это была трагическая, но не для меня, ха-ха-ха, разумеется, история, - засмеялся Кожевников, выпив очередной налитый ему стакан водки и скручивая такую же, очередную цигарку. – И опять же, связано это с охотой на волков… Ха-ха-ха!... Годов пятнадцать назад это было. Притащил я волка домой. Точнее, не домой, а в баню положил. Галка на работе была, а ребятишки в школе. Я затопил баньку, а сам побежал петли глянуть. Поставил пяток штук на зайца. Но до петель не дошёл. Встретил за рекой Фимку «Стрижа». Ты, Стёпа, должен знать его. Он в том году утонул на рыбалке. Под лёт угодил…

- Да знаю, - подтвердил Лопухин.

- Так вот, он тоже петли ставил рядом с моим местом. Шёл обратно. Говорит, нет там ничего. И мои петли видал, тоже пусто. Вот и предложил мне «пропустить по одной». А чего не пропустить? У меня как раз отгул был. Вот и пошли к нему. Он холостяк. Никто ругать не будет. Детей сопливых нет. А чего по душам не поговорить? Тем более, что его самогон крепче аккумуляторного электролита. От такого гостинца грех отказываться. Ну, и «просидели» мы с ним так трое суток. А когда шли к нему, нас никто не видел, потому что со стороны луга шли и в избу к нему со двора входили. Когда на третьи сутки к вечеру оклемался я, думаю, надо идти домой. Мне-то тогда показалось, что я сутки у него пробыл. И, главное, про баню-то помню, что затопил. Ещё и переживаю, что выстыла ведь вся, наверно. Как мыться-то буду? Вот, иду, значит, по деревне и странное чувство какое-то ощущаю, мужики. Нигде по нашей улице свету в домах нету. Гляжу, только у меня в доме горит. Подхожу к калитке, а у крыльца мужики пьяные стоят, курят. Даже как-то растерялся. Выхожу из темноты и говорю: «Здорово, мужики!». Не поверите – у всех изо рта сигареты выпали. Стоят, глаза вытаращили и, главное, не здороваются, а только в стороны от меня расходятся. Я спрашиваю: «А вы чего тут стоите? Праздник какой-то что ли?». Я-то сам пьяный и до конца не соображаю ещё. Они молчат. Тогда я захожу домой, а там столы накрыты, моя Галка вся в чёрном. Плачет. Бабы меня увидели, да как заорут: «Господи, Иисусе Христе! Явился, неприкаянный!». Кто из них упал замертво, кто пулей выскочил из дома. Но больше всего мне понравилась реакция Галки моей. Она смотрит и говорит: «А вот сейчас ты пожалеешь, что воскрес, сволочь!». Подошла, да как двинет мне в лоб кулаком. Тут я и потерялся. Когда очнулся, дома всё нормально. Никаких столов, баб и мужиков. Думаю, надо же какой страшный сон приснился. К чему бы это? А оказывается, что баня-то моя сгорела. Я забыл заслонку закрыть. Когда стали разбирать головешки, то нашли только позвоночник волка, которого я притащил. А ведь никто не знал про волка. Вот и подумали, что это я сгорел. Милиция была, пожарники приехали, медицина прискакала. Позвоночник в районный морг отвезли. А те грамотеи не стали разбираться долго и написали, что причина смерти – сгорел при пожаре. А в тот день, когда я «воскрес», они меня похоронили и сидели, поминали…

- Ха-ха-ха, - уливаясь слезами от хохота, в голос смеялась вся троица слушателей.

- Это правда или байка, дядя Валя? – сквозь смех спросил Пашка.

- Ей-ей, чистая правда, мужики! – с улыбкой ответил Кожевников. – Единственное неприятное ощущение было, когда я увидел свою могилу…

- Значит, долго жить будешь, - сказал Степан.

Когда все успокоились от смеха, то решили выпить за долголетие Кожевникова, с чем согласился и сам тостуемый.

- Стёпа, а ты слышал про «шатуна», который бродил у нас по деревне лет десять назад? – продолжал дядя Валя.

- Нет, не слышал. Ну-ка, расскажи, - ответил Лопухин.

- «Шатун», так-то дело обычное. Но тот, который был у нас, это просто диву даёшься, мужики, насколько умным может быть животное. Дело было в конце января. Как-то утром, у хлева Коломиных, которые живут в первом доме, на въезде в деревню, обнаружили огромные медвежьи следы. Ситуация-то ясная, как белый день – кто-то из мужиков заготовлял дрова рядом с берлогой и случайно разбудил косолапого. И вот, мишка, проснувшись посреди зимы, стал искать себе пропитание. А где он найдёт еду, как не в деревне? Ну, значит, начал он обходить новые свои владения, так сказать. И ведь умный какой, зараза, оказался! В одну ночь приходил и когтями своими ставил метки на хлеву, тем самым, показывая для других медведей, что место уже занято. Он же думает, что не он один проснулся. А вот во вторую ночь он приходил и, разобрав двери или вытащив раму окна, вытаскивал поросёнка из хлева. Вот и представьте, приходит хозяйка утром кормить хрюшку, а её нет. И полхлева разворочено. Неимоверной силищи был тот «шатун». Были моменты, когда он даже разбирал брёвна. Тогда мы с мужиками стали делать засады. Сначала приносили потроха в тазиках и клали их со стороны леса, за хлевами. А сами сидели на чердаках и крышах. Но он не приходил к нам. А наутро узнавали, что он был в другой части деревни и там так же пропадал поросёнок. Так он и ходил, пока в деревне не утащил почти всех поросят. Но тут мне подвернулся случай встретиться с этим зверем. Сплю, значит, я и слышу сквозь сон какой-то грохот. Открываю глаза. И вправду, во дворе шум какой-то и свинячий визг. Я, конечно же, всё понял. Схватил свою «двустволку», закинул туда два патрона с пулями и потихоньку вышел на улицу. Ночь была лунной и тут, обойдя дом, я увидел этого мишку. Честно говоря, таких медведей я не видал с роду. Он стоял на задних лапах, поэтому в высоту был метра два с половиной. Я даже струхнул немного. Думаю, если кинется на меня, то, прощай моя грешная душонка! Медлить не стал и, хорошо прицелившись, жахнул дуплетом по нему. Он взревел и сиганул в сторону. Я понял, что попал и побежал одеваться. Так-то в одних трусах выскочил на мороз. Пока оделся, пока схватил патронташ, перезарядил ружьишко, на это же время надо. А когда выскочил – его и след простыл. Ну, думаю, чего в ночь бежать за ним? Коли ранен, то с утра по следу нагоним с мужиками. Но не тут-то было, братцы! Шли мы по следу целый день. След кровавый. Иногда он останавливался, видимо, потому что попадались места его лёжек. К вечеру вернулись обратно, потому что тучи нанесло такие, что хоть глаз коли. А утром следующего дня шёл крупный снег.

- Так вы его так и не нашли потом? Значит, пропал с концами, бедолага? – слушая внимательно и с нескрываемым интересом, спросил Сашка.

- Да куда там, Санёк… - прикуривая, заранее скрученную цигарку, с грустью в голосе, ответил Кожевников. – След мы потеряли, конечно. Но через две недели мы узнали, что в соседнем колхозе видели огромного «шатуна». Он разбирал терраску у одной бабки. Хотел залезть в её избу и съесть ветхую. Но опять же, кто-то его спугнул. А то бабке пришёл бы конец, однозначно! Думается мне, что это мой подранок и был… Вот такая история, друзья… Но до чего умный, стервец! Так ведь никто и не нашёл его потом… Пропал он куда-то…

Позднее время суток, усталость и алкоголь постепенно делали своё дело. Вся компания была уже в «хорошем» состоянии. И постепенно, рассказываемые дядей Валей охотничье-рыболовные истории из его жизни, начинали приобретать невероятные сюжеты.

- Вот вы думаете, кто умнее всех из животных? – прищурив взгляд, глядя на всех присутствующих поочерёдно, спросил он.

- Собаки! Тут и думать нечего! – выпалил скороговоркой Степан.

- А вот и нет! – отрезал Кожевников. – Рысь! Это самое умное существо на земле!

- Почему рысь? – спросил Пашка.

- А потому, что она преданней и умней собаки. Вот вам пример. Правда, давно это было. Как-то в позднюю осень я ходил в лес. Уже стояли хорошие заморозки, но снега ещё не было. Иду я как-то, а сам нутром своим чую, что кто-то смотрит мне вслед и идёт за мной. Оглянулся. Нет никого. А всё равно чую, что есть. Так я походил по лесу и уже домой собрался. Вышел на поле и решил ещё раз оглянуться. Гляжу, а рысь спрыгнула с дерева, поглядела на меня и ушла в кусты. «Ага! - думаю. – Вот кто меня сопровождал всё время!». На следующий раз я взял с собой сальца, мясца вяленого, буханку хлеба и опять в то место пошёл. Иду по лесу и опять такое же ощущение внутри испытываю. Ну, думаю, угощу я тебя едой человеческой. Разложил всё на газете и пошёл дальше. А когда возвращался обратно, то ничего на газете уже не было. Ну, так и ходил со снедью в этот лес. А потом, спустя какое-то время, за белками пошёл и опять туда. Собаку брать не стал. А белок в тот год, что-то много развелось. Так, сходил один день. В другой пошёл. Ну, с каждой ходки принесу две-три белки, а рысь эту уже прикормил. И вот, иду в очередной раз по своему маршруту. Глядь, а на земле белка лежит. Шкурка даже не испорчена нисколечко. Прошёл чуть подальше – ещё одна лежит. И ведь так двенадцать штук подобрал. Главное, тушки-то ещё тёплые были… Это так меня рысь отблагодарила… Умные они, однако! Ох, какие умные!

- Чё-то с трудом верится мне, что бы рысь тебя за еду такими подарками осыпала… - засомневался в услышанном, Сашка.

- Я знаю, что это было. А верить или нет – это твоё дело, - резко отрезал дядя Валя.

- Да-а-а, интересно всё-таки, - чесал затылок Пашка.

- Это ещё что, а вот как за глухарями я ходил, это, действительно, интересно.

- На токовище? – спросил Степан.

- Ага. На дорогу… - с усмешкой ответил Кожевников.

- На какую дорогу? – не понял Степан, шутит или говорит всерьёз дядя Валя.

- На обычную, Стёпа, на обычную. По которой машины ездят… В период первых осенних заморозков что делают глухари? А? – вновь, прищуриваясь, с ухмылкой спросил Кожевников.

- Не знаем. Говори, не томи, - ответил за всех Сашка.

- Они ищут камешки, чтобы их клевать. А где, кроме дороги можно их ещё найти? Поэтому раным-рано они слетаются на дорогу и клюют их. А что делаю я? А я беру ружьё, патроны и прогуливаюсь по дороге. Они не боятся в этот момент и подпускают тебя близко-близко. За час-полтора такой прогулки я таким способом приносил домой по два-три глухаря… Эх, вы, молодёжь…

- А на рыбалке ты, какую самую большую рыбу поймал? – поинтересовался Пашка.

- Щуку. Причём, здесь, на Глухозере.

- А какого размера? Ну, или – на сколько килограммов? – не унимался Новиков.

- Килограммов сколько сказать затрудняюсь, а, вот по длине скажу – метров десять, - не моргнув глазом, ответил дядя Валя.

- Чего? Сколько? Да ты думай, когда пули отливаешь! – засмеялся над словами Кожевникова Степан. – Акулы с китами тут не водятся! Ха-ха-ха!

- Чё? Ты хочешь сказать, что я вру? – понимая, что немного перебрал в размерах, возмутился сильно охмелевший Кожевников.

- Я не говорю, что ты врёшь. Просто десять метров это уже акула, - стараясь не нервировать опытного рыбака со стажем, спокойно сказал Лопухин.

- Да у неё один только глаз был вот такой! – сложив два кулака вместе, сказал Кожевников.

- Ну, и как ты её вытащил? И как ты довёз её до дома, интересно? Десять метров мяса, это не меньше полтонны, как-никак, – не унимался Степан.

- Да я её не смог вытащить. Ты прав, она тяжёлая была. Когда крюк она распустила, я тогда понял, что щука большая. Я подъехал на лодке и стал тянуть её. Но подумал, что руками мне хребет ей не сломать, поэтому взял топорик, чтобы им перерубить его. Тяну, значит, двумя руками…

- А топорик ногами держишь? – начал уже надсмехаться Лопухин.

- Какими ногами? Я его в зубы взял, - нервничал дядя Валя. – Ты слушай дальше… Так вот, тяну я её… И уже подтянул её к лодке. Только хотел одной рукой топорик взять из зубов, как высунулась щучья морда из воды. Вот такенная была! – изобразив руками форму круга, тем самым показал объём головы щуки, Кожевников. – От удивления у меня самопроизвольно рот открылся. Топорик выпал и прямо острым местом по лёске! На, тебе! Лёска лопнула, щука и ушла.

- А откуда ты тогда узнал, что она десять метров? – продолжал пытать Степан.

- От верблюда! Ты дурачок что ли, Стёпа? По морде прикинул. Я что, в щуках не разбираюсь что ли?

Понимая, что дело идёт к скандалу, Сашка решил перевести тему разговора в другое русло. Тем более, что к тому времени, когда дядя Валя рассказывал про сказочную щуку, вермишелевый суп был уже приготовлен. Тройка рыбаков, еле держась на ногах, по приглашению Фомина стала заползать в стан, для того чтобы приготовиться к приёму пищи. Один только Сашка болтался вокруг костра, готовясь к транспортировке котелка от кострища до домика, где он предложил всем свой свежий, и ещё во всю кипящий, суп. Повар, со скрываемым от коллег сомнением, смотрел на своё детище, так как единственное, что он не мог уже точно вспомнить – доварил он этот суп или нет?

Разлив по тарелкам содержимое котелка, поставив на стол очередную бутылку водки, разложив хлеб, ломтики лука, чеснока и сала, рыбаки сели ужинать. Вермишелевый суп, сваренный Сашкой, явно всем очень понравился, потому что Степан мычал от удовольствия, а Пашка, выпив его через край тарелки, попросил добавки, обращаясь к другу:

- Дай-ка добавки, Санёк… Да-а-а, такого классного супа я ни разу нигде не ел… Сколько с тобой знакомы, а даже и не знал, что ты такой чудесный кашевар, брат! Рецепт напишешь?

- Спасибо за добрые слова, друг… Обязательно напишу, – с нескрываемой радостью пообещал повар.

Хорошо поев, не менее хорошо выпив, весь коллектив решил никуда не ездить вообще, а просто лечь спать, придя к общему мнению, что день выдался очень тяжёлый и всем надо отдохнуть…

…Рано утром, в седьмом часу, в стане, в котором было ещё темно, так как крохотное окошко плохо пропускало внешний свет, а керосиновые лампы были потушены ещё ночью, раздался голос Сашки. Он, просыпаясь, случайно нащупал рядом с собой чью-то ногу:

- Где я? Кто тут?

- Это я, Сань, – отталкивая руку друга, ответил Новиков.

- Ё-моё! А я уж подумал, что ослеп… А чё, темень-то такая? Давай, буди всех, да полезем на свет Божий. – тяжело встав на ноги, ища выход, произнёс Фомин.

Все, находящиеся в домике рыбаки, начали просыпаться. Встав, поочерёдно, они выходили на берег озера, где приняли утренний туалет, умывшись по пояс. Потом друзья дружно сели за стол, заранее убрав с него весь мусор, который остался после ночного банкета. Степан молча ходил по домику и что-то искал. Потом вышел на улицу, походил вокруг костра и вернулся в стан.

- Кто-нибудь что-нибудь помнит? Мы рыбу-то ловили или нет? – спросил дядя Валя, роясь под кушеткой, в надежде найти заначку, чтобы опохмелиться.

- Я бы тоже хотел это узнать, - поддержал Пашка, взяв в руки чайник с остывшей кипячёной водой, которую стал пить жадно и большими глотками.

- Никто ничего не ловил, - утвердительно заявил Сашка. – Суп доедать кто-нибудь будет? А то выливать жалко.

- А мы что, суп вчера ели? – спросил Кожевников, продолжая ползать под кушеткой.

- Да. А вы что, действительно, ничего не помните? Я вчера варил суп вермишелевый…

- Какой суп ты вчера варил? – подозрительно глядя на повара, переспросил Степан.

- Какой-какой? Вермишелевый… А что? – не понял сути вопроса Сашка.

- Да нет, ничего… А где остатки супа говоришь? Дай-ка сюда…

- На, держи, - подал Степану котелок с остатками супа Сашка.

Лопухин взял его и посмотрел внутрь. Потом молча поставил его на стол и сел на кушетку, под которой продолжал ползать дядя Валя. Он достал из кармана куртки пачку «Ватры», вытащил из нее одну сигарету и закурил. Все присутствующие, за исключением пыхтящего под кушеткой дяди Вали, так же, не говоря ни слова, внимательно наблюдали за Степаном. Но Сашка, испытывающий какой-то внутренний дискомфорт, решил прервать затянувшуюся паузу:

- Не пойму – что-то случилось? – с волнением в голосе спросил он.

- Да нет, ничего не случилось, - еле слышно ответил Лопухин.

Докурив сигарету, затушив окурок о свою ладонь, Степан встал и так же спокойно объявил всем рыбакам:

- Сматываем удочки и отплываем в сторону дома…

- А чего их сматывать, если мы их и не разматывали! – вылезая из-под кушетки, держа в руках бутылку водки, с радостью в голосе ответил дядя Валя.

- А почему отплываем? – спросил Пашка.

- А чего нам тут делать? Ладно, хоть не зря прокатились – ковёр привезли дяде Вале… А на что ловить будете, коли останетесь? На окурки? А может быть, на сухую бруснику? Ну, ладно, сначала чуть не утопили. Всякое бывает, когда из лодки выходишь… Но банку-то с червями один умник зачем выбросил? Диверсант какой-то. Ты не от тёщи моей приехал случайно? – громко возмущаясь и выходя из себя, спросил он Сашку.

- Нет, я не от твоей тёщи… - растерянно ответил друг.

- А я подозреваю, что от неё! – продолжал кричать Степан. – На такое только она способна. Ну, ладно, червей выбросил, Бог с ними, так меня ещё на этой рыбалке и пойлом напоили каким-то, от которого чуть на органику не изошёл. До сих пор ещё мутит. Но, и это ещё ничего, сам виноват, лучше бы на вёслах сидел весь путь… А вот, чтобы суп из опарыша варили – это, братцы, уже даже не диверсия…

- Чего? Из чего суп? – взяв в руки котелок с остатками супа, вскочил, до этого молчавший, Пашка. – Ты чё, шутишь?

- А чего тут шутить? Сам посмотри. Факт налицо! Я ещё из ума не выжил, чтобы вермишель с опарышем перепутать, – ответил Степан.

- О-о-о, и зачем я с вами связался? Никогда такой рыбалки у меня не было. За последние половину суток вы, молодёжь, я смотрю, нанесли такой урон, что даже не знаю, как это всё назвать, - выпив стопку из найденной бутылки и закручивая цигарку, спокойно сказал дядя Валя...

- Саша, ты суп свой вонючий варить оставался. Ты заправлял его чем, кретин? – краснея от злобы, начал Степан проводить допрос в отношение повара.

- Вермишелью… ка-ка-кажется… - заикаясь, ответил Сашка. – Она же в пакете на столе ле-ле- лежала.

- На столе лежал пакет с опарышем. Стёпа его выложил из своего рюкзака. Я сам видел. А моя вермишель лежала на крышке ларя… Чего тут говорить? Собираем шмотки и погнали…

Хоть собак выгулял… - ещё спокойнее, чем в прошлый раз, ответил Кожевников, наливая очередную стопку водки.

Пашка, бросив котелок на пол, выскочил из домика. Ему стало плохо.

- Как говорили наши предки: «Не бойся червя, которого ты ешь, а бойся того, который тебя есть будет!» - смеясь над городским неженкой, крикнул в след Новикову дядя Валя.

На все сборы у рыбаков ушло не более четверти часа. Все снасти, вещмешки, тёплую одежду, взятую не понятно зачем, погрузили на днище ялика, где уже заняли свои места собаки Кожевникова. В наказание за срыв процесса рыбной ловли Сашку Фомина посадили за вёсла, и ему пришлось грести ими до того самого места, где был оставлен тракторок дяди Вали. Погрузив весь свой рыболовный инвентарь в тракторный кузовок, Степан, Сашка и Пашка вместе с лайками расселись в нём и молча выдвинулись в сторону деревни.

Когда Кожевников подъехал к своему дому, его вышла встречать Галина Семёновна. Стоя на крыльце, она обратилась к своему супругу, как только тот заглушил двигатель тракторка:

- Ну, что-то вы рановато приехали. Я вас только завтра ждала… Гляньте на них, они не только рано приехали, так ещё и трезвые! Это что-то новенькое…

- Хватит глумиться, мать! – одёрнул жену Кожевников, сажая собак на цепь. – Рыба не клюёт вообще. Как вымерла вся. Даже сам удивляюсь.

- Да не поверю никогда, что на Глухозере рыба не берёт! Иди вон соседскому Мишке Платонову расскажи. Ему четыре годика, он поверит… Кстати, я сегодня прибираться начала. Глянула, а в углу ковра нет. Ты не перетаскивал его никуда?

- Ну, ты, мать, даёшь! На кой мне ковёр? Если только в тракторе на пол постелить, - отмахнулся свободной рукой от Галины Семёновны муж, неся в другой руке все свои вещи из кузовка в сарай.

- Странно. Куда делся ковёр? Ладно, пойду поищу. Может, сама куда переложила? Подарок-то дорогой.

Троица несостоявшихся рыбаков в лице Степана, Сашки и Пашки, пожав руку дяде Вале, поблагодарили его за приятно проведённое время, прихватили свои вещи и молча пошли домой.

Надежда встретила мужа и его друзей не совсем ласково. Она рассчитывала на то, что они уедут на рыбалку, как минимум, с двумя ночёвками, как обычно это делали местные рыбаки. Когда они остались наедине со Степаном, то она поставила перед ним вопрос о дальнейшем пребывании гостей, «ребром»:

- Стёпа, когда ребята собираются уезжать? Ты пойми меня правильно, что с гостями у нас с тобой в это лето получился перебор…

- Надь, ты права, разумеется. Но как я им скажу? Это же мои друзья. То есть, ты предлагаешь, что бы я их просто взял и выгнал?

- Ну, зачем выгнал? Намекни как-нибудь… Пойми, я устала…

В момент разговора двух супругов на кухне, в прихожую случайно зашёл Сашка и услышал всё, о чём беседовали Надежда и Степан. Он так же тихо вышел на террасу дома, как и вошёл. Поняв саму суть того, что они с Новиковым являются здесь лишними, Сашка решил не скрывать, а рассказать об этом разговоре Пашке. Не совсем гостеприимный настрой хозяйки в день их прибытия бросался в глаза сразу. Но Фомин не придал этому факту серьёзного внимания. И только этот, случайно услышанный им разговор, сам собой решил вопрос о дне их отъезда. Переговорив с Пашкой, друзья решили не откладывать свой отъезд на какой-то неопределённый срок, а уехать на самом первом утреннем рейсовом автобусе прямо завтра. О своём принятом обоюдном решении они объявили за ужином. Надя, сделав наигранную видимость сожаления, сказала о том, что она не хотела бы, чтобы ребята уезжали, но уж, если надо, тогда надо ехать, тем более что дни отпуска у людей, как правило, почему-то летят значительно

быстрее, чем рабочие будни. Степан ничего не сказал. Он весь ужин просидел молча, опустив голову, как будто догадывался о том, что Сашка слышал весь его разговор с женой.

Рано утром друзья встали, быстро, по-армейски, умылись, побрились, легко позавтракали и, прихватив свои небольшие чемоданчики, собранные ещё с вечера, поблагодарили хозяйку за радушный приём и, попрощавшись со всеми, пошли на деревенскую остановку.

Так, Лопухины остались вновь вдвоём. Надежда свободно выдохнула оттого, что наступил привычный для них с супругом ритм жизни, а Степан тяжело вздохнул оттого, что ему было очень стыдно за то, что друзья уехали не по собственному желанию, а потому, что ощутили их холодный приём.

Сашка с Пашкой только лишь сели в автобус, как забыли обо всём и начали строить планы на этот день – что же они будут делать в райцентре до вечера, пока не прибудет их поезд?

Если у Лопухиных и их друзей всё было хорошо, то вот дядю Валю самые большие неприятности ждали впереди. Галина Семёновна, поискав ковёр, пока Кожевников был на рыбалке со Степаном, Сашкой и Пашкой, и не найдя его, отложила поиски с мыслями, что она сама куда-то переложила дорогой подарок ленинградских родственников, но забыла – куда. Тема пропажи ковра всплыла через две недели, когда в гости к Кожевниковым приехал их сын с другом. Отец с сыном и его товарищем, соблюдая семейную традицию, поехали на Глухозеро, ни сколько за рыбой, сколько просто отдохнуть. Они купались, «отводили душу» на рыбалке, варили уху, жарили шашлыки, выпивали. А когда вернулись домой, то ничего не подозревая, сын с ходу высказал матери слова восхищения:

- Мам, сказать, что я приятно удивлён – не сказать ничего!

- Ты о чём, сынок?

- Ты, вообще, молодец! Бате ковёр в домик отдала! Если бы не видел своими глазами, то никогда бы не поверил! Знаешь, как там уютно стало?

- Какой такой ковёр? – уперев руки в бока, зло глядя на мужа, который сидел и пил чай, медленно, но грозно надвигаясь на него, уточнила Галина Семёновна.

- Тот, что из Ленинграда вам привезли… - ответил сын, удивляясь такой реакции матери.

Кожевников, находясь в преддверии крупного разбора, встал из-за стола, не допив чай, и спиной стал пятиться назад, в сторону выхода, пытаясь что-то объяснить супруге, но кроме невнятного мычания, он так и не смог аргументировать пропажу ковра, а уж тем более, его таинственное появление в охотничьем домике на Глухозере.

Итогом ярости Галины Семёновны явился перелом руки у дяди Вали, который, сдавая свои позиции перед супругой, запнулся о порог и неудачно упал на террасе. Ему на три недели был наложен гипс. Ленинградский подарок так и остался в домике на озере, потому что, как потом, успокоившись, сказала сама Галина Семёновна:

- У нас в доме его и стелить-то не где. Он же большой, а у нас места мало…

Спустя месяц, находясь в колхозных мастерских, Степан случайно услышал разговор Толика Мусина с мужиками, который рассказывал о том, что у него на реке Меже два раза воровали сено, которые он метал из скошенной прибрежной осоки. И что бы наказать воришек, он набрал целую флягу сырой речной воды, накидал в него для придания вкуса разных фруктовых и овощных ошмётков, закинув напоследок двадцать упаковок «Пургена». На вопрос мужиков, помогло или нет это от очередного похищения, Толик с радостью ответил – «Да!». Степан, услыхав о таком варварском способе, сначала пришёл в ярость, но сразу же понял, что надо как-то сдержаться и не проговориться о том, кто выпил это пойло, потому что потом невозможно будет доказать их непричастность к воровству сена у семьи Мусиных…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.